

**Указ Президента РФ № 2437 от 4 марта 2033 г.
«Об объявлении войны странам НАТО и начале
военных действий на территории Российской
Федерации».**

В связи с грубым нарушением всех достигнутых международных договорённостей о мире и сотрудничестве, введением войск на территорию суверенного государства, члена ООН — Российской Федерации, в частности, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а также применением военной силы к мирному населению, настоящим указом:

— Разрываются все дипломатические отношения и объявляется война странам, входящим или однозначно поддерживающим каким-либо образом военно-политический блок Северо-Атлантического Альянса(NATO) (список на 4 марта 2033 г. — в Приложении).

— Объявляется военное положение на территории следующих субъектов Российской Федерации: Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Крым, Краснодарский край, города федерального значения Севастополь, Сочи.

— Всем войскам Южного военного округа приказывается начать наступление с целью вернуть контроль над захваченной территорий вышеперечисленных субъектов Российской Федерации.

— Командующим военными действиями назначить главу Южного военного округа генерал-лейтенанта ВС РФ Прокопенко А.С.

— Приказ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации

Козлов И. А.

Репортаж от 11 марта 2033 г.

«Черноморская чума»

Вот и прошла неделя с тех пор, как Россия объявила войну самому крупному на планете военно-политическому блоку — странам НАТО. А пока президент страны не показывается на публике, появляясь лишь на закрытых пресс-конференциях в сопровождении охраны, сложно оценивать результат, избегая фактов: по состоянию на вечер 9 марта вся территория Крымского полуострова, Черноморское побережье и ряд республик Северного Кавказа попали в непосредственную зону боевых действий. По самым предварительным подсчётам, от рук американских военных и их союзников погибло более десяти тысяч человек, ранено или пропало без вести — более пятидесяти тысяч. Около полутора миллионов мирных жителей оказались на оккупированной Альянсом территории. Черноморский флот разбит, оставшиеся в строю сторожевые корабли «Керчь» и «Адмирал Макаров» в спешном порядке передислоцированы в Ростов-на-Дону. На данный момент полным ходом идёт эвакуация крупнейшего города на пути войск НАТО, южного форт-поста России Краснодара.

По словам утверждённого в роли главнокомандующего Прокопенко Антона, «ситуация крайне сложная, но вполне посильная для сильнейшей в мире армии». Также он добавил, что о введении войск дружественных нам государств речи пока не идёт. И всё же, возникает закономерный вопрос: как сильнейшая в мире армия допустила вторжение на территорию собственной страны? Вот что ответил нашему корреспонденту пресс-секретарь президента Раков Илья:

— Причиной тому, прежде всего, была неожиданность вторжения: защищая Сочи от «иголок» — террористов, люди в погонах не заметили, простите, «бревна». На данный момент первопричины произошедшего пока не установлены, однако виновные в подобной, простите, безалаберности гарантированно понесут соответствующее наказание.

Известно, что множество офицеров (в т. ч. и руководитель обеспечения безопасности при проведении Универсиады майор Росгвардии Морозов Дмитрий) уже лишилось званий за допущенную халатность. Однако помогут ли репрессии в рядах, когда страну в буквальном смысле делят на части чужеземцы? И стоит ли ждать какой-либо помощи после стольких лет политики самодостаточности от дружественных Казахстана, Китая или Индии? Впрочем, мы всё ещё можем верить, что наши солдаты смогут отстоять наше с вами право жить на родной земле.

**Указ Президента РФ № 2508 от 17 марта 2033 г.
«О проведении всеобщей мобилизации на
территории Южного военного округа»**

Руководствуясь полномочиями Верховного Главнокомандующего, в соответствии со статьей 59 Конституции РФ, в связи с угрожающей стране военной угрозой настоящим приказываю:

— Провести всеобщую мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет, постоянно проживающего на территории Южного военного округа для укомплектования состава Вооружённых сил РФ.

— Контроль исполнения приказа возложить на министра обороны РФ Прутко С.С.

— Приказ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации

Козлов И.А.

**Служебная записка капитана Астафьева Е.К. к
генерал-лейтенанту ВС РФ Прокопьеву А.С. от
18 марта 2033 г.**

Докладываю о последних событиях: на 23:59 14 марта 2033 г. эвакуация населения города Краснодар завершена на 40 процентов. Оставшемуся населению был предоставлен гуманитарный коридор в северном направлении. В настоящий момент город не контролируется нашими войсками. Ставрополь эвакуирован на 85 %, оставшееся население приняло решение остаться в городе для обеспечения его

обороны. Стратегически важные объекты, оказавшиеся на оккупированной территории (Чиркейская ГЭС в Республике Дагестан, военная база в г. Пятигорске и др.) приостановили свою работу.

В настоящий момент армия испытывает серьёзные трудности с ведением боя: помимо превосходящего числом и уровнем вооружения противника, значительные потери личного состава, вооружения и техники по всем фронтам приводят к деморализации новоприбывших. Прошу принять соответствующие меры и в максимально сжатые сроки прислать дополнительный военный контингент.

Репортаж от 23 марта 2033 г.

«Вести с фронта»

Итак, мы сейчас находимся в городе Волгодонск, в ста пятидесяти километрах от крупнейшего города на юге России — Ростова-на-Дону, и на таком же расстоянии от непосредственной линии фронта Россия-НАТО. Печальные известия поступают сюда со всех сторон: буквально вчера военные Альянса достигли южных ворот области, города Сальска, а позавчера в шесть вечера американский флаг поднялся над столицей Калмыкии Элистой. Сегодня в полдень началась частичная эвакуация людей и предприятий Ростова-на-Дону. Уже сейчас поступают сведения о том, что главный стратегический объект на этом направлении, Ростовская АЭС будет остановлена с

минуты на минуту. Во избежание большого числа жертв значительную часть населения Волгодонска уже эвакуировали — вместо них город с населением почти в 200 тысяч человек заполнили военные и добровольцы, отправившиеся на фронт. Повсюду идут приготовления к чему-то серьёзному. Мы задали несколько вопросов непосредственному участнику событий — майору, имя которого мы по понятным причинам не разглашаем.

— Скажите, что здесь происходит?

— Сами прекрасно знаете — война! Самая настоящая! Слава Богу, пока ещё держимся.

— В последнее время продвижение войск НАТО вглубь страны ощутимо замедлилось. Что вы скажете по этому поводу?

— Всё это заслуга наших ребят. Никто не знает, сколько их там, по ту сторону осталось, но честно — думать даже страшно: тысяч десять за один только Краснодар полегло точно! И ещё тьма таких же по всей линии фронта. Хочется просто взять и пожать всем этим героям руку: своей жизнью защищать от этих фашистов недорезанных — это подвиг.

— Что сейчас происходит непосредственно здесь?

— Здесь у нас надёжный плацдарм: от Ростова-на-Дону через Волгоград до Астрахани самой везде стоят наши — тама америкосиков и встретим. На нас здесь здорово играет географическое положение: Дон и Волга-матушка так просто не пропустят этих НАТОвцев. Все мосты на пути уже взорваны, так что им придётся форсировать реку. Если и здесь не сдержим, то я не знаю, что дальше будет.

— Что вы думаете по поводу отказа других стран от военной помощи России?

— Да и ... с ними! Сами прорвёмся, никто нам не нужен. Всегда сами прорывались — и сейчас прорвёмся!

— Скажите, вас дома кто-нибудь ждёт? Хотите им что-то передать?

— Да, жена и две дочки. Живой вернусь, вот увидите — вернётся ваш папка!

— Будете стоять до конца?

— А то как же — русские не сдаются!

— И то правда. Напоследок, что бы вы от себя хотели сказать нашим читателям?

— Слышите, хлопцы? Мы ещё вернёмся: помяните моё слово — вернёмся! Прогоним паскуд западных отсюда, так что духу их здесь больше никогда не будет! За всех вас мы в ответе и за мирное небо над вашей головой отдадим всё, даже жизнь, если понадобится.

Вот так наши солдаты готовы стоять за нашу Родину: когда многонациональный народ страны с тысячелетней историей уже теряет веру в себя, в то, что выйдет из этой войны победителем, эти люди верят и готовы до последней капли крови защищать родных и всех тех, кто им дорог. Да пребудет с вами Бог! На вас вся надежда — на тех, кто оставил страх за спиной ради одной общей цели: защитить родную землю и свою страну — Россию.

Речь Президента РФ Козлова И.А. от 26 марта 2023 г. в связи с событиями в Ростове-на-Дону,

Волгограде и Астрахани от 25 марта 2033 г.

Дорогие друзья! Сегодня, обращаясь ко всем вам из Георгиевского зала Кремля, у меня не хватает слов, чтобы описать то, что сейчас происходит на юге нашей многонациональной Родины. То, что сейчас творится на Северном Кавказе, в Крыму, Черном и Азовском морях, на южных границах нашей с вами страны — настоящее варварство и тирания, совершаемая военными из стран Северо-Атлантического Альянса. Десятки тысяч людей, граждан России и других государств по их вине лишились жизни, сотни тысяч пострадавших, миллионы — остались без крова. Но всё это просто меркнет в сравнении с тем, что произошло вчера в Ростове-на-Дону, Волгограде и Астрахани: в 4 часа утра, пока простые люди, наши с вами сограждане, мирно спали в своих домах, врагом был совершён крупнейший в мировой истории акт военной агрессии.

Впервые со времён атомной бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки в далёком августе 45-го, американской стороной было применено самое страшное и самое кровопролитное, не побоюсь этого слова, орудие массового убийства — три атомных взрыва сотрясли землю крупнейшего государства на планете. Три города, два из которых являлись крупнейшими на юге России, общим населением более трёх миллионов человек были в буквальном смысле уничтожены ядерным ударом стран НАТО. Десятки тысяч квадратных километров земли превратились в бесплодную пустыню. В настоящее время продолжается подсчёт жертв, однако уже сейчас ясно, что счёт идёт на

миллионы. Моим личным приказом сотни врачей из всех городов России были направлены самолётами МЧС в зону боевых действий для оказания помощи пострадавшим и эвакуации выживших. Помимо мирных людей, во время удара из-за непосредственной близости к эпицентру погибло несколько тысяч российских солдат. Нанесённый ущерб природе, инфраструктуре региона не поддаётся подсчёту. Всё это — непоправимая рана на теле нашей с вами Отчизны.

В такие тяжёлые моменты, когда на наших глазах творится трагичная страница истории, нам всем остаётся лишь верить: в себя, друг в друга, в нашу общую Родину — Россию, и в то, что справедливость всё-таки восторжествует. Одним ударом, подлым выстрелом в спину перечеркнув все усилия к мирному разрешению конфликта, три города с многовековой историей были стёрты с лица земли. Миллионы людей были беспощадно убиты. Этот вопиющий факт вероломной агрессии, совершённой некогда дружественными нам Соединёнными Штатами Америки должен быть и будет наказан. То, что они сотворили, не заслуживает прощения и не будет прощено уже никогда. В связи с произошедшими событиями, руководствуясь своими полномочиями Верховного Главнокомандующего, а также статьёй 59 Конституции, моим личным указом на всей территории Российской Федерации вводится военное положение. Города, находящихся на территории Астраханской, Волгоградской, Воронежской, Ростовской и Саратовской областей подготовить к началу эвакуации его жителей. Также, в связи с

угрожающей России военной угрозе, приказываю провести полную мобилизацию всего мужского населения, граждан России от 18 до 45 лет. Контроль за исполнением приказа возлагается на министра обороны Прутко Сергея Сергеевича. Настоящим заявлением приказ вступает в силу.

«В связи со смертью президента России Козлова И.А., согласно действующему законодательству РФ исполняющим обязанности президента назначается Председатель Правительства РФ Степнин И.О. Одновременно с данным назначением соответствующим указом вступают в должности исполняющий обязанности МЧС Зубков А.О. и исполняющая обязанности министра обороны Шестакова А.А.»

Вырезка из газеты «Комсомольская правда» от 27 марта 2033 г.

Репортаж Russia Today от 4 апреля 2033 г.

«Новые потери»

После атомной бомбардировки территории России Вооружёнными силами стран НАТО, самоубийства президента страны и добровольной отставки глав Министерств обороны и МЧС настроение в Москве, прямо скажем, гнетущее. На данный момент все попытки переломить ход военной кампании Альянса закончились лишь поражениями российской армии. По

оценкам экспертов, в ходе боёв свыше пяти миллионов граждан России было убито или пропало без вести, сотни тысяч ранено, миллионы стали беженцами, о военных потерях остаётся только гадать. И хотя Правительство во главе с исполняющим обязанности президента делают всё возможное, чтобы остановить кровопролитие, сам народ, похоже, уже не верит, что переломить ход войны удастся: согласно опросу, 69 % населения смирились с поражением и только 12 % ещё верят в силу и мужество солдат российской армии.

Стоит признать — цифры говорят сами за себя. Да и положение дел на передовой, как уже не скрывают в Минобороны, плачевное: свыше 30 % боевого состава потеряно в боях, а более половины оставшегося попросту деморализовано — причиной тому служат события на «линии Волга-Дон», как уже окрестили гибель в атомном пожаре Ростова-на-Дону, Волгограда и Астрахани. На данный момент войска вплотную подошли к южным границам Воронежской и Саратовской областей. В административных центрах этих регионов полным ходом идёт подготовка к обороне, блок-посты на пути с юга идут через каждые 50 километров. Однако вряд ли такие меры сумеют остановить армию, цель которой — захватить и уничтожить любой ценой.

Тем временем бои не прекращаются ни на минуту. Как сообщили нам в пресс-службе Кремля, вчера войска НАТО более 12 часов пытались взять город Камышин Волгоградской области и смогли это сделать лишь с наступлением ночи. По сведениям нашего

корреспондента из зоны боевых действий, войсками НАТО активно применяются запрещённые ООН экспансивные пули и кассетные бомбы. Однако в ответ на ноту протеста со стороны России Совбез Организации Объединённых Наций отвечает лишь тактическим молчанием. Что ж, можно лишь оставить этот факт на их совести.

А тем временем из администрации президента поступил новый приказ: эвакуировать стратегически важный объект — военный аэродром в городе Энгельсе Саратовской области. Также поступила информация об остановке Балаковской и Нововоронежской АЭС. Остаётся только гадать, зачем это было сделано и что предпримет враг в случае захвата столь удобного плацдарма для дальнейшей авиации, а также крайне доступного источника электроэнергии. Ника Алфёрова, Москва, Russia Today.

Приказ и.о. Президента РФ № 2962 от 8 апреля 2033 г. «О применении ядерного оружия»

В связи с катастрофической ситуацией на юге страны, угрожающей самому факту существования Российской Федерации, непрекращающейся военной интервенцией войск стран Северо-Атлантического Альянса, руководствуясь своими полномочиями Верховного Главнокомандующего, приказываю:

— Развернуть весь боеспособный запас стратегических ядерных сил РФ.

— Подготовить список возможных целей для нанесения ядерного удара по территории государств — стран НАТО.

— Контроль за исполнением приказа возложить на и.о. министра обороны Шестакову А.А.

и. о. Президента Российской Федерации

Стеннин И.О.

Записки неизвестного, найденные в одном из разрушенных домов в г. Саратов.

8 апреля.

На улице первый раз за всю неделю оживлённо — сегодня эвакуируют наш дом. Занятно — живём-то на южной окраине, а эвакуируют почти в последнюю очередь. Повсюду носятся вояки с рупорами — призывают жителей уезжать. А я останусь. Нет, не назло — просто терять мне на этом свете уже нечего.

Во дворе шумно — последние автобусы забирают желающих покинуть город. Куда увезут — точно не знаю, но говорят, Москва уже переполнена беженцами. Должно быть, этих отправят в Сибирь или на Дальний Восток. Бррр! Ненавижу холод. И войну эту ненавижу.

В магазинах почти не осталось продуктов — дальнобои боятся ехать в Саратов. Боятся, что достанутся неприятелю, что подстрелят, боятся всей этой суматохи. Оно и понятно — жить-то хочется! А есть тоже надо что-то: сегодня кое-где покопался на полках, нашёл кашу овсяную. Прямо английский завтрак — сижу, сам

себе подаю тарелку и приговариваю, совсем как Берримор: овсянка, сэр!

Танька, соседка моя, тоже осталась: детей собрала, отвезла на пункт эвакуации, а сама не пошла. Вот же дура — у неё муж в Казани, детишки, а она остаётся! Самоубиться, что ли, хочет? Хотя бабу же фиг переспоришь, а Танюху тем более. Хотя бы не так одиноко будет.

Вечером слышал взрывы — это америкосы уже подходят. Наверное, из своих танков видят и думают: что за дыра? А это, милые мои, Саратов! Красть тут особо нечего, убивать некого. Только прогуляться по проспекту Кирова и сможете — с фанфарами. Тьфу!

9 апреля.

Проснулся с утра от того, что кто-то ломился ко мне в квартиру. Я их шуганул обрезом охотничьим, ломиться и перестали. Мародёры пошли нынче наглые — не уехал ещё, а уже лезут во все щели! Ну ничего — война придёт, там и посмотрим, кто кого.

На улице никого. Тишина такая, что муху летящую слышно: затишье перед бурей, во. Где-то вдалеке грохочут своими гусеницами танки. Одинокий трамвай зашёл на очередной круг по кольцу — вёз что-то. Правда, недолго — через пару часов электричество отключили. Ну да ладно — при свечах посидим! Мы не привередливые.

Танька говорила, ночью ей кошмар снился, что их детей поймали американцы и теперь заставляют под

балалайку танцевать гопак. Ну я ей и говорю: ты чё, сбрендила? Они ж на балалайке играть не умеют! А она обиделась чего-то. Ну и Бог с ней!

БТРы по нашей улице пошли — ежей ставят. Солдат видимо-невидимо, и у всех глаза печальные. Оно и понятно: такое видеть врагу не пожелаешь. Кому-то ногу прострелили, кому-то руку: ужас! С такими ранами и в бой — либо храбрецы, либо глупцы, а вероятнее всего и то, и другое. Один зашёл ко мне, спросил чего попить — ну я и налил ему чайку. Посидели, в карты поиграли. Пашкой его звали, кажется. Видел он грибы ядерные — те, что Волгоград с Ростовом уничтожили. Ох, жаль пацана, да что сам-то сделаю — с моей ногой не то, что воевать, ходить много нельзя. Я ему на прощание иконку Божьей Матери дал — сказал, чтоб под сердцем всегда носил. А он как заплачет! Эх, пусть тебе повезёт, Пашка! Буду за тебя только молиться — больше не за кого.

Грохот с юга всё громче. Пара снарядов даже досюда долетело. Вечером Танька зашла — сказала, ей страшно одной. Я и пустил переночевать. До завтра доживём — что-нибудь придумаем.

10 апреля

Не зря приютил Танюху! В три часа ночи в её квартиру попали. Визгу было, сам чуть дух не испустил от страха — война, кажись, пришла по нашу душу!

Пишу впопыхах, поэтому кто разберёт, тот молодец: америкосы на улицу вошли. Наши по ним из

автоматов, а потом танк пошёл ихний. Бьёт — аж уши закладывает! Соседний дом рухнул уже от его снарядов. Ой, чую, хана мне сегодня!

Звуки автоматов не прекращаются ни на секунду. Вертолёт пролетел: точно не наш — американский. Низко так, боялись — рухнет. За продуктами уж не пошли — ещё пришьют нафиг!

Из обреза пока не стрелял, но держу наготове. К нам уже ломятся! Ну дер...

Запись текстов бегущих строк «Новостей» от 9-11 апреля 2033 г.

9.04.2033 23:48 — Экстренная новость: войска НАТО достигли южных окраин Саратова. Все блок-посты на пути в город с южной стороны блокированы.

10.04.2033 0:36 — Войска Северо-Атлантического Альянса вошли на южную окраину города Энгельс — посёлок Приволжский.

10.04.2033 0:58 — Во избежание прорыва линии обороны железнодорожный мост между Саратовом и Энгельсом взорван. На случай попытки взятия через Волгу заминирован старый мост Саратов — Энгельс.

10.04.2033 4:23 — Экстренная новость: линия обороны у южных границ Саратова прорвана. Вооружённые силы НАТО вошли в город.

10.04.2033 6:17 — Из-за попадания авиабомбы в резервуар с нефтью загорелся НПЗ на южной окраине Саратова. Имеются сведения о взрыве на станции метро «Заводская».

10.04.2033 8:20 — Война на юге России: войска НАТО заняли территорию заброшенного аэродрома в Саратове.

10.04.2033 13:01 — Экстренная новость: российские войска вытеснены из промышленных кварталов Энгельса.

10.04.2033 15:04 — По неподтверждённым данным, вторая линия обороны Саратова пока сдерживает атаку. Переоборудованное под бомбоубежище метро закрыло гермозатворы.

10.04.2033 18:47 — Экстренная новость: после 8 часов успешного сдерживания противника вторая линия обороны Саратова прорвана. На данный момент Альянсом захвачено около 1/3 территории города.

10.04.2033 19:12 — Линия фронта вплотную подошла к центральным кварталам Энгельса. Сапёры ждут приказа о взрыве старого моста в Саратов.

10.04.2033 19:58 — Войска НАТО заняли военный аэродром Энгельса.

10.04.2033 20:34 — По подтверждённым данным,

истребитель ВВС РФ МиГ-29 рухнул на жилые кварталы в черте города Саратова. На месте крушения самолёта вспыхнул пожар. Судьба пилота неизвестна.

10.04.2033 23:06 — Экстренная новость: спецназ НАТО занял здание речного вокзала города Саратов. Отдан приказ о подрыве старого моста в Энгельс.

10.04.2033 23:59 — По данным с линии фронта, город Энгельс взят в окружение войсками Северо-Атлантического Альянса. Из-за технических проблем старый мост между Саратовом и Энгельсом взорван не был.

11.04.2033 0:41 — Экстренная новость: войска НАТО вошли в центр города Саратова.

11.04.2033 1:37 — В мост через Волгу на северной окраине Энгельса попала авиабомба. Две секции моста разрушены.

11.04.2033 2:03 — По данным разведки, над администрацией Заводского района Саратова поднят американский флаг. Сообщения о полном взятии города Энгельса опровергаются российскими источниками.

11.04.2033 3:02 — По состоянию на 23 часа 10 апреля, Энгельс полностью окружён войсками НАТО. Попытки уничтожить мост, ведущий в Саратов, пока безрезультатны.

11.04.2033 4:58 — Военные НАТО вышли к центральной улице Саратова — Московской.

11.04.2033 5:12 — Экстренная новость: вражеские войска остановили своё наступление на Саратов.

11.04.2033 5:24 — Экстренная новость: Вооружённые силы Альянса остановились на своих позициях по всей линии фронта.

Экстренный выпуск «Новостей» от 11 апреля 2033 года 6:00.

Здравствуйте! С вами Ольга Александрова и с вами экстренный выпуск «Новостей».

Война на юге России: впервые с начала вторжения на территорию нашей страны войска НАТО приостановили своё продвижение на север — по поступающим к нам данным, всем военным, находящимся на линии фронта с Россией, было приказано немедленно прекратить наступление. По нашим сведениям, на момент получения приказа вражеские силы уже окружили город Энгельс Саратовской области и вошли в административный центр региона — Саратов. Причины такого приказа пока не установлены, однако факт очевиден: впервые за тридцать восемь дней ожесточённых боёв Вооружённые силы Альянса остановились в шаге от взятия сразу двух городов с

суммарным населением более миллиона человек. Мы будем уведомлять вас о поступлении новой информации в течение всего этого дня.

Это был экстренный выпуск «Новостей», с вами была Ольга Александрова. Всего доброго!

Экстренный репортаж от 11 апреля 2033 г.

«Стоп-кран или затишье перед бурей?»

Здравствуйте! Мы сейчас находимся у администрации Фрунзенского района города Саратова — города, который буквально сегодня ночью отражал атаку за атакой НАТОвских войск. Однако то, что мы видим, не укладывается в голове: интервенты Альянса почти окружили забаррикадированное здание, но не то, что не штурмуют — даже не предпринимают попыток пройти вглубь. По сообщениям из Минобороны, точно такая же ситуация сложилась и по другую сторону Волги: со всех сторон окружив город Энгельс, военные почему-то наотрез отказались продвигаться дальше. Причины подобного поведения пока не установлены, но такая ситуация определённо играет российским войскам на руку. Как мы видим, всюду идёт подготовка к отражению потенциальных новых атак людей в серой с болотным форме.

Мы решились задать несколько вопросов одному из главнокомандующих операцией по обороне Саратова — майору Вооружённых сил России Николаю Калашникову.

— Расскажите, что произошло? Почему военные НАТО остановились?

— По правде говоря, это и для нас загадка. Ещё в пять утра они бесконечно обстреливали наши позиции, а всего через пять минут встали, как вкопанные, и так и стоят. Я так понимаю, что им поступил централизованно приказ, а уж зачем, для чего — этого ни мы, ни похоже, ни они не знаем.

— Ваши люди сейчас перегруппировываются, я так понимаю?

— Да, но мы всё время держимся начеку — на случай, если они вздумают продолжить бой. Уже вывели раненых, перегруппировались почти — а эти всё стоят.

— А почему вы сами не атакуете?

— Так мы пытались. Но если раньше они ещё старались нас теснить, то теперь намертво встали по линейке и что вперёд, что назад — вот ну ни ногой! Мы потому и прекратили этот бессмысленный обстрел.

— И всё же — если поступит приказ атаковать, начнёте бой?

— Что за глупый вопрос: мы здесь Родину защищаем, а не в войнушку играемся!

— Хорошо, тогда последний вопрос: какие потери понесла наша армия за время обороны города?

— Это секретная информация и разглашению она не подлежит.

Вот так — в любой момент ожидая удара, солдаты обеих армий стоят друг напротив друга, готовые начать атаку. Напомним, что на момент остановки боя войска НАТО уже вышли к центральным улицам Саратова и взяли в

кольцо Энгельс. Что ж, посмотрим, чем всё это кончится — давайте верить в наших солдат до последнего, что у них получится вернуть то, что было потеряно. Инга Сильвестрова, для экстренного выпуска «Новостей», Саратов.

**Служебная записка и.о. президента РФ
Степнина И. О. к своему пресс-секретарю
Ракову И.М. от 11 апреля 2033 г.**

«Прошу собрать пресс-конференцию по моему возвращению из Лондона. Скорее всего, речь там пойдёт о перемирии. С учётом сложившихся обстоятельств, нужно остановить кровопролитие, пока у нас ещё есть козыри в рукаве. Обо всех деталях будет рассказано на пресс-конференции, поэтому пока прошу воздержаться от лишнего. Прошу подготовить список возможных вопросов, по возвращению будут отобраны актуальные.»

«По неподтверждённым данным, президентский самолёт с исполняющим обязанности президента России на борту вылетел из аэропорта «Домодедово» сегодня утром. Его пресс-секретарь пока от комментариев воздерживается. Приведёт ли встреча и.о. Степнина с лидерами враждующих с нами государств к установлению мира в стране — или же это сигнал к новой атаке на наполовину захваченные Саратов и

Энгельс? Нам остаётся только надеяться, что изнурительной войне, поглотившей юг России, скоро придёт конец.»

Вырезка из газеты «Комсомольская правда» от 12 апреля 2033 г.

**Речь и.о. президента России Степнина И.О. от 14
апреля 2033 г., посвящённая подписанию
Лондонского соглашения.**

Дорогие мои сограждане! Дорогие друзья! За всю свою долгую, многовековую историю Россия неоднократно сталкивалась с многочисленными трудностями. Монголо-татарское иго, Смута, Гражданская война, Великая Отечественная — все эти недюжинные испытания выпали на долю наших с вами предков. И буквально месяц назад мы сами, каждый из нас, столкнулись с ещё одним тяжелейшим испытанием на силу духа и веру в своё Отечество. В течение последних дней наши Вооружённые силы сделали всё возможное для сдержания войск стран Северо-Атлантического Альянса, вероломно вторгшихся на юг нашей с вами Родины. За нашу свободу, за мирное небо над нашей головой погибло, только вдумайтесь в эту цифру — более ста сорока тысяч солдат и офицеров российской армии. Ценой своей собственной жизни они сделали всё, чтобы отстоять наше право на мир без войны. Этот их поистине героический подвиг мы никогда не забудем. К сожалению, ни в одной войне не удаётся избежать

жертв среди мирного населения: почти пять миллионов мужчин, женщин и детей — все они уже никогда не вернуться к своим близким. Миллионы людей остались без крыши над головой. Было потеряно свыше шестисот тысяч квадратных километров территории, из них значительная часть долгие годы будет непригодна для жизни. Безусловно, это трагедия для всего нашего народа. Признаюсь честно — был момент, когда всем казалось, что этому уже не будет конца. Что величайшее в мире государство перестанет существовать. Что вся наша культура, вся наша богатейшая история просто канет в небытие! Однако сегодня я могу с уверенностью сказать — в будущее мы можем войти и обязательно войдём единым государством. Буквально двенадцать часов назад в Лондоне мною лично было подписано соглашение с странами, входящими в военно-политический блок Северо-Атлантического Альянса. На основании достигнутых нами договорённостей, в соответствии с Уставом ООН и всеми принципами международного права, на территории, временно оккупированной военными НАТО, общими усилиями было провозглашено новое русскоязычное государство — Азовская Республика.

В течение полугода мы с нашими ныне партнёрами приложим все усилия для восстановления погрязшего в кровопролитной войне региона, а ныне нового государства. По условию подписанного договора, в течение полугода на территории Азовской Республики будет проведён референдум, на основании которого и будет решено, каким видят своё будущее её нынешние

жители. Поэтому сегодня, обращаясь ко всем гражданам Российской Федерации, я прошу поддержать их в этом начинании, помочь сделать правильный выбор. Поможем же вместе — закончим эту кровопролитную войну, вновь сделаем этот край процветающим. Вернём потерянные земли! Окончим печальную веху нашей истории!

«Итак, вот и закончилась «Кровавая весна», как окрестили некоторые российские журналисты события на теперь уже бывшем юге страны. Мы так долго шли к тому, чтобы эта кровопролитная война с семизначным числом жертв поскорее прекратилась, что, кажется, совсем забыли, чего всё-таки добивались. Создание на занятой военными НАТО территории Азовской Республики стало для ряда специалистов полной неожиданностью — прецедент настолько неоднозначный, что некоторыми это было расценено как измену самого Степнина. В надежде докопаться до мотивов сторон наша газета ознакомилась с подписанным и. о. президента России Лондонским соглашением и предлагает вам его краткое содержание:

На территории России, признанной международным сообществом, занимаемой Вооружёнными силами Северо-Атлантического Альянса по состоянию на 12 апреля, создаётся государство с республиканской формой правления — Азовская Республика. Столицей новообразованного государства становится город Краснодар. Территории, прежде

незаконно оккупированные РФ — Крым и Абхазия — возвращаются под управление Украины и Грузии соответственно.

· На время переходного периода (до 14 октября 2033 г. 23:59) интересы Азовской Республики представляет непосредственно ООН. Вооружённые силы государства представлены миротворческим контингентом НАТО с созданием на её территории временных военных баз. Институты власти в республике сохраняются российские.

· В качестве денежной единицы Азовской Республики устанавливается новая валюта — азовская марка, привязанная к стоимости бивалютной корзины рубль — доллар в соотношении 400:1.

· Во избежание дальнейших вооружённых столкновений войска обязаны отвести весь личный состав на расстояние 1 километра (образуя нейтральную зону), а тяжёлое вооружение калибром более 100 мм — на расстояние 50 километров от линии соприкосновения на 12 апреля (образуя демилитаризованную зону).

Заметим, что из первого и последнего правил есть два исключения — это город Саратов, на 12 апреля разрезанный линией фронта Россия — НАТО, а также окружённый ею город Энгельс.

· В соответствии с соглашением, город Саратов делится между сторонами конфликта на две равнозначные части — Северный (Волжский, Кировский, Ленинский и Фрунзенский районы, признаётся территорией России) и Южный (Октябрьский и Заводской районы, относится к

Азовской Республике). Территория города Энгельс, ввиду его географического расположения внутри территории Азовской Республики, также признаётся её территорией.

- Нейтральной зоной в пределах города Саратова признаётся проезжая часть улицы, по которой проходит граница. Река Волга в месте её протекания между РФ и Азовской Республикой становятся демилитаризованной, а острова в её течении, а также старый мост между Саратовом и Энгельсом — нейтральной зоной, для посещения которой необходимо разрешение обеих сторон.

Стоит отметить — в соответствии с этой частью договора НАТО уступает России часть занятых им территорий в Саратове в обмен на практически захваченный город Энгельс.

Дальше — интереснее:

- В качестве гаранта соблюдения перемирия в пределах города Саратов каждой стороне разрешается до 21 апреля обозначить территорию одного своего анклава площадью не более 3.94 км² (1 % от его территории) с возможностью пребывания на нём личного состава (но не тяжёлого вооружения) вооружённых сил.

Интересно то, что аналог подобного деления города государственной границей был всего один — раздел Берлина после Второй Мировой войны. Но самое главное — в тексте соглашения нет ни единого слова о планируемом референдуме! И хотя первые лица страны всячески утверждают об обратном, факт остаётся

фактом: в направлении его проведения пока ничего не сделано. Хотя с момента подписания договора прошло только три дня и говорить о чём-либо пока рано — посмотрим, во что выльется историческая встреча сторон в Лондоне и к чему в итоге придёт мировое сообщество и Россия в частности.»

Статья «Саратов — новый Берлин?» из газеты «Аполлон» от 16 апреля 2033 г.

**Речь и.о. президента РФ Степнина И.О.,
посвящённая переходу под российскую
юрисдикцию территории Саратовского НПЗ 20
апреля 2033 г.**

Дорогие друзья! В этот знаменательный день хочется сказать несколько тёплых слов в отношении всех вас — людей, чьими руками Саратов сегодня восстаёт из пепла, оправляется от ран, нанесённых войной. Ещё недавно здесь, в этом самом городе повсюду рвались бомбы, гибли люди, но сегодня, здесь и сейчас стоя рядом с вами, я могу с уверенностью сказать — мы вернулись! Согласно Лондонскому соглашению, данная территория отныне и навсегда — это Россия. А благодаря договору, заключённому с Азовской Республикой, все вы легко сможете попасть в остальную страну с помощью в сжатые сроки отстроенной паромной переправы по предоставленному водному коридору. Поэтому сегодня, в торжественной обстановке запуская восстановленный Саратовский

нефтеперерабатывающий завод, хочется сказать спасибо всем и каждому, кто приложил руку к возрождению родного города и России в частности. Ура!

Объявление от 20 апреля 2033 г. на сайте Саратовского метрополитена.

Уважаемые пассажиры!

Спешим вам сообщить, что с 21 апреля Саратовское метро возобновляет свою работу.

В связи с изменением положения государственной границы Российской Федерации в схеме метрополитена произошли следующие изменения:

- В связи с переходом Заводского и Октябрьского районов города Саратова под юрисдикцию другого государства (Азовской Республики) поезда Астраханской линии следуют от станции «Юбилейная» до станции «Театральная». Участок «Астраханский переезд» — «Комсомольская» закрывается на неопределённый срок.

- В связи с переходом города Энгельса под юрисдикцию другого государства (Азовской Республики) поезда Волжско-Покровской линии следуют от станции «Молодёжная» до станции «Речной вокзал». Участок «Покровские Пески» — «Студенческая» закрывается на неопределённый срок.

- В связи с переходом территории Привокзальной площади, железнодорожного и автовокзала г. Саратова под юрисдикцию другого государства (Азовской

Республики), поезда Московской линии проследуют станцию «Вокзал» без остановки, а поезда Октябрьской линии следуют от станции «Елшанка» до станции «Стрелка». Станции «Вокзал»(обе платформы), «Театральная»(платформа Октябрьской линии) и «Парк имени Горького» закрываются на неопределённый срок.

· В качестве компенсации от станции «Стрелка» Октябрьской линии через станции «ЦКР» и «Университет» до станции «Кировская» Московской линии с 21 марта начинает движение бесплатный маршрут автобуса «М». Интервал движения — 2 минуты.

Глава МУПП «Саратовгорэлектротранс»

Анхабов З.Ф.

Репортаж от 25 мая 2033 г.

«Последний звоночек»

Этот звук знаком, наверное, всем — последний звонок прозвучал сегодня в семьдесят одном регионе России. От Санкт-Петербурга до Хабаровска, в девяти часовых поясах, по всей территории страны бывших школьников провожают во взрослую жизнь их родители и учителя. Однако в этом году последний день учёбы был особенным — во всех школах этот праздник начался с минуты молчания в память о погибших во время недавней войны с НАТО. Решение поддержали все главы регионов во главе с недавно избранным на пост президента Елинским Алексеем. А вместе с

традиционными воздушными шариками в воздух взмыли красные китайские фонари в общем количестве 4 миллиона 896 тысяч штук — именно столько погибшими потеряла Россия в событиях «Кровавой весны».

С минуты молчания начался последний звонок и в школах возникшей на карте мира всего полтора месяца назад Азовской Республики. Правда, здесь не обошлось без сюрприза: внешне праздник ничем не отличается от того, что мы видим по другую сторону границы, но если прислушаться, становится понятно негодование россиян. Действительно — все эти торжественные речи звучат на английском. Скандальное решение правительства отделённого от России региона поддержали ООН и страны НАТО и всячески осудили у нас, однако факт остаётся фактом — сегодня на русском здесь не говорят. Вернее, говорят, но не очень-то и охотно — слышится немецкая, украинская, польская речь, однако русским языком и русской культурой, о которых говорил в своём обращении и.о. президента Степнин, здесь и не пахнет.

И только в одном городе сегодня не играет музыка, не звучат поздравления с началом новой страницы жизни — речь, конечно, о Саратове. Что в северной, что в южной части города, разделённого государственной границей, сегодня царит гнетущая атмосфера. По решению правительства нового города федерального значения, в связи с угрозой терактов, а также во избежание провокаций военных, на территории города, контролируемой Россией, были отменены все развлекательные мероприятия. Впрочем, с самого

начала войны их здесь и не было. В южной части Саратова слышится похожая формулировка, однако проводить сами мероприятия здесь разрешили. Пусть не под открытым небом, без лишней помпезности, но окончание школы в городе на северной границе Азовщины сегодня отметили более двух тысяч учащихся.

Пострадавшая от авианалётов, заявленная за Азовской Республикой часть Саратова пока ещё представляет собой сплошные развалины, работы над расчисткой которых не прекращаются ни днём, ни ночью. У одних и тех же руин подчас слышна самая экзотическая речь — такое ощущение, что в город съехались все страны мира. Глава «российского», уже окрещённого в широких кругах Северным, Саратова от комментариев по поводу сроков восстановления города отказался. Что ж, время покажет, что мы сможем противопоставить такому усердию наших южных соседей, но будем верить, что будущее этого затянувшегося конфликта интересов пройдёт в мирном ключе.

**Работа, занявшая второе место на I
Объединённом конкурсе журналистов России и
Азовской Республики 12 июля 2033 г.,
бойкотированного Союзом журналистов РФ
(перевод на русский язык)**

«Здравствуйте, дорогие друзья! С вами Никола Кравченко и в своей конкурсной работе я хотел бы

рассказать о том, как уживаются север и юг, Азовская Республика и одновременно Российская Федерация, чем живёт новый двуликий Янус политической карты — Саратов. Город с историей длиной четыре с половиной века, по результатам подписанного Россией и Альянсом Лондонского соглашения разделённый государственной границей на две части, загадочный, по своему интересный и многоликий, во Всемирной Сети о нём уже сложилось множество слухов — например, что по пограничным улицам здесь регулярно движутся танки, что уехать оттуда теперь никак нельзя или что перейти единственную прямую границу между Россией и Азовщиной почти невозможно. Будучи жителем Энгельса, с 1 августа входящего в состав Южного Саратова, в определённый момент я захотел лично посетить город по другую сторону реки Волги, проверив заодно на себе его легенды, отсеять правду от вымысла — расставить все точки над «i», а затем поведать обо всём этом вам.

И начнётся наше путешествие, вы не поверите — с самолёта! Да, друзья — пока что перебраться на тот берег, минуя Россию, возможно только воздушным путём. Перелёт «Азовскими авиалиниями» рейсом 1776 «Энгельс» — «Южный Саратов» обошёлся мне в двадцать пять марок в одну сторону. Сразу отмечу — ажиотаж на них просто огромный, поэтому ближайшие свободные билеты были только через неделю после начала наших сборов. Вывод первый: если хотите поехать в Саратов, планируйте поездку заранее.

Двадцать минут тряски на стареньком советском «Ан-2»

— и вот мы на месте. Признаюсь честно: попав на аэродром, сразу и не верится, что ты во втором по величине городе Азовской Республики. Покрытие посадочной полосы давно рассыпалось, повсюду растёт трава — по сути, мы приземлились в абсолютно голом поле. Однако через две минуты за нами приехал совершенно новенький автобус, наподобие тех, что колесят по хайвеям Америки, и сразу становится понятно: ты дома. Для справки — в России этот аэродром не использовался из-за того, что по мере роста Саратова оказался в черте города, а базировавшийся здесь авиаклуб закрыли за нерентабельностью. Сейчас же реконструировать посадочную полосу аэропорта не позволяет его чрезмерная загруженность — самолёты из всех городов Азовской Республики приземляются здесь каждый час.

Все пассажиры расселись по довольно удобным сидениям, двери закрываются. Мы выезжаем в город и сразу попадаем как будто в другой мир. Вывод второй: ни за что не делайте о Саратове вывод по обложке! Увиденное мною за окном просто не вяжется с совсем недавно пережитыми авианалётами и видом заброшенного аэродрома: идеально ровные дороги, свежестроенные здания, на улицах идеальная чистота и порядок — кажется, город вообще не бомбили! За всё время поездки я увидел только один след от попавшего в дом снаряда, и тот усердно латался здешними рабочими. Вообще, строители видны здесь повсюду — их усилиями Южный Саратов превратился в большую благоугодного вида стройку. Поддержка дружественных

нам Европы и Штатов не прошла даром — за три месяца город практически оправился от войны и уже готов принимать своих первых туристов.

Автобус отвёз нас до станции метро «Bridge» (Прим.: бывшая «Заводская»). Вокруг довольно оживлённо, и это понятно — совсем неподалёку крупный пересадочный узел. Повсюду слышно где английскую, где немецкую, где казахскую или турецкую речь — после вхождения в состав Азовской Республики южная часть Саратова стала по-настоящему интернациональна. Поначалу, конечно, с непривычки слегка пугаешься, но совсем ненадолго — осознание того, что никто из них не настроен к тебе недружелюбно, приятно успокаивает. Входим на станцию — всюду стекло и металл! Минималистский хай-тек — выглядит очень красиво. Билет стоит всего одну марку, а ездить по нему можно в течение дня. Довольно заманчиво, если не знать, что пока в южной части Саратова всего одна линия. И всё равно мелочь, а приятно!

Десять минут — и вот мы на самом северном краю Азовщины: доехав до станции «Central» (Прим.: бывшая «Астраханский переезд»), отсюда автобусом мы добираемся в центр Южного Саратова — Центральный парк (Прим.: бывший Парк им. Горького). Свежий воздух удалённых от промышленности кварталов и приятный зелёный пейзаж прямо-таки радует глаз заезжего ангельсца — складывается стойкое ощущение, что ты где-нибудь в далёкой от городской суеты агломерации, хотя на самом деле это практически центр города. В отличие от остального Саратова, парк почти

не пострадал от войны и его ещё не восстанавливали, а потому здесь ещё кое-где можно увидеть таблички на русском языке. Вообще, в Центральном парке довольнолюдно — созданный столетие назад, он всегда был излюбленным местом отдыха местных жителей. Так что это не очень подходящее место для интровертов, зато оно идеально подходит для назначения какой-нибудь встречи.

Гуляя по Саратову, хочется отметить: город расположен в низине, из-за чего здесь очень душно, особенно летом — жаркий, сухой, степной воздух почти не циркулирует. Однако это обстоятельство ничуть не мешает радоваться жизни: глядя вокруг, поражаешься, откуда здесь столько счастливых людей. Безусловно, новое правительство, вложившее почти весь бюджет нашей республики в восстановление городов, завоевало тут хорошее мнение о себе. Вывод третий: восставшая из руин, южная часть Саратова снова пригодна для жизни — теперь это город, в котором действительно хочется жить.

И только хотел я было отвлечься от политики, как, поднимаясь наверх по 9-ой улице (Прим.: так в Южном Саратове называется ул. Рахова), на пути моём из ниоткуда вырос шлагбаум. Так, сам того не заметив, я упёрся в настоящую границу между странами — по правую сторону тротуара я ещё в Азовской Республике, в то время как на левой уже начинается Российская Федерация. Вокруг подозрительно тихо. Никаких видимых преград для пересечения улицы нет, однако невольно ловишь косые взгляды пограничников, причём не столько своих, сколько чужих, русских, и понимаешь,

что лучше не стоит. Тем более, пройдя чуть дальше, я обнаружил пункт пропуска. Так как я житель Энгельса, то имею право находиться без визы в северной части Саратова до семи дней в течение трёх месяцев — что ж, воспользуемся этим правом.

Сразу хочу отметить: оружием здесь никто не угрожает. Во всяком случае, южанам — насчёт северян не уверен, потому что на противоположной стороне КПП скопилась целая очередь из желающих попасть на юг и все чего-то очень боятся: лица у людей довольно напуганные. Пара минут бюрократической возни с документами — и вот у меня в руках пропуск на территорию Северного Саратова. Выглядит он как обычная кредитная карточка — довольно удобно. А вот с жителей Северного Саратова, чтобы выехать к нам, в Азовскую Республику, зачем-то требуют аж пять бумаг формата А4 и при пересечении границы ставят штамп во внутреннем(!) паспорте. Без понятия, в чём между нами разница — спросить так и не решился. Однако первый миф опровергнут: по пограничным улицам танки не ездят — как я узнал у военных, попасть из одного Саратова в другой на большинстве пунктов пропуска можно только пешком. Тем не менее, попасть на территорию России вполне реально.

Наконец-то я в Северном Саратове. Оказавшись здесь, невольно поражаешься — ещё полгода назад эти два города были одним целым, где-то ещё видны провода ходившего из одного района в другой троллейбуса, а сейчас в большинстве своём коммуникации Севера и Юга между собой никак не связаны. Согласно

официальным данным, северная часть города пострадала от налётов авиации меньше, чем южная, однако верится в это с трудом — следы если не от бомб, то от пуль здесь видны почти на каждом здании. После хайвеев Южного Саратова и довольно ровных дорог родного Энгельса ямы и ухабы России-матушки режут глаза. Транспорт по улицам тоже ходит какой-то ущербный: такое ощущение, что все эти автобусы и троллейбусы не менялись тут аж с прошлого века! Словом, Северный Саратов совершенно не производит впечатление на приезжих. Однако прошлый опыт уже научил нас не верить обложке и я столь же уверенно продолжил путь вглубь российских кварталов.

Первым делом мне захотелось посетить центральную улицу некогда единого Саратова — Московскую. Однако сбыться этим планам было не суждено — задолго до пересечения с нею автобус, шедший от границы, намертво встрял в пробке. Вопреки всем здешним ПДД водитель высадил нас прямо посреди дороги, крикнув на русском что-то вроде «пешком быстрее». Остановились мы не так далеко от единственной в городе пешеходной улицы — проспекта Кирова, и я решил немного изменить свой маршрут, направившись прямо туда. Как и в Южном, в центре Северного Саратова довольнолюдно и оживлённо. Вот только если в «азовской» его части то тут, то там встречаешь на своём пути улыбки, по другую сторону границы почти у всех хмурые лица. Это немного пугает. Стоит отметить: город имеет ещё одно значительное отличие от своего южного собрата — здесь все говорят

только на русском. Английский почти никто не понимает, да и относятся к нему в России теперь с нескрываемым презрением. Одним словом, здешний менталитет не располагает к общению и тем более — культурному обмену.

Гуляя по Саратову, невольно ужасаешься от количества повреждённых зданий: только на проспекте Кирова два или три дома полностью разрушены, ещё два — держатся на добром слове. И всё же не стоит строго судить за это Россию — именно центр принял на себя основной удар американских ВВС. Пройдясь ещё немного по здешним улицам, я счёл нужным спуститься к Волге. И стоит признать, ни капли не пожалел: вид отсюда открывается просто потрясающий! Особенно на мост через Волгу, уже давно являющийся визитной карточкой города — в этом плане Северный Саратов выигрывает даже у Энгельса. Правда, всё немного портят пограничники, снующие туда-сюда по всей набережной. Вообще, если в Южном Саратове военных мы встретили только у самой границы, то на северной стороне люди в форме, кажется, оккупировали город вместо стран НАТО. Однако их здесь, кажется, никто не замечает — наверное, местные жители уже просто к ним привыкли.

Вдоволь нагулявшись по территории России, мне оставалось проверить последний миф — можно ли всё-таки выехать из Северного Саратова? Само собой, иностранцам без визы это делать запрещено, поэтому я решил понаблюдать, как это происходит у рядовых граждан РФ. Для этого я поехал на северо-западную

окраину города, воспользовавшись метрополитеном. Стоит признать, метро тут аномально дорогое для не заимевших заранее в кармане две тысячи в местной валюте — одна поездка по курсу трёхмесячной давности стоила мне аж 4 марки. Станции в большинстве своём подземные, однако есть и исключения — так, одна из платформ станции «Речной вокзал» расположена на эстакаде и оттуда хорошо видно мой родной Энгельс. Хочется сразу предупредить всех, кто намерен посетить город: схемы внутри вагонов не достоверны — так, бывшая пересадочная станция «Вокзал» теперь находится на территории Южного Саратова, потому поезда на ней не останавливаются. Из-за этого досадного недоразумения я потерял много времени. Вдобавок, в центре вагоны всегда переполнены, поэтому ищите пути объезда. Вывод четвёртый: в отличие от своего южного собрата, Северный Саратов всё ещё восстанавливается. Хотя признаться честно, строителей на российской стороне города я так и не увидел.

Добравшись до конечной станции «Елшанка», мы выбрались на поверхность. Сперва складывается впечатление, что ты попал в зону отчуждения, однако смею заверить: это всё ещё территория города. Как я узнал потом, в том районе уже давно никто не живёт — перед войной население было оттуда эвакуировано. Что ж, вполне разумно, потому что жить в домах, в которых полвека не было никакого ремонта, крайне сложно. На выходе со станции сразу виден КПП. Ждать, прежде чем появился хоть один желающий его преодолеть, долго не пришлось — моё внимание сразу привлекла серебристая

машина (предположительно, это был ВАЗ-2110 российского производства, в простонародии «десятка»). Машину досматривали долго и очень тщательно — просмотрели всё и вся, от багажника и салона вплоть до ковриков под ногами, на что ушёл почти целый час. Впрочем, это можно объяснить тем, что автомобиль был до отказа загружен вещами — очевидно, кто-то покидал город на долгое время. Покричав немного друг на друга, водитель и пограничник (да, здесь я тоже встретил людей в военной форме!) разошлись и машина поехала дальше. На этом я их оставил. Вывод пятый: выехать из Северного Саратова, если ты гражданин России, сложно, но можно.

И вот я снова сижу в самолёте, пью кофе из пластикового стаканчика и жду вылета обратно домой в Энгельс. Признаться честно, отправляясь сюда, я совсем не ожидал увидеть Саратов таким: побывав в северной и южной его частях, я искренне убедился, что перед нами совершенно разные города. Несмотря на то, что от войны пострадал в основном Южный Саратов, сейчас это город, в котором можно и хочется жить. Северный же Саратов живёт в основном за счёт того, что в России называют «привязанностью к Родине»: инфраструктура до сих пор не восстановлена, дороги и жилища наполовину разрушены. К тому же, здешний менталитет и концентрация военных сильно отпугивает туристов. Будем надеяться, что в ближайшее время ситуация исправится и в скором времени оба Саратова интегрируются в свободное гражданское общество.»

**Указ Президента РФ от 28 августа 2033 г. «Об
отстранении от должности мэра Саратова
Иванько Д. И.»**

В связи с ненадлежащим выполнением своих обязательств, в частности — срывом всех сроков подготовки проекта восстановления города Саратова, ненадлежащим пограничным контролем на подведомственной территории, а также по подозрению в угрожающих безопасности России связях с иностранными агентами:

— На время проведения внутриведомственной проверки прошу отстранить Иванько Д.И. от обязанностей мэра г. Саратова.

— Назначить с 29 августа и.о. мэра г. Саратова Шестакову А.А.

Президент Российской Федерации

Елинский А.Е.

**Служебная записка президента РФ Елинского
А.Е. к и.о. мэра г. Саратова Шестаковой А.А. от
29 августа 2033 г.**

«Прошу вас принять к сведению, что на 1 августа текущего года общее население города Саратов в его нынешних границах составляет менее 60 % от довоенного периода. Прошу вас в самую первую

очередь принять все возможные меры к решению проблемы внутренней и внешней миграции населения на подконтрольных России территориях.»

**Ответ и.о. мэра г. Саратова Шестаковой А.А. на
служебную записку президента РФ Елинского
А.Е. от 2 сентября 2033 г.**

«Получила вашу записку. С учётом нынешнего положения дел, а именно — срыв всех сроков восстановления территории города, подконтрольной Российской Федерации, объектов инфраструктуры, полное исчерпание жилых резервов и катастрофическая ситуация в миграционной сфере, связанная с опасной открытостью границы с Азовской Республикой, решение изложенной вами проблемы видится мне задачей крайне сложной и требующей серьёзного, комплексного подхода. В связи с суровой необходимостью последовательного урегулирования данного вопроса, определения приграничного статуса, а также демаркации границ региона, прошу ввести дополнительный военный контингент на территорию города федерального значения Саратов.»

**Экстренный выпуск «Новостей» от 6 сентября
2033 г. 6:00**

Здравствуйте! С вами Ольга Александрова и это экстренный выпуск «Новостей»!

Тревожные новости поступают из Саратова: по полученным менее часа назад данным, город со всех сторон оцепили военные. По поступающей к нам информации, сегодня в 2 часа ночи президент отдал приказ о введении войск на территорию города федерального значения, управляемую Россией. В настоящий момент все въезды и выезды из северной части Саратова блокированы контингентом Вооружённых сил. Весь транспорт, движущийся в Саратов или из него, разворачивается в обратную сторону, из-за чего на дорогах уже образовались многокилометровые пробки. В настоящий момент причина, с которой были введены войска, пока что не установлена, однако по неподтверждённым данным, об этом президента лично попросила исполняющая обязанности мэра города, бывшая министр обороны Шестакова Александра. В течение этого дня мы будем сообщать вам о поступлении новой информации. Это был экстренный выпуск «Новостей», с вами была Ольга Александрова. Всего доброго и берегите себя!

Указ Президента РФ № 4340 от 6 сентября 2033 г. «О введении военного положения на территории города федерального значения Саратова»

В связи с угрозой военного вторжения со стороны

Азовской республики:

— Объявляется военное положение на территории города федерального значения Саратов.

— Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации

Елинский А.Е.

Приказ Президента РФ № 471 от 6 сентября 2033 г. «О демаркации границы города федерального значения Саратова».

С целью предотвратить возможные провокации военных Вооружённых Сил РФ, необходимостью определения внутренней и внешней границы региона, урегулирования его пограничного статуса, а также установлению контроля над миграционными потоками с Азовской Республикой, приказываю:

— Провести демаркацию линии государственной границы с Азовской Республикой, принадлежащей городу федерального значения Саратову.

— Провести повторную демаркацию линии внутригосударственной границы города федерального значения Саратова с Саратовской областью.

— Возвести пограничные укрепления на границах города федерального значения Саратов.

— Контроль за исполнением приказа возлагается на министра обороны РФ Ковалёва Н.Н.

Президент РФ

Елинский А.Е.

Приказ МинОбороны РФ № 717 от 7 сентября 2033 г. «О порядке пересечения границы города федерального значения Саратов»

В соответствии с приказом Президента РФ № 471 от 6 сентября 2033 г., приказываю:

— С 7 сентября 2033 г. и до получения обратного приказа перекрыть на всём протяжении сухопутные границы города федерального значения Саратова, кроме КПП «Елшанка» и КПП «Чапаев».

— В течение 24 часов возвести на границе города федерального значения Саратова с Азовской Республикой пограничное укрепление «ПС-45033» с контрольно-следовой полосой шириной в 10 метров.

— В течение недели (до 14 сентября 23:59) установить на всей границе города наблюдательные посты через каждые 200 метров.

— С 7 сентября 3:00 утвердить новый порядок пересечения вышеизложенной границы в установленных пунктах пропуска, а также через воздушный коридор «Саратов — Пенза», изложенный в указе Президента РФ № 472 от 7 сентября 2033 г.

— В случае любых попыток незаконного пересечения границы города федерального значения Саратов в обе стороны, независимо от типа границы, принять все возможные меры, в том числе стрельбу на поражение, по пресечению действий нарушителей.

— Контроль исполнения приказа возлагается на главу

ФСБ РФ, полковника Игорева С.М.

Министр обороны РФ

Ковалёв Н.Н.

Репортаж от 13 сентября 2033 г.

«В ЗаСаратовье»

Саратов — крупнейший после Воронежа город на нынешнем юге России. Лондонским соглашением, подписанным в апреле этого года, населённый пункт был поделён на две части — и пока северная его половина управлялась Россией, в южной господствовала Азовская Республика. После войны этой весной жители неохотно, но всё же вернулись в разрушенные дома: никто не мог даже представить, что в отныне разделённом государственной границей городке вновь введут военное положение. И вот спустя полгода после окончания войны с НАТО события в разделённом между Россией и Азовщиной Саратове снова у всех на устах — приказом Минобороны на границе в прямом смысле выросла стена, уже получившая среди интернет-пользователей прозвище «Вторая Берлинская». Репортаж Анны Ярославовой.

С момента подписания соглашения в Лондоне половина некогда единого города Саратова стала ближним зарубежьем. Подконтрольные Азовской Республике кварталы с самого начала привлекали любопытство горожан — с целью посетить их по необходимости или

без люди в буквальном смысле осаждали контрольно-пропускные пункты в черте города. Аналогичная ситуация, впрочем, наблюдалась также и с южной стороны границы. Поток мигрантов, в том числе и нелегальных, в обе стороны не прекращался даже по ночам. Это и спровоцировало правительство принять серьёзные меры.

После объявления 6 сентября президентом страны в городе федерального значения военного положения выехать за пределы северной части Саратова стало просто невозможно — границу города в каждой её точке охраняли где внутренние войска, а где пограничники. Даже набережную, туристическую Мекку Саратова заняли люди в военной форме. Никто не говорил, зачем это нужно, однако все понимали — город снова стал пороховой бочкой, яблоком раздора между Российской Федерацией и Азовской Республикой. В первые часы в городе поползли слухи о том, что Саратов собираются целиком передать в состав Азовщины — начавшуюся панику пришлось успокаивать местным стражам правопорядка, мэру города и лично президенту, хором заявивших, что Россия останется при своих.

А утром следующего дня люди из приграничных кварталов увидели из окон своих домов прямо посреди улиц высокую бетонную преграду, проходящую в точности по границе России. Как видно из множества любительских кадров, стена разделила даже контрольно-пропускные пункты, ранее проходившие в городской черте, блокировав тем самым их работу. Как объяснили в администрации президента, на эту меру они

пошли с целью пресечь нелегальную иммиграцию в Россию со стороны некогда дружественной Азовской Республики. Вот что сказал по этому поводу президент: — На один только август этого года мы имеем около полумиллиона беженцев из Азовской Республики. Кто-то здесь хочет жить, кто-то планирует работать, а кто-то, извините, просто терроризирует коренных жителей России. Я спросил у министров, откуда они все? А мне и отвечают: так это все через Саратов прут! Тогда мы поняли, что облегчённый пограничный режим в городе попросту используют враги нашего народа, чтобы попасть на основную территорию России. Нас просто вынудили закрыть сухопутные границы. Теперь город снабжается исключительно воздушным путём. Аэропорт «Сабуровка» в буквальном смысле превратился в грузовой склад: продукты, медикаменты, деньги и оружие для военных — всё это нескончаемым потоком идёт в блокированный по суше и воде со всех сторон Саратов. На данный момент покинуть город по земле можно только в двух местах — и на КПП «Елшанка» уже выстроились километровые очереди из желающих покинуть «Нью-Берлин». Однако сделать это удаётся далеко не всем: как многие узнают только на месте, теперь выехать из северной части Саратова в остальную Россию можно только при наличии постоянной или временной регистрации в любом регионе страны, кроме одного — самого Саратова. Зачем было добавлено это исключение из правил, не дают ответа ни в администрации президента, ни в правительстве. По словам мэра города Шестаковой

Александры, подобные меры уже предпринимали в приграничных городах Испании Сеуте и Мелилье для сдержания потока мигрантов из Марокко. Конечно, такая мера точно остановит беженцев, вот только зачем ограничивать в правах обычное население? На это ответа пока нет.

Уже сейчас в сети Интернет можно найти множество роликов, где люди пытаются перелезть через стену или проскочить через колючую проволоку на границе с Саратовской областью. Во всех случаях исход одинаковый — нарушителей тут же ловят пограничники. И уже сейчас известно о первых жертвах среди населения — два жителя Южного Саратова в состоянии алкогольного опьянения попытались перелезть через бетонное ограждение, минуя КПП. Стрельба в воздух не убила их пыл, что вынудило военных стрелять на поражение. Также в Сети ходит информация, что от 10 до 30 человек уже из Северного Саратова были застрелены при попытке приблизиться к границе города. В администрации Саратова эту информацию пока не подтвердили.

Сегодня на единственной непосредственной границе между Российской Федерацией и Азовской Республикой непривычно тихо. Вовсю ведётся монтаж камер видеонаблюдения и наблюдательных вышек. Прокладывается колючая проволока с обеих сторон границы. Примечательно, что подойти к стене нельзя ни со стороны России, ни со стороны Азовщины: недавно установленные знаки наглядно демонстрируют угрозу со стороны линии раздела. Вот только стоит ли того такая

система? И как теперь быть с предстоящим в Азовской Республике референдумом, намеченным на 14 октября? Пока неясно. Анна Ярославова, Саратов, Россия.

Глава 1

После войны

Поезд — огромная металлическая машина, шесть вагонов в сто двадцать метров длиной стрелой летят по бесконечному тоннелю. Колёсные пары чуть слышно чеканят шаг, ударяясь о неровные стыки рельс. В окнах то и дело проносятся огни, но их мало и все они окружены мраком подземелья. Подсветка в вагонах какая-то тусклая и то и дело мигает — от этого устают глаза, это действует на нервы. Металл, всюду металл: на полу, на стенах, потолке — консервная банка какая-то! Только вместо шпрот — люди: мужчины, женщины, старики, дети, школьники, студенты — все куда-то спешат по своим делам. У кого-то зазвонил телефон. Опять будет орать на весь вагон, что «он в метро» — как будто это и так не понятно.

Вагон плавно начинает тормозить. В окнах забрезжил яркий белый свет, многократно отражённый белым и синим пластиком. Диктор басовито объявляет станцию:

— Станция «Стрелка».

Поезд останавливается. Секунда — и двери с чуть слышным шипением открывают свои створки... Пойдите — но ведь «Стрелка» конечная! Почему тогда никто не выходит? И не заходит никто — платформа совсем пустая! У кого-то снова звонит мобильник. У одного, другого, третьего... У всех сразу звонят телефоны! Что происходит? Откуда-то доносится звук — такой пронзительный, дребезжащий. Похожий на... сирену!

Мгновение — и глаза семнадцатилетнего юноши прорезает серо-голубоватый полумрак. Пронзительный звон будильника на подоконнике, специально поставленного туда, чтобы заставить себя встать с кровати, прямо-таки вынуждает его подняться. Скорее сбросив с себя тонкое одеяло, на бегу надевая на ноги тонкие тапочки, юноша мчится к подоконнику скорее выключить это трезвонящее исчадие ада. Наконец часы смолкают, оставляя после себя лишь лёгкий звон электронного сигнала в ушах да осознание: время семь утра — пора вставать.

Короткий взгляд на прикроватную тумбу ни капли не обнадеживает: на календаре двадцать шестое, и к тому же понедельник. Так себе день недели, но делать нечего — каждый седьмой такой. Опять придётся повторить этот мало осмысленный и обычно проделываемый на автопилоте цикл

действий: убрать постель, потом умыться, почистить зубы, позавтракать, собрать рюкзак, одеться, обуться — и топать в школу. Сгрудив кое-как в одну кучу подушку с простынью и одеялом, юноша бесцеремонно отправляет их во вместительный ящик под его кроватью. Вяло, слегка покачиваясь, перемещая всё тело вперёд, ноги его сами собой находят дорогу в прихожую. Слипавшиеся глаза не видят ровным счётом ничего в этом полумраке — шаркая тапочками по протёртому линолеуму, приходится опираться на стены, чтобы дойти до самого его конца, в ванную. Направо кухня — там как раз горит свет. Слышен звук работающей микроволновки — похоже, кто-то уже проснулся.

— Доброе утро, мам — сонно пробурчал он.

— Доброе утро, Саш! — раздался в ответ из кухни женский голос.

Не обернувшись, чтобы поприветствовать мать, Саша зажёл свет в ванной одной рукой, другой одновременно распахнув её деревянную дверь. На пару секунд ослепнув от яркости светильника, глаза Александра постепенно привыкают к яркому свету. Оглядевшись, взгляд его упёрся в совершенно обычное, с лёгкими следами мыльных разводов зеркало в светло-розовой пластиковой оправе. Оттуда на него уставился весьма недурного вида юноша: среднего

роста, с тёмно-русыми, торчащими во все стороны после сна вихрами волос, глубокие, из-за чуть приопущенных век тёмно-карие глаза его казались очень задумчивыми, а острый подбородок и неширокие скулы прекрасно дополняли приятную строгость мужских черт. Всё ещё немного сонное, в меру худое лицо его выглядело с первого взгляда неважно, но сам Саша давно привык к такому своему виду — какая вообще разница, как он выглядит?! А уж ледяная вода из-под крана его точно разбудит.

Два поворота крана — и немного мутная от пузырьков воздуха жидкость полилась из водопроводной трубы. Первым делом смочив в ней свою красную расчёску и причесавшись, Саша уже схватился было за зубную щётку, как вдруг понял: чего-то не хватает. Щётка — на месте, паста — на месте, полотенце — на плече, мыло — в мыльнице... Блин, точно! С силой хлопнув себя по лбу, Александр молча вышел из ванной, снова прошёл через прихожую и повернул от своей комнаты направо. Настежь распахнул дверь, юноша крикнул:

— Ксюша, подъём! Пора вставать.

Из единственной в этой квартире выходящей на солнечную сторону комнаты раздался недовольный детский стон. Секундное затишье — и из-под одеяла, расстеленного на небольшом узком

диване, показалась светловолосая фигурка девочки лет шести.

— М-у-м-м... — сквозь сон промычала она, — Ещё чуть-чуть...

— Так — поднимайся! Время восьмой час — громко добавил Саша, и не дожидаясь, пока младшая сестра окончательно проснётся, зашёл в комнату и резко сбросил с неё одеяло.

Маленькая фигура в розовой пижаме тут же съёжилась на своей кровати.

— А! Саш, зачем? — завопила Ксюша.

— Вставай давай — угрюмо повторил её старший брат.

— Хорошо, хорошо.

Неохотно развернувшись из своего комочка, Ксю медленно убрала руки от лица. Вяло сползая со своего дивана, малышка напялила на ноги тапочки в форме собачек и, досыпая шестой сон, вслепую принялась сворачивать одеяло.

— Постель потом уберёшь — пошли.

Нетерпеливо взяв за руку сонную сестрицу, Саша снова поплёлся в ванную. Так себе начало дня, но что поделаешь: он старший и должен следить за младшей сестрой — так уж всегда заведено в семьях, где больше одного ребёнка. И потом, если Ксюшу силком не разбудить, она сама все будильники проспит! Не обращая внимания на недовольное мычание слепнущей от яркого света

девочки, Александр молча вручил ей зубную щётку в одну руку, детскую зубную пасту — в другую, и сам начал умываться.

Ледяная вода из-под крана неприятно холодит кожу лица, не оставляя сну ни единого шанса на спасение. Электрическая зубная щётка раздражает своей жёсткой щетиной дёсны, а мятная зубная паста слегка щиплет полость рта. Прочистив по заведённой с раннего детства привычке язык и прополоскав от остатков пасты рот, Саша собрался намылить руки, когда услышал со стороны кухни три коротких писка — это микроволновка закончила греть пищу.

— Саш, Ксюш — послышался следом крик мамы, — Завтрак готов!

— Хорошо — крикнул ей в ответ Саша и принялся методично смывать мыло с ладоней, как вдруг вспомнил: ещё побриться надо! Уставившись в зеркало, подросток встречает там отдельные отросшие на пол-миллиметра волоски чуть ниже носа и на подбородке. Ну, если подумать — да кто на них смотреть будет? Один день походить можно, решил он и отложил свою бритву в сторону — сегодня она ему не понадобится. Смыв оставшиеся со вчерашнего вечера следы чернил, Саша кое-как вытер мыльные пузыри об своё зелёное полотенце и посмотрел на Ксюшу: его сестрёнка тем временем только-только дочистила зубы.

— Быстрее там, ладно — бросил ей старший брат, прежде чем ушёл из ванной.

На кухне его уже встречает мама — высокая, стройная, в свои годы она едва выглядела на тридцать и только едва заметная в приглушённом свете сеточка морщин на худом как у Саши лице выдавала давно ушедшую молодость. Этот совершенно не идущий ей оранжевый фартук, непричёсанная русая копна на голове и полное отсутствие хотя бы лёгкого макияжа говорили сами за себя — женщина совершенно забросила свою внешность, что крайне печально для её возраста.

— Ты бы побрился, что ли — беспокойно сообщила она Саше.

— Да кто на меня смотрит, мам?! — недовольно проворчал он.

— Я смотрю — не унималась мама, — Сходи побрейся, всё равно всё пока горячее!

— Отстань, маман! — лишь отмахнулся от неё сын и молча сел за накрытый солнечно-жёлтой скатертью стол. Сгорбившись так, что сквозь белую майку проступил позвоночник, Саша молча принялся жевать чуть тёплое вчерашнее куриное филе. Конечно, можно было бы и побриться, а потом подогреть, но зачем тратить время и электричество? И так их мало.

— Сестру бы хоть подождал...

— Она пока умывается, всё уже остынет! —

набив щёки немного жёстким филе, ответил он, — Ты тоже иди поешь.

— Спасибо, я Ксюшу подожду — немного обиженно сказала женщина.

— Как хочешь — пожал Саша плечами и в одиночестве продолжил жевать свой скудный завтрак. По правде говоря, Александр привык к такому общению с мамой: можно, конечно, бесконечно списывать это на переходный возраст, ломку характера и прочие аспекты жизни подростков, но материнскую гиперопеку тоже никто не отменял. После того, как Ксюша выросла из пелёнок, мама отчего-то вечно возится с ним, как с маленьким. Это делай, это не делай — в конце концов, он через два месяца совершеннолетним станет! Можно хоть иногда сделать скидку на возраст! Но это, наверное, стоило сказать им обоим.

В этот момент на кухню бодро прибежала Ксюша.

— Мам, я всё! — громко, на всю кухню пропищал ребёнок.

— Ой ты моя умница! — сразу заулыбалась мама — А ну-ка, Ксюня — открой ротик!

Девочка послушно открыла свой рот. Опустившись перед ней на колени, женщина принялась проверять ей зубы.

— Так, эти ещё не шатаются... Верхние нет... А нижний резец уже всюю! Слышишь, Саш?

Первый уже скоро выпадет!

— Угу — даже не обернувшись, пробубнил старший брат Ксении.

Мама это заметила.

— Саш, ну поинтересовался бы что ли, для приличия! — снова запрочитала она, — У твоей сестры скоро первый зуб выпадет, а ты...

— Мам, да чего я там не видел-то? — повернулся к ней Саша, — Ну выпадет, ну и хорошо! Я не возражаю.

— Не обращай на этого буку внимания, — сказала мама и ласково погладила Ксюшу по головке — Так, завтра к стоматологу надо будет зайти. Слышишь, Саш?

— Ну фево опяфь?

— Завтра сходи после занятий с ней к зубному, пусть удалит. На Стрелке один работает, у него золотые руки! И берёт недорого.

Глотая в этот момент большой кусок курицы, Саша чуть не поперхнулся.

— Мам, ты чего, с дуба рухнула? Я свои в детстве сам повыдёргивал — и ничего, живой остался.

— Ну это ты, — возразила она, и встав с коленей, обняла Ксюшу за плечи, — А Ксюша у нас девочка.

— Ой, как будто большая разница! — отломив себе хлеба, парировал её старший брат — И

вообще, пусть уже сама решает! Может, завтра сама выдернет, а ты её ко врачу тащить собралась, да ещё деньги тратить.

Кажется, на сей раз слова Саши возымели должный эффект.

— Ну... Ну ладно, вечером ещё обсудим — махнула мама рукой и вместе с Ксюшей села за стол, — Приятного аппетита!

— Приятного! — громко повторила сестра Саши.

— И вам, — прожевав, ответил он им.

Маленькая, но уютная кухня на шестом этаже девятиэтажной «брежневки» постепенно наполнилась звоном вилок и звуками жующих челюстей. Небольшой прямоугольный стол сконцентрировал вокруг себя всё семейство Киселёвых: посередине, спиной к узкому проходу между ним и газовой плитой, как всегда сидела мама. Справа от неё, затылком к входу, по-прежнему горбился Александр, а по левую руку, упираясь головкой в допотопное, давно неработающее проводное радио — его шестилетняя сестра Ксюша. Четвёртое место, по левую руку от мамы сегодня как всегда пустовало.

Серебристый чайник на плите начал тихо посвистывать. Оторвавшись от завтрака, мама встала с табурета, чтобы налить всем кипятка в чашки. Доев свою порцию, Саша положил тарелку

в раковину и уже собрался насыпать себе кофе, когда взгляд его соскользнул на придерживавшую крышку чайника правую руку матери: на безымянном пальце женщины сверкнуло слегка потускневшее от времени золотое кольцо.

— Мам?

— Что, Саш? — спросила она.

— Ты что, опять?

В голосе Александра отчётливо слышалась нервозность.

— Сними его.

— Кого? — не поняла мама.

— Ты прекрасно знаешь, кого, мам! — уже едва не кричал Саша.

Поставив чайник обратно на плиту, женщина виновато потупила взгляд. Испугавшись крика, Ксюша сразу притихла в своём уголке.

— Ну ты же знаешь...

— Сегодня двадцать шестое — сразу перебил он, — А двадцать пятое было вчера. Мы же договорились, верно?! Сними.

В ответ мама тяжело выдохнула — взгляд и речи её сына не допускали возражений. И потом, она действительно пообещала! А обещания, какими бы они ни были, надо исполнять — неохотно, явно переступая через себя, женщина прикрыла ладонью свою правую руку и медленно стянула с безымянного пальца кольцо.

— А теперь положи его, где лежало. Пожалуйста — добавил Саша уже не так строго.

Стараясь не перечить Александру, мама покорно удалилась, а укрывшись от сурового взгляда сына в своей комнате, всхлипнув, добавила тихонько, про себя:

— Как ты не понимаешь — это же вс... всё, что... осталось... от п-папы.

И это была чистая правда: обыкновенное обручальное кольцо из золота 585-ой пробы было в прямом смысле единственным, что осталось от некогда главы их семейства. Ещё недавно они были образцовой, полноценной, а главное — счастливой семьёй: отец, мать, сын и дочь — практически идеал для демографов. Отец Александра и Ксении, Алексей Киселёв часто подолгу отсутствовал дома, ибо постоянно и довольно давно по долгу службы работал в городе Волгограде. Строго говоря, о работе его семья знала крайне мало — знали только, что это режимный объект где-то в центре города, и не задавали лишних вопросов. Но два года, а точнее — семьсот тридцать один день назад всё изменилось. Прошло уже больше двух лет, а Саша как сейчас помнил то самое утро: что-то с силой потрянуло их дом. Мама, с глазами, полными ужаса, застыла перед телевизором, а в бегущей строке ярко горит жуткое сообщение:

«Экстренная новость: ядерный авиаудар нанесён по Волгограду»

Как они с мамой узнали гораздо позже, в тот момент папа был ещё на посту — его смена была последней перед эвакуацией из города. Сброшенная на город-герой в три часа сорок восемь минут по московскому времени с высоты двадцать пять километров ядерная бомба взорвалась на высоте двести метров от земли. Предприятие оказалось всего в семистах метрах от эпицентра взрыва, уступающего по мощности разве что «Царь-бомбе». Как говорили о таких эксперты, им «крупно повезло»: от мощнейшей огненной вспышки тела их попросту мгновенно испарились — никто даже не успел ничего почувствовать и умерли они безо всяких мучений. Тем же, кто оказался дальше от места событий, была уготована куда более болезненная и долгая смерть: ударная волна, огонь и убийственная радиация прошлись по населённым кварталам, сметая всё на своём пути. Взрыв был такой чудовищной силы, что в радиусе трёх километров всё мгновенно обратилось в пепел, а под действием ударной волны деформировалась и впоследствии рухнула дамба гидроэлектростанции. В тот роковой день в одном только Волгограде в ядерном пепелище сторело почти полтора миллиона человек, а всего в бомбардировке Ростова-на-Дону,

Волгограда и Астрахани лишились жизни четыре миллиона двести тысяч граждан крупнейшей страны в мире. Три административных центра, крупнейших города на тогдашнем юге России были стёрты с лица земли.

Конечно, были и выжившие: вылетевшие в подвергнувшиеся ядерному удару города самолёты МЧС сумели вывезти из зоны заражения почти три тысячи человек. Надежда сохранялась до последнего — мама и Саша знали, что покинув вахту, папа будет эвакуирован к ним, в Саратов. На момент нанесения удара его смена должна была вот-вот закончиться — а вдруг повезло? Но через несколько часов после обращения президента на сайте МЧС были вывешены списки — только не погибших, а выживших: три тысячи оказалось подсчитать гораздо проще, чем четыре миллиона. Хоть их и признали всего лишь пропавшими без вести, сомнений не оставалось: эти люди больше никогда не вернутся к своим родным. Стоит ли говорить, что ни одного человека с инициалами Киселёв А.Р. в этих «грибных отписках», как прозвали их потом некоторые СМИ, не было.

После смерти единственного кормильца жизнь семьи Саши буквально перевернулась с ног на голову: никто не мог найти себе места — все были в состоянии шока. Оставшись вдовой с двумя детьми на руках, без постоянного заработка, в

городе, который вот-вот станет театром боевых действий, у мамы попросту опустились руки. Несчастливая женщина не могла, не желала верить в случившееся и не хотела эвакуироваться, до последнего веря, что её муж ещё может вернуться домой. В тот роковой день они с Ксюшей, надеясь, что их мать всё-таки образумится, так и не смогли уехать, покинуть прифронтовой Саратов, на свой страх и риск остались дома и лишь чудом все остались в живых. Только через месяц, когда война давно закончилась, мать наконец-то смирилась, что отец её детей трагически погиб на своём посту.

Но и на этом беды не закончились: после всего пережитого младшая сестра Саши, Ксю замкнулась в себе — нежная детская психика не выдержала двойного удара. В свои четыре годика Ксюня, как её ласково называла мама, совершенно не смеялась, перестала улыбаться, плакать, разговаривать — хоть как-то отзываться на сигналы извне. Девочка просто молча сидела в своём уголке, с отсутствующим лицом играла в любимые игрушки и ни на кого не реагировала — ни на маму, ни на старшего братика. Потребовалось больше года лечения у психотерапевта, чтобы Киселёва Ксения снова начала радоваться жизни так же, как радуются ей остальные дети. Ради неё Саше с мамой пришлось пойти на множество жертв, в частности — запретить все упоминания о папе.

Поэтому-то Саша и разозлился, когда мама снова надела последнее, что ещё напоминало об их с отцом браке. Конечно, он понимал, что совсем этого избежать не удастся, и разрешал ей надевать обручальное кольцо в день, когда говорить о событиях тех дней будут все — День Памяти, двадцать пятое марта. В любой другой день года подросток сразу же приходил в бешенство, увидев кусок металла на безымянном пальце матери, и требовал немедленно его снять.

— Ксю, ты... там поела? — осторожно спросил Саша свою сестрёнку.

— Угу — тихонько пискнула Ксюша.

Её старший брат тихо выдохнул — похоже, в этот раз пронесло.

— Тебе чего — чаю, кофе? — спросил он, забирая тарелку.

— Давай чаю.

— Ложки сахара две класть?

— Две.

— Хорошо, давай насыплю.

Вскоре мама вернулась из своей комнаты — на теле женщины больше не было никаких украшений.

— Саш, ты сегодня долго в школе? — спросила она.

— Да вроде всего пять уроков, а что?

— Сможешь забрать Ксюшу с подготовки? —

попросила мама, — Опять отпрашиваться с работы не хочу.

— Ну во-первых, — насыпая всем сахар, объяснял Саша — Без тебя часик уж точно протянут. А во-вторых, если так надо, ладно — заберу.

— Спасибо, сынуль — с облегчением вздохнула она и в знак благодарности чмокнула своего сына в щёку.

Юноша тяжело вздохнул, но понял её: после смерти отца маме пришлось срочно устроиться поварихой в расположившейся неподалёку воинской части. Зарплату платили небольшую, но с надбавкой по потере кормильца и из Фонда поддержки материнства в общей сложности на сегодня семья Киселёвых получала целых пять миллионов рублей в месяц — несмотря на кажущуюся внушительность суммы, этого едва хватало, чтобы семья из трёх человек жила в условиях средней экономии, не отказывая себе в жизненно необходимом. Однако больше работы для матери-одиночки в Саратове не было, и Саша знал, как она боится её потерять: постоянно берёт сверхурочные, работает на пределе возможностей — делает всё, чтобы дети ни в чём себе не отказывали.

— Слушай, мам.

— Что?

— Может, Ксюху к нам в школу устроить? — предложил он ей, — У нас вроде и подготовительная группа есть. А то чего мне всё время возить её до Стрелки?

Вместо ответа женщина отпрянула от своего сына, как ужаленная.

— Саш, ты что, с ума сошёл? А если она к Стене случайно подойдёт?

— А то, что я в этой школе учусь, как бы ничего, да? — удивился Саша.

— Ты взрослый и всё понимаешь, а она ещё маленькая! — беспокойно завопила мать, — А если с ней что-то случится? Я же не переживу этого!..

— Ладно, ладно ты, остынь! — поспешил сказать он, — Не кипятись только! Хорошо — на Стрелке, так на Стрелке.

Причина, по которой женщина так разнервничалась, была хорошо известна старшему брату Ксюши — дело в том, что школа, в которой учился Киселёв Александр, находилась на улице, разделявшей Фрунзенский и Октябрьский районы Саратова. Когда в их город пришла война, здание по адресу Мирный переулок, дом 3 даже было на какое-то время занято войсками НАТО, но после подписания перемирия снова оказалось в России — правда, на самой её границе с государством, которое в Северном Саратове прозвали не иначе как Колонией. Полгода спустя военное положение

ввели снова и Саша был одним из свидетелей возведения между ними Стены. При оборудовании пограничных укреплений вход на территорию школы № 1 оказался в полуметре от контрольно-следовой полосы, а всего через неделю произошла трагедия — опаздывая на урок, три восьмиклассника случайно пробежали по песку и были застрелены пограничниками. После этого все ученики стали обходить опасное место, заходя на территорию школы с заднего двора. А мама Саши с того случая постоянно порывалась перевести своего сына оттуда. Вот и сейчас она осторожно спросила:

— Сам-то перевестись не хочешь?

— Мам, мы это тысячу раз обсуждали — раздражённо ответил ей подросток, — Ответ прежний — нет! И потом, у меня экзамены на носу. Куда переводиться-то собралась?

— Да знаю, знаю — грустно вздохнула она, — Просто... боюсь я.

— Мам, мы же все заходим сзади — оттуда до границы метров сто! Плюс здание школы закрывает там всё, а по кривой они не достанут. Всё будет нормально — заверил он свою мать, — И вообще, мне уже пора.

Одним глотком осушив свою чашку кофе, Саша спросил у сестры:

— Ксю, ты скоро?

— Я уже всё! — допив свой чай, довольно

ответила Ксюша.

— Отлично! Тогда постель убирай и бегом собираться.

Поспешив к себе, Саша по дороге бросил взгляд на настенные часы. Парень поспешно ускорился — время было уже пол-восьмого, и на сборы у них с Ксюшей осталось не больше десяти минут. Быстро покидав в свой давно растрепавшийся, но от того не менее удобный чёрный с оранжевыми светоотражающими вставками рюкзак учебный планшет, пару толстенных тетрадок с конспектами, ручку, карандаши и белый лабораторный халат для практикума по физике, старшекласник поспешил накинуть поверх белой майки синюю утеплённую футболку. На автопилоте парень уже схватился за свою толстовку, но вовремя вспомнил, что сегодня обещали плюсовую температуру, а потому ограничился утеплёнными джинсами. Наблюдая из комнаты, как сестра одевается, Саша проследил, чтобы Ксюша не забыла там под куртку свитер, взял шарфик девочки и потащился с ней в прихожую. Надевая свою светло-серую лёгкую куртейку, Александр попутно проверил наличие в ней кошелька, пропуска в школу, пропуска Ксюши на занятия подготовительной группы и проездной карты метро. Песочно-жёлтые ботинки с резиновой подошвой на ногах, обнять маму на

прощание — и ухватив Ксюху за руку, Саша вышел на лестничную площадку и вызвал лифт.

— Ключи не забыл? — с иронией в голосе протянула ему мама связку.

— Блин, точно! Спасибо — хлопнув себя по лбу за свою забывчивость, Саша взял ключи и положил к себе в карман.

Несколько секунд спустя подъехала кабина — страшновато лязгнув, тонкие створки из анодированного алюминия медленно раскрылись. Держа Ксюшину ладошку, Саша нажал на первый этаж. Помахав маме на прощание, брат с сестрой скрылись за дверьми лифта.

Выходя из подъезда, Саша сразу прибавил шаг — придётся поспешить, чтобы успеть на поезд. Стараясь не отставать от брата, маленькая Ксюша почти перешла на бег. Холодный утренний воздух неприятно морозил щёки. Прорезиненные сапоги сильно скользили по чуть влажному, подтаявшему снегу — зима в этом году не очень-то спешила отдавать полномочия и сейчас, в конце марта продолжала своё активное сопротивление весне. Однако все приметы были против того, чтобы стужа задержалась в Северном Саратове ещё на одну неделю: ослепительное солнце уже всюду играло своими яркими лучами в мокрых снежинках, подтапливая образовавшийся на снежных сугробах в ночные заморозки тонкий слой наледи.

Кристалльно чистое небо радовало глаз своей насыщенной голубизной. На кустах возле домов уже всюду набухали почки, ожидая момента, когда уже сгинет их снежный плен, впустив на своё место тепло и весеннюю свежесть. От местами плохо утеплённых труб теплотрассы заметно парило, создавая в холодном зимнем воздухе туманную завесу, а в образованной автомобильными шинами колее из-под толстого слоя утрамбованного снега кое-где уже проглядывал мокрый асфальт.

Весенними переменами повеяло и от домов: некоторые люди уже повесили в своих домах занавески, кое-кто выставил на балкон первую рассаду, чтобы потом, ближе к маю, отправиться на свой дачный участок и там продолжить горбатиться с овощами. Однако Саше, и наверное, не только ему бросалось в глаза кое-что другое: значительная часть квартир пустовала. Где-то выбитые, где-то заколоченные фанерой, а иногда видимые только ближе к вечеру, когда в обитаемых квартирах зажигался свет, «мёртвые», пустые окна их занимали от трети до половины от всех многоэтажных домов в округе. За каждым из них своя история: кто-то эвакуировался из проглоченного войной города и так и не вернулся, кого-то настигла шальная пуля, а кто-то просто уехал — успел до введения здесь военного положения. Признаться честно, такое количество

совершенно свободной жилой площади отнюдь не внушало уверенности в завтрашнем дне. Порой Саша и сам размышлял — почему они не уехали? Зачем остались — в полуразрушенном, побитом войной обломке города? Была же возможность: до возведения Стены покинуть Северный Саратов любой желающий! Вот только куда? Кроме папы, в других городах родственников у них не было: бабушка в деревне — но там даже школы нет, не то что работы. Выходило так, что особого выбора они и не имели — покинув дом, семье из трёх человек было бы попросту некуда податься. Одни, без денег, без крова, без надежды на лучшую долю, их ждала бы куда худшая судьба, чем здесь. Не сказать, что Александру было не на что жаловаться, но он сам всегда был согласен, что это лучшее, что они могут себе позволить и этим порой успокаивал самого себя.

По лужам, по бордюрам, по отдельным пятачкам проглядывающего из-под снежной каши асфальта спустившись с холма, брат с сестрой свернули с дороги на немного странный, зигзагообразной формы, крытый зелёными полимерными полукольцами пешеходный мост. Построенный ещё в те времена, когда в городе даже не планировалась сеть метро, изначально он предназначался для посадки на пригородные поезда и перехода через станцию железной дороги. Вскоре

один из выходов был передан под станцию выросшего за каких-то двадцать лет Саратовского метрополитена, а уже после войны железнодорожный вокзал «Саратов-1» оказался блокирован войсками «колонистов». Станция «Трофимовский-1» стала конечной — не только для электричек, но и для всех поездов, следующих в город. Так, спустя всего два десятилетия после возведения узенький пешеходный мостик стал крупным узлом пересадки — а станция «Московская», по сути своей, полным аналогом столичному «Выхино». Сотни, тысячи людей каждый день пересаживались здесь ранним утром с железной дороги на метро, а вечером — наоборот. Вот и сейчас не успели Саша с Ксюшей и глазом моргнуть, как встряли в утренней пробке перед единственной парой турникетов на вход.

— Чёрт! — громко ругнулся Александр.

— Не ругайся, Саш! — писклявым голоском отчитала его сестра.

— Да сейчас поезд придёт, мы в него просто не влезем! — продолжал громко, во весь голос возмущался он, на что Ксюша спросила:

— А ты можешь что-нибудь изменить?

Несколько человек из очереди оглянулись: надо же — маленькая девочка строит такие взрослые, логичные выводы! И только сам Саша знал всю подноготную этой фразы: мелкая просто

подслушала её у мамы, когда та его за что-то отчитывала, и с тех самых пор всё время использовала, порой даже невпопад, когда он на что-то ругался. Тем не менее, сцена заметно остудила пыл старшего брата — в конце концов, ругаться с ребёнком на людях себе дороже.

Наконец подошла их очередь — быстро подхватив Ксюшу на руки, чтобы та прошла бесплатно, Саша приложил свой школьный проездной к турникету. Пластиковые челюсти железного монстра снисходительно пропустили их на платформу. Быстро спустившись по лестнице на потрескавшуюся бетонную плиту, глазам предстало обычное для утра зрелище: скрывшись под навесом, больше сотни человек стояли с правого края, глядя куда-то назад, и терпеливо ждали, когда наконец приедет заветный поезд в центр. И надо сказать, не напрасно — ровно через пять секунд в правое ухо Сашу ударила волна воздуха, а через мгновение на полной скорости мимо промчался состав. Кому-то громко сигналив, знаменитая «серебряная стрела», сцепка из шести вагонов медленно затормозила и остановилась последней дверью точно напротив их с Ксюшей.

— Быстреей!

Подбежав к вагону, Александр с сестрой поспешно встали возле уголка места посадки. Вагон приехал наполовину пустой, как это часто бывало,

и сразу запрыгнув в открывшуюся дверь, старший брат Ксюши сумел посадить ребёнка на свободное место в дальнем углу.

— Станция «Московская»! — противным механическим голосом объявил диктор.

Люди с платформы бурным потоком хлынули в поезд. Мужчины, женщины, старики, дети, школьники, студенты — жители пригородов всех мастей дружной толпой в считанные секунды заполнили каждый свободный квадратный метр светло-синего пола вагона.

— Ух! Классно-то как зашли — радовался Саша, глядя, как толпа растекается по салону, занимая все свободное пространство.

— Ага, классно! — громко поддакнула ему Ксю.

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Молодёжная».

Металлические двери с квадратными окнами тихо сомкнули свои створки и, протяжно зашипев, состав плавно тронулся с места. Стук колёс по старым железнодорожным рельсам слился воедино с чуть слышным откуда-то снизу шумом электромотора. Гремя сцепками своих шести вагонов, «серебряную стрелу» слегка закачало из стороны в сторону. Несмотря на то, что скорость поезд набрал приличную, внутри было довольно тихо — тишину нарушал только чей-то говор где-то

спереди. Слегка прижатый людьми к двери кабины Саша цеплялся за поручень, стараясь не потерять из виду и иногда криво улыбаться довольно болтающей своими маленькими ножками в углу Ксюхе. Везёт ей: маленькая, потому и сидит — не то что старший брат.

За окном постепенно светало — скрытое лесополосой солнце постепенно поднималось из-за безлистных крон деревьев в небо, озаряя своим желтоватым светом запотевшие окна. Протерев их, можно было увидеть, как параллельно путям посреди шоссе быстро исчезали позади капоты автомобилей — вагон ехал заметно быстрее. Соседняя же полоса, из центра, была совершенно пустой: прежде по этой дороге люди могли выехать из города, но сейчас, когда их Северный Саратов на военном положении, а единственный КПП на выезд закрыт, шестиполосная магистраль почти всё время наполовину пустовала. Ну ничего — вечером они все опять поедут домой и снова соберут своими тазиками на колёсах огромную пробку. А утром — по новой обратно, словно на поклон какому-то божееству сожжённого горючего.

— Станция «Молодёжная»! Переход на Волжско-Покровскую линию.

Загудев тормозами, вагон постепенно начал замедляться. Протирая стекло за спиной Ксюши, Саша разглядел там большую толпу стремящихся

пересесть на их поезд. Одновременно с ними где-то каждый третий внутри спешно засобирался на выход — единственная кросс-платформенная станция во всём метрополитене, после разделения Саратова «Молодёжная» стала последней на Октябрьской ветке, где можно было пересесть на другую линию. Пусть с пересадками, но всё равно гораздо быстрее, чем по пробкам, большинство едущих в центр предпочитали избежать переполненных «компенсационных» автобусов, просто пройдя через переход на другую, четвёртую ветку. Волжскую — часть её, называемая Покровской, уходила через «Речной вокзал» в город Энгельс, после разделения ставший частью другого города и другого государства.

Остановившись на станции, двери поезда бесшумно открылись. Высыпав на платформу «молодёжки», часть пассажиров спешно покинула вагон, но на смену им сразу пришли новые — такие же невезунчики, как Саша: этим несчастным придётся ехать до конечной «Стрелки», а затем уже ползти на автобусе до центра. Старший брат Ксюши и сам бы рад перебраться на Волжскую, но с недавних пор он должен был возить сестрёнку на подготовительные курсы в школе возле «Стрелки», из-за чего вынужден тащиться до «Кировской» напрямик.

— Осторожно, двери закрываются!

Следующая станция — «Площадь Ленина» — слово в слово проговорили они с Ксюшей, переглянулись и весело улыбнулись друг другу.

После «Площади Ленина» народу в вагоне стало ещё больше. Проехав ещё чуть-чуть по бывшей железной дороге, вскоре после станции поезд в буквальном смысле ушёл под землю — отсюда начиналась подземная часть линии. За окном резко потемнело. Прежде тихая и покладистая, «серебряная стрела» резко увеличила свою громкость: отражённый стенами чёрного как ночь тоннеля стук колёс единомоментно усилился раз в пятнадцать. «Тантал», «Студгородок» — везде далее люди скорее входили, нежели выходили, в результате чего на последнем рубеже все желающие просто не смогли влезть в переполненный поезд, вынудив машиниста крикнуть по громкоговорителю:

— Отойдите от дверей вагона! Больше поезд не возьмёт! Всё, следующая — «Стрелка», конечная — с отчётливо слышным облегчением в последнем предложении пробасил он.

Более не сдерживаемые толпой двери кое-как схлопнулись и набитый пассажирами аки консервная банка шпротами поезд отправился в финальный рывок по мрачным подземельям метрополитена. Дышать в такой толкотне стало практически невозможно. Распластанный по стенке

кабины машиниста в хвостовом вагоне, Саша даже не держался за поручни, чтобы не упасть — падать было уже попросту некуда. Всё это время сидевшая рядом Ксюша то и дело корчила рожи старшему братику, на что Саша лишь криво ухмылялся: конечно, бесит, но что с неё возьмёшь — маленькая ещё.

Наконец спустя две минуты грохота в вагоне раздалось заветное:

— Станция «Стрелка»! Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны.

Остановившись на почти пустой платформе, все шесть вагонов протяжно зашипели и одновременно выпустили своё аморфное с коллективного недосыпа содержимое наружу. Глядя, как толпа равномерно расплзается по станции, Саша с облегчением выдохнул — во-первых, не прижатый с нереальной силой к стенке кабины, теперь он наконец мог свободно подышать, а во-вторых, сегодняшний сон оказался всего лишь сном. Состав тем временем продолжал угрожающе шипеть, как бы жалуясь на свою нелёгкую ношу и взяв за руку сестру, подросток один из последних покинул вагон.

На платформе Саша немного огляделся по сторонам. Сочетание белых и синих цветов приятно успокаивало его взгляд: при всей своей воспетой ещё до обрыва Октябрьской линии многолюдности

станция «Стрелка» была и оставалась во всех смыслах приятным местом. Горящие под потолком три стеклянные «стерлядки», протянувшиеся через всю платформу светильники красиво играли ярким светом своих ламп на сочетании снежно-белого мрамора и алюминия. Никаких колонн, никаких подпорок — вся станция будто бы целиком держалась на одном лишь воздухе. Белоснежный полукруглый потолок пересекали тянувшиеся через всю платформу три сплетённых в хитроумную косу ажурные, выкрашенные в насыщенный азуритно-синий цвет стальные ленты. Светло-кремовая плитка так и сияла под ногами — методично смывая, стирая всю оставленную на нём грязь с поверхности, автоматические моечные машины непрерывно возвращали полу первозданный вид. Протянувшиеся вдоль всей платформы с закосом под уличные фонари с пристроенными возле деревянными скамейками идеально подходили для назначения их в качестве места встречи — просто поразительно, как после стольких авианалётов станция уцелела в своём первозданном виде. До войны «Стрелка» была рядовой станцией Октябрьской линии, за которой сразу следовал короткий выход на поверхность, а затем — пересадки сначала на Московскую, а потом и на Астраханскую ветки. Однако теперь, когда к «Вокзалу» ни пройти ни проехать, станция

стала конечной и только свет в конце тоннеля выдавал, что когда-то рельсы имели продолжение.

— Так, всё! — отдышавшись, сказал Саша сестре, — Потопали, а то мне ещё на автобус бежать.

Снаружи в лицо им ударил холодный, порядком подпорченный мерзким запахом гари и выхлопных газов ветер. Звуки автомобильных гудков не смолкали ни на минуту: город стоял — как, впрочем, и всегда. В нескончаемой круговерти микрорайона Стрелки люди, машины, поезда метро под землёй спешили кто куда — кто вправо, кто влево, кто взад, кто вперёд. Ведомая братом, маленькая Ксюша то и дело цеплялась на идущих навстречу прохожих и изо всех сил старалась не потерять Сашу из виду. К счастью, идти им было недалеко — всего метров через сто завернув направо и чуть-чуть пройдя вперёд, они сразу же упёрлись в забор. Старшеклассник задумчиво поднял голову — невысокое, невзрачное, сложенное из когда-то белого кирпича двухэтажное здание школы № 27 уже ждало своих первых учеников.

Достав из внутреннего кармана своей куртки электронный пропуск, Александр вручил его Ксюше.

— Как закончишь, позвони мне — сказал он, — Даже если освободишься пораньше — просто

чтоб я знал. Жди меня и никуда не уходи. Лады?

— Лады — кивнула ему девочка и получив на руки пропуск, приложила его к замку.

На пешеходных воротах школы загорелась зелёная лампа — путь свободен. Младшая сестра Саши тихо юркнула в приоткрывшуюся металлическую дверцу, оставив своего брата по другую сторону ограды. Помахав Ксю на прощание, Александр сразу поспешил в другую сторону — время было уже восемь и как раз должен был подъехать «компенсационный» автобус. Строго говоря, компенсационным его можно было назвать с большущей натяжкой: здоровенная гроыхающая машина родом прямиком из девяностых годов прошлого века, весьма любезно прозванная самими жителями Северного Саратова «сараем», перемещалась по самым загруженным улицам города, не соответствуя уровню метро ни по скорости, ни по комфорту. Собирая собой по пути все возможные пробки, автобус следовал от «Стрелки» через станции «ЦКР» и «Университет» до самой «Кировской», куда и нужно было попасть Саше. Вот и сейчас, встав на уже порядком забитой остановке, старшеклассник терпеливо ждал, когда же подъедет заветная «М»-ка.

Ждать долго не пришлось — уже через пару минут, промахнувшись метра на три мимо отведённого ему места для стоянки, едва не

чиркнув при этом бампером о фонарный столб, возле Саши остановилось неведомое нечто. Грязное, неказистое, родом прямиком из мест, где не боятся проехать разве что танки, поистине заслуживающий своего ужасного прозвища «сарай» с первых секунд отпугивал простого обывателя и только одна-единственная деталь заставляла людей в буквальном смысле бороться за место в его тесном, неудобном салоне — засаленная бумажка в углу ветрового стекла с нарисованной на ней синим маркером большой буквой «М». Пусть в нём до сих пор не ввели плату за проезд, пусть ходил он почти каждые пять минут, автобус еле выдерживал огромные стада людей, всякий раз осаждавшие его возле «Стрелки» — стремглав запрыгнув в переднюю дверь, Саша даже не успел пройти вглубь автобуса, как тут же со всех сторон был зажат телами ещё с десятка таких же экстремалов. За считанные секунды людей внутри стало столько, что двери попросту уже не могли закрыться. Поорав на своих пассажиров, толстый, с характерными кепкой и усами водитель с пятой попытки всё же захлопнул переднюю, с шестой среднюю и с одиннадцатой — заднюю двери, оставив при этом снаружи этак добрую половину жаждавших попасть в центр страдальцев, и ведомый им «сарай» со страшным скрипом тронулся с места.

Развернувшись на перекрёстке в обратную сторону, автобус поехал по своему избитому маршруту, но не успел проехать и метра, как встрял в бесконечной, тянущейся насколько хватало взгляда пробке. Спустя минуту чуть продвинувшись в длинной очереди к светофору, «сарай» недовольно взвизгнул изношенными тормозными колодками и снова остановился в паре миллиметров от впереди идущей «девятки». Зажатый со всех сторон, крепко стиснув зубы Саша изо всех сил молча цеплялся за единственную тростинку, за которую можно было ухватиться в этом живом месиве — поручень. Грязь, духота, запах невымытых человеческих тел — картина для него уже в порядке вещей и жаловаться на неё бесполезно. Вот только — сколько ещё будут тридцать автобусов, из которых половина еле-еле на ходу, а каждый третий на бумаге давно списан, заменять своим существованием гораздо более удобную пересадку на метро? Ответ один — пока не построят объездную ветку через «ЦКР» и «Кировскую». Лет через десять — а пока жителям Северного Саратова придётся терпеть, что их везут в центр города федерального значения в прямом смысле как дрова.

Водил толстяк за рулём неважно: словно нарочно выбирая самую медленную полосу для движения, автобус тормозил буквально у каждого

столба. А когда ехал, то проще было обогнать его пешком. Не нравится? Выходи и иди! Только кто здесь захочет тащиться почти пять километров своим ходом? То-то же. Несчастливым пассажирам оставалось лишь терпеть то, что при каждом торможении весь салон чуть не падал стройным заборчиком на грязный и мокрый пол, что по их ногам то и дело кто-то топчется и при всём при этом неизвестно, когда они доедут до места назначения. Лениво переползая от светофора к светофору, пронзительно визжа стёртыми в пыль тормозами, пропуская каждую решившую перейти в неположенном месте бабку, автобус неспешно миновал сначала Колхозный рынок, а затем — Саратовский университет. Удерживая собой от падения ворчливую, ругающуюся, а иногда и орущую на весь автобус толпу, весь в мыле Саша уже из последних сил держался за скользкий поручень и мысленно молился всем ведомым и неведомым ему богам, чтобы этот филиал ада на Земле просто быстрее уже доехал до конечного пункта назначения.

Наконец, спустя почти сорок минут после отправления от Стрелки, «сарай» не спеша остановился у пересечения улицы Чапаева с проспектом Кирова, всего в паре метров от входа на станцию «Кировская» Московской линии. Хлипкие дверцы кое-как раскрылись и все сто двадцать

пассажиров, из которых минимум половина прошла этот чудовищный по своей жестокости квест от начала и до конца, потирая руки, разминая отдавленные стопы, выбрались из автобуса. Отодрав от рюкзака приклеенную кем-то жвачку, Саша спрыгнул с подножки и сразу поспешил в школу — до начала занятий осталось уже меньше двадцати минут. Двигаясь быстрым шагом, щурясь от ярких лучей солнца, старшеклассник то и дело оглядывался по сторонам, ибо были на то сразу две причины. Во-первых, путь его лежал по центральной улице города — от парка Липки до площади Кирова протянулся одноимённый проспект, в широких кругах давно получивший звание «саратовского Арбата». Единственная пешеходная улица собрала на пути своём самые что ни на есть лакомые куски всего Северного Саратова: эстетично вписавшийся в городской архитектурный ансамбль цирк с апреля по октябрь привлекал к себе новых зрителей не только своим и без того приметным зданием, но и стоящим возле него фонтаном — идеальным местом для коротания времени в жаркую погоду. Тенистая, тихая, ещё пока совсем голая аллея и сейчас хорошо подходила для разного рода прогулок на свежем воздухе. По другую сторону улицы до самого конца её тянулись торговые ряды — здесь саратовцы всегда могли отыскать что-нибудь радующее глаз и

не напрягающее кошелёк. А посередине, деля проспект на две части, уже вовсю расцветали цветочные клумбы с намерением радовать горожан до самой осени. По сути, самое сердце Саратова, не только Северного, но и всего в целом, лежало именно здесь и если хоть кто-то в этом и сомневался, то только не тот, кто до этого побывал на проспекте Кирова.

Однако другая причина была куда прозаичней и намного более неприятной — миновав мощёную непонятого бетонно-серого цвета плиткой площадь, Саша даже нарочно ускорил шаг, чтобы не встречаться с ней взглядом. В прежние времена он бы просто срезал путь через торговые ряды, дошёл до кинотеатра «Победа», прошёл вперёд и через трамвайный путь вышел бы напрямик к Мирному переулку. Теперь же Александр, и не он один, старался всячески избегать ставшего опасным места: с виду почти незаметно, после раздела города на северную и южную части проспект Кирова оказался всего лишь в двухстах метрах от самой настоящей государственной границы. А выйдя на пересечение Мирного переулка и улицы Вавилова, можно было ещё и разглядеть то, что окончательно отрезало Северный Саратов от Южного — огромная, высотой с приличный одноэтажный дом, стена из железобетона с непреодолимым цилиндрическим барьером на

самой её вершине, тянулась от уже бывшей трамвайной остановки посередине улицы до самого конца, где поворачивала направо, на Советскую. Помимо этого, в арсенале у Стены, как довольно ёмко прозвали границу сами саратовцы, имелись также линия колючей проволоки, полоса с острыми как бритва шипами, заградительная сетка под напряжением, обустроенная прямо посреди улицы наблюдательная вышка, а также контрольно-следовая полоса из песка шириной почти во всю проезжую часть — все эти препятствия нужно было преодолеть, чтобы просто подобраться к ней. Но даже этого, видимо, было недостаточно, чтобы показать: черта, отделившая Россию от утраченной ею когда-то территорий, на замке — по всему Мирному переулку вдоль линии раздела можно было заметить с десятков-другой видеокамер, круглосуточно ведущих запись всего, что происходит на стыке городов.

Такая ужасающе сложная система на пути из одной страны в другую уже сама по себе вызывала мороз по коже своей неприступностью, а попытка преодолеть её и вовсе казалась настоящим безумием. И тем не менее, смельчаки были — правда, на памяти Саши ещё пока ни одному человеку не удалось преодолеть границу между Северным и Южным Саратовом. Любого, кто только пытался приблизиться к Стене хотя бы на

десять метров или даже просто случайно наступал на контрольно-следовую полосу, тут же вязали люди в военной форме и в лучшем случае после профилактической беседы длиной в час отпускали. Тех же, кто упрямо направлялся к Стене или оказывал сопротивление, ждала очередь горячего свинца. Мужчин, женщин, северян, южан — железобетонная преграда не щадила никого. Подумать страшно, но за каких-то полтора года своего существования по Саратову граница России и Азовской Республики унесла жизни почти двухсот человек. Возведённая всего за неделю в сентябре 33-го, Стена быстро обрела славу «второй Берлинской» — пугающей и смертельно опасной. Смерть, разрушения, несчастья — эта по-настоящему страшная, кровопролитная война не пощадила никого, и с трудом успокоившись, бледный как смерть подросток бегом миновал пересечение Рахова и Вавилова.

Пройдя несколько домов, свернув во дворы, старшеклассник в два прыжка взобрался на созданный людьми холм — кооперативные гаражи, такие катакомбы города подходили своими земляными стенами к самому забору, за которым начиналась территория школы. Просочившись через узкую дыру в металлической решётке, Александр поспешил выйти к парадному двору. Со стороны выглядело это очень странно, но

собственно, таким макаром и заходило в школу подавляющее большинство учащихся — после того, как трёх школьников прямо у ворот застрелили снайперы, путь через Мирный переулок никем не использовался, а эвакуационные входы находились ещё дальше, с другой стороны здания, так что чтобы войти через них, пришлось бы делать ещё больший крюк.

Обойдя маленькую полулачугу-полуподсобку, Александр вывернул во двор. Тут-то ему и предстала во всей своей красе она — школа № 1 города Саратова: трёхэтажное здание из кирпича, выкрашенное в приятный глазу вишнёво-красный цвет, укрыло под своими стенами от неустанного взора пограничных камер почти четыре сотни учащихся. От мала до велика, в прежние времена школа, по праву носящая свой первый номер, насчитывала в своих стенах более тысячи детей, стекавшихся сюда со всех концов Саратова и соседнего с ним Энгельса. В классах, оборудованных по последнему слову техники, у преподавателей, чей опыт ценили не только в области, но и по всей России, учились лучшие из лучших — дети, кто доказал своими знаниями и умениями, что достоин носить гордое звание учащегося «первой» школы. И снова всё перечеркнула война — после раздела города на две части около трети учащихся оказались в

буквальном смысле за границей. Где-то десять процентов — пропало без вести, ещё четверть ушли, когда школа оказалась всего в тридцати метрах от Стены. Схожая судьба постигла и преподавательский состав. Вдобавок, здание серьёзно пострадало при штурме войсками НАТО — чего стоит только сеть трещин по всему фасаду и издырявленная пулями крыша. Теперь, когда от школы № 1, по сути, остался лишь номер, менее сорока процентов школьников решили сохранить за собой гордое право называться её учениками. И Саша был одним из них: тем более, в этом году он заканчивал свой последний, двенадцатый класс, за которым следовали выпускные экзамены и менять что-либо в жизни в такой ответственный момент не хотелось ни ему, ни, наверное, его маме.

Зайдя внутрь, Саша первым делом свернул в дверь налево. За ней глазам его открылась уже привычных омерзительно салатных цветов гардеробная. Скрипучие лавочки, вечно мокрый, в разводах грязи пол, затхлая пыль уныло висящей за железной решёткой на своих крюках одежды школьников — в общем-то, ничего нового, всё как обычно. Потоптавшись несколько секунд на резиновом коврикe, «очищая» подошвы от остатков снега, сдав куртку в гардероб, Александр поспешил пройти в холл. Изнутри школа, где он отучился почти шесть лет, и после возведения Стены ничуть

не изменилась: спокойные бледно-розовые с лёгким оттенком кремового стены, светло-серая гранитная плитка, стенд с историей школы напротив окна, металлодетектор на пути к расписанию — привычный порядок вещей не менялся здесь годами. А зачем, если всё и так хорошо? Всего одна деталь была способна потревожить привычный порядок вещей — в школе было непривычно пусто. Но не стоит беспокоиться раньше времени: тому есть весьма простое и главное, логичное объяснение — каникулы. Всю эту неделю с первого по девятый классы заслуженно отдыхали. Таким образом, на всю школу сегодня набиралось не более сотни учеников и то, что Саша на своём пути встретил всего пару человек — вахтёршу и охранника — было вполне нормально.

Поднявшись на третий этаж, Саша скинул с плеч сумку, достал оттуда свой учебный планшет, включил гаджет и немного устало пристроился в нише стены возле кабинета химии — сегодня в расписании двенадцатого «физико-математического» класса она стояла первым уроком. Зелёные стены коридора, бесшумно хлипкое деревянное окно, заколоченное от греха подальше решёткой из досок, вид школьного двора в нём как бы намекали случайно забредшему сюда школьнику — это этаж естественных наук. И правда: прямо напротив, под

номером 32, позолоченными буквами на торжественном бордово-красном фоне красовалась обветшалая надпись: «Кабинет физики». Чуть дальше по коридору, возле кабинета химии, пристроилось пристанище биологии и экологии. Лишь два кабинета английского языка возле выкрашенной в цвет стены пожарной дверью выбивались из этого ряда.

— Здравов, Сань!

Внезапно оторвав Александра от размышлений, возле него практически из ниоткуда материализовался невысокий мальчишка. Идеально прилизанные белобрысые волосы, строгий прямой нос, сидящая с иголочки спортивная форма и яркий, живой блеск в глазах наводили на него впечатление младшекласника-переростка. Хорошо, что Саша уже знал его: несмотря на свою чудаковатую внешность, Лёша Писарев, а именно так звали того парнишу, был довольно приятным человеком. Неплох в учёбе, хорош в спорте, всегда уверенный в себе, этот славный малый был душой любой компании. Имея в корнях немцев Поволжья, Лёша также неплохо разбирался в языках. Одна досада: имея столько положительных качеств, все всё равно помнили его просто как «чувака в галстукe». Если в школе проходило какое-то мероприятие, мимо Писарева пройти это никак не могло. Пришедший в «физ-мат» на год позже Саши, поначалу Лёшу

бесило, что учителя всё время норовят приодеть его в строгий костюм, но со временем парень привык и даже охотно начал участвовать в школьных делах.

Что касается «Сани», то с ним Лёша был в очень хороших отношениях — прямо сейчас хороший друг протянул ему свою красную, всю в мозолях после баскетбола руку, чтобы поздороваться. Однако сам Саша не торопился ответить взаимностью. В глазах Александра отчётливо читался испуг — подросток словно прирос к своему уютному уголку, не желая оттуда вылезать даже чтобы пожать руку.

— Проехали, — стремясь сгладить неловкость, парень убрал ладонь — Ты химию делал?

Александр тяжело вздохнул.

— Вопрос риторический. А что?

— Да так, — почесал голову этот проныра, — Просто спросил.

Не секунду в разговоре наступила неловкая тишина.

— Слушай, Сань — расслабленно пошатываясь на своих ногах, снова заговорил Лёша, — Завтра матч баскетбольный, с «соц-гумами» — человека не хватает. Пойдёшь?

Отложив планшет, Саша плотно сжал губы.

— Давай, Санёк! Ты ж классно играешь — в команде даже играл школьной! С тобой мы их

точно порвём. Давай, чего ты в свой планшет уткнулся! — с задорным огоньком в глазах Лёша легонько ткнул кулаком друга в плечо.

— Спасибо, конечно, тебе за предложение — совершенно спокойно, с натянутой улыбкой ответил Александр, — Но ты же знаешь: я больше не играю.

— Ну вот, опять заладил — бросая в стену воображаемый баскетбольный мяч, обиделся его одноклассник — И так в классе мало людей осталось, а тут ещё ты сдулся!

— Во всех мало осталось.

— Ну да и что с того? Последние месяцы ж в школе! Нельзя просто сидеть в коридоре и залипать в книжки! В соревнованиях не участвуешь, «Зарницу» в этом году пропустил, с выпускным отсиживаешься — ты вообще тут или где? — пощёлкал Лёша пальцами у него перед носом, — Алё, гараж! Давай, вылезай из своей конуры! Хорош целый день киснуть.

Саша замолчал — в ответ было просто нечего сказать. Всё, что сейчас про него говорил «чувак в галстук», было чистой правдой: до того, как в Саратов пришла война, имя Киселёва Александра было известно чуть ли не всей школе. Лучший ученик параллели, баскетболист с неплохими задатками к волейболу, активист и всё в этом духе, не было и дня, чтобы Саша не участвовал в делах

школы. Стенгазета ли, подготовка к важному мероприятию или же просто помочь физрукам с дежурными вытащить какую-нибудь ненужную рухлядь, потенциал этого самородка каждый день где-нибудь да был задействован и использован по полной. Учителя хорошо знали об этом и редко возражали, если Сашу на их уроке кто-нибудь забирал — благодаря хорошим оценкам почти по всем предметам, эталон ученика школы № 1 успевал везде и во всём.

Однако смерть папы, нескольких его одноклассников, трудности в семье и бедственное положение в городе поломали отточенный механизм — «Кровавая весна» словно подменила Сашу. С каждым днём фамилия Киселёв фигурировала в списках активистов всё реже и реже — перейдя в одиннадцатый, а потом и в двенадцатый класс, парень ушёл из спорта, перестал отпрашиваться с уроков ради чего-то, с его точки зрения, «не сильно стоящего», скатившись до уровня серой, неприметной мыши. Прежде такой же душа компании, как и Лёша, в скором времени школа № 1 лишилась гения Киселёва Александра, и наверное, если бы не его друзья, забыла бы окончательно и о его существовании. Изредка Сашу ещё удавалось куда-нибудь вытащить, но давалось это с таким трудом, что мало кто решался на этот подвиг.

— Ну ладно, — неохотно шмыгнул он носом, — Хорошо, я подумаю.

— Давай-давай, а то вместо тебя Серёгу возьмём.

— Этого громилу? Да он же пол-площадки снесёт!

— Ну вот! Шутишь же — совсем другое дело! — Лёша сразу повеселел — Думай давай, не затягивай.

— Окай, окай.

Изобразив на лице улыбку, Александр махнул ему рукой. С чувством выполненного долга Лёша умчался наверх переодеваться — до начала урока оставалось уже всего несколько минут.

Убирая планшет обратно в рюкзак, Саша любопытно огляделся по сторонам. Из-за угла, возле окна, глаза его уловили сидевших на подоконнике, прислонившись спиной к доскам, двух девочек одного с ним возраста. Высокие, одетые в недавно вошедшие в моду, чем-то похожие на отменённую униформу тёмные женские пиджаки, из-под которых проглядывали светлые блузки, клетчатые юбки чуть выше колена и элегантно облегающие ноги белые чулки, своей красотой они прямо радовали юношеский взгляд. Одна с тёмными, идеально прямыми волосами до плеч, другая с миленькими каштановыми косичками, своим видом они как бы давали понять,

что и здесь, в Северном Саратове, ещё есть место очарованию и красоте. Больше, в общем-то, никого в коридоре не было — кроме тихой болтовни Сашиных одноклассниц, ничто не нарушало тишину школьного коридора. Со стороны это выглядело странно и даже пугающе, но сам Саша, как и остальные, давно к этому привык.

Из-за двери послышался характерный знакомый стук ключа — учительница вот-вот откроет им кабинет. Щёлкнув дверным замком, дверь медленно отворилась и из неё раздался молодой женский голос:

— Двенадцатый «М», заходите.

Недолго думая, Саша взял в руку рюкзак и не спеша вошёл. Непривычная глазу белизна с порога ослепила взгляд старшеклассника: точно морщинами на увядающем лице женщины покрывшийся сеточкой из трещин потолок, выкрашенные в ослепительно белый цвет стены, преподавательский стол, газовые трубы, подведённые к партам — светлые тона попросту оккупировали кабинет химии. Три ряда деревянных столов с уложенным на них прозрачным пластиком хранили в себе порой так необходимые какому-нибудь лентяю подсказки в виде таблицы Менделеева и прочей дополнительной инфы. Матово-чёрная доска, ещё не тронутая меловой пылью, почти что светилась от ярких бликов

флуоресцентных ламп. Водопроводный кран, подведённый к демонстрационному столу, всюду сверкал своим алюминием.

Усевшись на привычное место за третьим столом в первом ряду, Саша достал из своего рюкзака толстую, драную тетрадь по химии и ручку — сегодня это всё, что ему понадобится. Сонно растекаясь по своей парте, Александр лениво наблюдал, как в кабинет один за другим начинали подтягиваться одноклассники. Помимо двух увиденных им девушек, внутрь вошли ещё шесть человек: пять мальчиков и одна девочка. Сонные с утра, по одежкам их вполне можно было определить на взгляд, как далеко он или она живёт отсюда: чем теплее одежда, тем дальше этот человек жил от школы. Большинство из них только что подошли, а потому, рассаживаясь по своим местам, многие ещё здоровались друг с другом. Кто-то из них сказал Саше:

— Доброе утро.

Уткнувшись носом в стол, просто чтобы дать понять, что он услышал, Александр вяло помахал рукой. Кабинет химии постепенно наполнялся голосами школьников. Негромкие разговоры одноклассников между собой были не очень многословны: кто-то спрашивал про домашнее задание, кто-то зачем-то заговорил об экзаменах, кто-то просто хотел перекинуться парой слов с

друзьями о настоящей или будущей жизни — так или иначе, шумной болтовни, привычной классам с большим количеством человек, здесь не было. Сложно винить в этом семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек и девчонок — все они давно свыклись с тем, что их так мало. Привыкли, что сегодня они снова станут пленниками своей школы, невольными узниками Стены, вид на которую как раз открывался из окон тридцать первого кабинета.

Если бы Саша или кто-то ещё из его класса осмелился повернуть взгляд к окну, то непременно бы увидел, как за разделившей город на две равные половины Стеной высилось здоровенное, во всю длину пограничной части улицы, административное здание. Когда-то принадлежавшее какому-то банку, сегодня в нём откровенно нагло пристроилась военная комендатура соседней Колонии. Жёлто-золотой, своими чертами изрядно так напоминающий фашистского собрата, геральдический орёл на светло-голубом фоне на пару с НАТОвским крестом на фасаде изрядно мозолили глаза военным пограничного с ними государства. Хотя прямых конфликтов со времён окончания войны не было, отношения соседей с самого начала были и оставались напряжённые. Такое соседство школы № 1 изрядно давило на обычных людей из Северного Саратова, но

переехать в другое, более безопасное здание администрация позволить не смогла — так и осталась стоять прямо у самой Стены, бомбы замедленного действия, спусковой крючок которой может уничтожить её раз и навсегда.

Вскоре за дверью раздался пронзительный звук школьного звонка, возвестившего о начале нового учебного дня. Словно ожидавшая этого, в ту же секунду из-за двери преподавательской каморки вышла и села за стол учителя невысокая, довольно молодая для профессии учителя женщина. Её тёмные с едва заметным иссиня-чёрным отливом волосы, белый лабораторный халат, извечную привычку шумно листать классный журнал знал почти каждый ученик школы начиная с седьмого класса — Елизавета Львовна, довольно милая с понимающими химию, часто откровенно недолюбливала учеников, по той или иной причине отстающих от программы. Особенно от неё доставалось тем, кто засиживался в её кабинете в конце рабочего дня, но поскольку это занятие у двенадцатого «М» было единственным за всю неделю, к ним она обыкновенно была довольно мила.

Как по указке, восемь учеников одновременно встали и вышли из-за парт. Неохотно, Александр последовал их примеру — как ни крути, правила этикета обязывали его поприветствовать учителя.

— Так, а где остальные? — с ноткой недовольства в голосе спросила учительница.

Стоит помянуть чёрта, как вот он — быстро постучавшись в дверь, в кабинет химии ворвались и сразу встали возле двери четверо взмыленных, запыхавшихся старшеклассников. В одном из них Саша без труда узнал Лёшу Писарева.

— Извите за поздание, можнойти? — отдышавшись, бегло спросил он.

Поджав в недовольстве алые от помады губы, Елизавета Львовна спокойно ответила:

— Быстрее давайте — урок всего один в неделю, а вы ещё опаздываете.

С чувством исполненного долга старшеклассники разошлись по своим партам. Пройдя вдоль ряда, Лёша встал возле своей парты сразу за Сашей.

— Садитесь.

Шумно задвигав стульями, тринадцать учащихся двенадцатого «М» класса сели на свои места. По окончании всех церемоний Саша снова улёгся на парту. Достав из стола чёрную ручку, Елизавета Львовна выразительно занесла её над классным журналом.

— Так, сегодня у нас двадцать шестое... Кого у нас нет... — пробормотала она себе под нос и громко назвала первую фамилию — Авдеев?

В ответ учителю химии послышалась лишь

тишина.

— Борисов? — отметив первую фамилию жирной буквой «н», спросила она.

Никто не ответил Елизавете Львовне.

— Горюшова?

И снова двенадцатый «М» безмолвствовал. Здесь, в этом классе эти фамилии знал каждый — до самого марта 33-го Авдеев Артём, Борисов Никита и Горюшова Василиса учились вместе с ними в одних стенах, одном «физико-математическом» школы № 1 города Саратова: учились — пока не пришла война и не разрушила их планы. В те дни из города не успели эвакуироваться более трети жителей. А всего во время вторжения погибло, по самым скромным оценкам, почти восемь тысяч человек. Когда же бои закончились и наступило шаткое перемирие, не каждый нашёл в себе возможность и силы вернуться. Уехали они или погибли, эти трое в буквальном смысле исчезли: о судьбе их вместе с ещё половиной бывших одноклассников остальной «М» класс мог только гадать. Быть может, они просто покинули Саратов. Так как Артём, Никита и Вася жили в Октябрьском районе, вполне возможно, что сейчас они живут и учатся где-нибудь в Колонии. И никто, никто из тех, кто их знал, не хотел даже предположить, что его или её друзья просто не дожили до этих дней.

Забавно, но Елизавета Львовна знала, что эти люди больше никогда не вернуться в эти стены. Однако никто из этих троих не забрал документы из школы и в одиннадцатом, а потом и в двенадцатом классе все они продолжали числиться её учениками. Просто их никогда не было на занятиях, за что таких ребят многие прозвали «мёртвыми душами».

— Денисов?

Наконец в списке класса появилась первая «живая» фамилия — из-за второй парты третьего ряда кто-то звучно гаркнул:

— Здесь!

— Хорошо. Жукова?

— Здесь! — пискнула девочка впереди Саши.

— Хорошо. Киселёв?

— Здесь.

— Вижу. Коновалов?

И снова в кабинете застыла гробовая тишина. На сей раз в груди всех присутствующих что-то ёкнуло: гордость класса, школы, города, Коновалов Артём был всем известен как не просто волейболист — как эталон, мастер с большой буквы. Капитан сборной школы, член профессионального юношеского клуба «Волгарь», когда началась «Кровавая весна», Артёма не было в Саратове — вместе со своей командой он находился на сборах в Ростове-на-Дону, где

готовился к чемпионату страны. А всего через три недели город перестал существовать — уничтоженный вместе с Волгоградом и Астраханью, атомная бомба превратила этот форт-пост России в руины. По факту о судьбе Артёма с тех пор ничего так и не узнали, но почти весь двенадцатый «М» был уверен, что их одноклассника, товарища и друга больше нет. Да и фамилию эту Елизавета Львовна назвала скорее по старой привычке, как бы стараясь не замечать сделанную кем-то тонким карандашом нагоняющую тоску подпись: «Умер».

— Овчинников?

— Здесь!

— Панченко?

— 3-здесь...

Из-за первой парты третьего ряда тихо приподнялась худенькая девочка с милыми каштановыми косичками. Эти болезненно грустное пепельно-серое лицо, едва слышный тонкий голосок непроизвольно нагоняли уныние и тоску, а потухший взгляд печальных ярко-зелёных глаз сам по себе мог заставить прослезиться. О нелёгкой судьбе старосты класса 12 «М», Панченко Людмилы в школе № 1 знал, наверное, каждый: к началу войны родители Люды вместе с её младшим братом были на отдыхе в санатории в Крыму и только по счастливому стечению обстоятельств,

сославшись на проблемы с учёбой, сама Люда с ними не поехала. О том, что произошло с её семьёй дальше, классу было известно во всех подробностях: пытаюсь прорваться с оккупированного НАТО полуострова в Украину, у самой границы автомобиль с родными Люды попал под обстрел. От попадания гранатомёта машина перевернулась и загорелась. Родители погибли на месте, а за жизнь её десятилетнего брата, Паши, ещё двое суток боролись врачи приграничного города Армянска. Тем не менее, вскоре после этого мальчик скончался.

После смерти мамы и папы Люда осталась на попечении своей восьмидесятилетней бабушки. Покинув город во время эвакуации, вскоре они вернулись в разрушенную квартиру, но совсем ненадолго — сердце пожилой женщины не выдержало постоянных разъездов и скитаний. Оставшись одна, без крыши над головой, теперь семьёй старосты «М» класса стал интернат для детей, чьи родители погибли в ходе событий «Кровавой весны». Именно Люде из их класса досталось больше всех и даже Саша, у которого в ходе атомной бомбардировки погиб отец, старался при ней не жаловаться на свою участь, понимая, что всё могло быть гораздо хуже.

— Писарев?

— Здесь! — поднялся со своего стула Лёша.

— Прокофьев?

— Здесь! — выкрикнул кто-то с места.

— Соловьёва?

— Здесь!

— Тихонова?

Никто не ответил Елизавете Львовне.

— Ульянова?

Двенадцатый «М» снова притих. Ученица лучшей школы города, Ульянова Ася жила в Заводском районе, после войны оказавшегося за Стеной. Доподлинно известно, что дом, где она жила, был разрушен во время авианалётов, однако их семья успела перед этим уехать в Россию. Больше об Аксинье никто ничего не слышал.

— Фоменко?

— Здесь!

— Хорьков?

— Присутствует — тихо отозвался с первой парты первого ряда один из опоздавших мальчуганов.

— Цигаркин?

И вновь кабинет химии в ответ молчал. Цигаркин Илья, не самый приятный, как и не слишком общительный по натуре человек, сразу после окончания войны родители его уехали из Северного Саратова так быстро, что совсем забыли даже забрать документы своего сына из школы. Даже «мёртвой душой» его не называли, ведь

знали: Илья жив. Просто уехал.

— Шпилов?

— Здесь!

— Ага... Эдуардов?

— Здесь!

— Янин?

— Здесь!

— И Яровой?

— Болеет! — внезапно поднялась из-за своей парты Люда — Он мне вчера звонил, что его сегодня не будет.

— Хорошо, садись — спокойно ответила Елизавета Львовна, громко закрыла классный журнал и встала со своего места — Итак, класс: вашим домашним заданием на сегодня были цепочки реакций, которые я разослала вам по почте. Давайте будем честными — кто сегодня его сделал?

В воздух поднялись три руки — Люды Панченко и ещё двух человек с первого ряда. Руки Саши среди них не было.

— И опять меньше половины — запричитала было учительница, как вдруг заметила, что ученик за третьей партой лениво лежит, почти спит на своей парте — Киселёв, а ты почему не сделал? Задание-то простое было!

— Лизавет Львовна, а смысл? — чуть приподняв со голову, скучающим тоном ответил ей Александр, — Составленное вами задание было

некорректно. Я даже бы сказал, неверно в корне.

Двенадцать старшеклассников тут же удивлённо уставились на него. При этом было отчётливо слышно, как кто-то из них протянул: «Ну вот, началось...»

Стараясь при этом держать себя в руках, Елизавета Львовна удивлённо спросила Сашу:

— Поясни, это почему это?

Словно давно дожидаясь этого момента, взведённой пружиной Киселёв выпрямился на своём месте и пулей вылетел из-за парты. Пройдя мимо удивлённых одноклассников, Саша взял с доски обломок карбоната кальция и принялся строчить химические формулы. Тринадцать пар глаз с трудом улавливали движения его правой руки, с огромной скоростью чертивших белым мелом по чёрной доске приговор учителю химии.

— В первой цепочке вами предлагается получить из этилового спирта — пояснял он написанное так громко, чтобы все его слышали, — Уксусный альдегид. При этом в качестве дополнительных реагентов нам давался подкисленный перманганат калия. Люда, ведь так?

— Д-д-д-да — лихорадочно пролистав задания, ответила староста.

— Но! — снова акцентируя на себе внимание, двенадцатиклассник показал указательный палец, — Такой состав смеси просто доведёт эту

реакцию — перечеркнул он написанную им справа формулу и записал другую — до уксусной кислоты! Альдегиды очень капризные соединения, поскольку занимают промежуточное положение по степени окисления атома углерода между спиртами и карбоновыми кислотами. Стало быть, выход будет очень малым. Значит, нужен либо значительно более мягкий окислитель — например, оксид двухвалентной меди — либо идти совсем другим путём.

Стерев предыдущие записи, Саша продолжил писать.

— В нашем случае гораздо более эффективным вариантом будет дегидратация этилового спирта всё той же «серкой», потом прохлорируем полученный этилен на свету и подействуем на него избытком амида натрия в растворе аммиака. Полученный ацетилен шикарно вступает в реакцию Кучерова с солями двухвалентной ртути, получая единственный возможный здесь — снова записав первую формулу, парень обвёл её в кружок для пущей убедительности, — уксусный альдегид. Цепочка получится длиннее, не спорю, но выход у неё будет раз в пять-шесть больше. Не находите?

Елизавета Львовна словно язык проглотила — учителю было попросту нечего сказать.

— Но Саш... Наша тема —

окислительно-восстановительные реакции и...

— Чем не окисление и восстановление? — парировал уже вошедший в раж Александр, — Дальше: во второй цепочке вами предлагается получение 1-хлорбутанола из н-бутилового спирта. Так?

— Ну... Так.

— Однако вы не учли кое-что важное — заявил он, — Без допусловий, в водной среде и при комнатной температуре ваша реакция пойдёт по пути более стабильного карбокатиона — втор-бутила. Таким образом, мы получим не 1-хлорбутанол, а 2-хлорбутанол! Я взял на себя смелость поменять растворитель на неполярный — например, эфир — школьник пририсовал над стрелкой реакции знак, означавший диметиловый эфир, — Что поведёт вашу реакцию по запланированному вами пути. Но ведь про растворитель ничего сказано не было! Не скажете, почему?

На несколько секунд в кабинете вновь воцарилась тишина. Женщина в лабораторном халате медленно оседала за свой стол.

— И наконец, — объявил Саша, — Пятая цепочка: там вы предложили получить простой эфир... Барабанная дробь... Термической дегидратацией! Иначе как объяснить этот ваш знак температуры над стрелкой?

В голосе подростка отчётливо слышалось негодование.

— Ну ладно остальные, но вы-то, Лизавет Львовна! Вы же сами прекрасно знаете, что дипропиловый эфир так не реагирует. Реактивы в помойку! Гораздо больший выход мы получим, если мы разделим порцию н-пропилового спирта на две части. Из одной получим пропилат натрия, а из другой — н-пропилхлорид. И проведём между ними реакцию, чтоб наверняка. Так что — заключил он, — Вот вам моя просьба: если хотите, чтобы я делал ваши задания — составляйте их, пожалуйста, корректно. А не так, на «отвали».

Демонстративно отложив мел в сторону, отряхнув ладони от белой пыли, оставив после себя три абсолютно верные с точки зрения химии схемы реакции, под прицелом взглядов друзей и своей учительницы Саша вернулся за парту. Плюхнувшись на стул, парень как ни в чём ни бывало улёгся спать: подобные разносы были для Киселёва Александра чуть ли не единственным развлечением в школе. Составленная людьми, безумно далёкими от школы и её порядков, программа для некогда лучшего образовательного учреждения в городе стала столь однобокой и скучной, что минимум раз в неделю Саша мог позволить себе слегка оторваться. На химии ли, на биологии, на истории, географии, чуть реже на

физике и даже на математике, с директором школы у доски, стоило преподавателю хоть раз помянуть фамилию «Киселёв», как тот буквально слетал с катушек. По меньшей мере в половине случаев ему удавалось если не разнести в пух и прах учителя, то хотя бы поправить его в паре моментов. Остальные давно знали об этой злобной Сашиной привычке и почти перестали обращать на это внимание — привыкли, что один из них значительно превосходит школьную программу.

Медленно отходя от состояния лёгкой фрустрации и оцепенения, Елизавета Львовна наконец подняла нижнюю челюсть с пола и тихо, неуверенно продолжила:

— Ну... Будем считать, что мы с этим разобрались. Все всё поняли?

Остальные двенадцать учеников едва заметно кивнули.

— Что ж... Сегодня мы повторяем окисление и восстановление. Записываем...

Глава 2

Гостя из прошлого

После химии и сдвоенной физики в виде лабораторного практикума утомлённый давно превратившихся для него в однообразную мешанину занятиями Саша неспешно спускался на

первый этаж — после третьего урока шла длинная, длиной целых двадцать минут перемена, на которой можно было расслабиться, очистить голову от ненужных мыслей и заодно сходить перекусить в столовую или буфет. Обычно парень предпочитал, избегая орд «организованно» обедающих младшеклашек, ходить в последний, но сегодня у этой вечно визжащей своими писклявыми голосками мелочи как раз каникулы, поэтому он решил сегодня не кусочничать, а пообедать как следует. Через мрачный, наполовину утопленный в землю переход между корпусами школы подросток снова вышел в холл, но на подходе к выходу уткнулся в массивную, покрытую тёмным лаком деревянную дверь с табличкой:

«С 26 по 31 марта столовая не работает»

Логично, что попытка приоткрыть её успехом не увенчалась. Раздосадованному Саше оставалось только пустить сквозь зубы пару крепких фраз: похоже, сегодня ему нормально поесть не удастся — к буфету наверняка уже скопилась непролазная очередь. Уныло разворачиваясь обратно, Саша пошлёпал было назад, когда навстречу ему вышла их староста Люда Панченко:

— Саша!

Девушка быстро подбежала к своему

однокласснику. Не поднимая взгляда, Александр угрюмо буркнул ей:

— Не работает.

— Я знаю, — махнула рукой Люда, — Я не по этому поводу.

— А по какому?

Сделав вид, что заинтересовался, Саша поднял глаза. Заметно занервничав, староста сразу же робко отвела голову, уткнув свои тусклые зелёные тоннели куда-то в пол.

— В общем... Саш, тебя директор вызывает.

Старшеклассник искренне удивился.

— Зачем? — спросил он.

— Не знаю, — пожала плечами Люда, — Сказал, зайти перед алгеброй. А уж зачем, не говорил. Но не злился вроде.

— Х-хорошо-о-о... Спасибо — задумчиво, почти нараспев протянул Саша.

Честно говоря, такой поворот событий не особо пугал его, хотя немного настораживал: с чего бы Николаю Петровичу вызывать Киселёва Александра к себе, да ещё перед своим же уроком? С учителями у него отношения вроде как неплохие, проблем в учёбе никаких нет, конфликтов с одноклассниками тоже — а к тому, что он выкинул сегодня на химии, все давно привыкли! Впрочем, отказывать во вполне законной просьбе директора школы № 1 у него причин не было и не

планировавший сегодня испытывать судьбу Саша скорее поспешил обратно по переходу в старый корпус.

Строго говоря, «старым» корпус был лишь хронологически: давным-давно, когда школа ещё не переехала в дом 3 на Мирном переулке, именно его здание отстроили на этом месте самым первым. Свеженький, чистый, цветовая гамма его ничем не отличалась от холла, разве что вместо плитки на полу лежал плотный серый линолеум. Прямо за закрытым решёткой окном коридора виднелась футбольная площадка, откуда, не будь на пути его сетки из стальных прутьев, в стекло запросто мог прилететь шальной футбольный мяч. Приятного розово-кремового цвета стены, лакированные деревянные двери, почти незаметная камера в углу стены — ничто вокруг не заставляло нервничать или бояться. Впрочем, как показывала многолетняя практика, бояться Саше вообще нет поводов: как ни крути, Николай Петрович не из тех, кто предпочитает прянику кнут. Вполне возможно, его опять приспичило порасспрашивать юношу о предстоящих экзаменах, ближайших планах и всё в этом духе. Эти учителя такие наивные: в свои-то годы столько всего повидали и все как один верят, что у него большое будущее! Зачем разочаровывать стариков, так думал он, и потому, дойдя где-то до середины коридора, ученик двенадцатого «М»

класса безбоязненно постучался в ослепительно-белую дверь со скромной серебристой табличкой: «Кабинет директора».

За дверью раздалось громкое:

— Войдите!

Ни секунды ни колеблясь, Саша приоткрыл дверь и не спеша вошёл внутрь. Ученик «первой» школы сразу очутился в просторном, довольно светлом кабинете: большие, новые пластиковые окна с настежь открытыми жалюзи пропускали по максимуму солнечного света, успокаивая, согревая душу, настраивая тем самым на плодотворный разговор. Взгляд всякого сюда входящего немедленно упирался в большой, во всю длину стены шкаф, сверху донизу набитый по большей части разного рода никому не нужной документацией и никем не соблюдаемыми учебными планами — проклятие этой страны, бумажная волокита докатилась даже до сюда, и с этим как-то приходилось мириться. Зато другую, не менее важную часть личного кабинета директора составляли награды: дипломы, грамоты, бесчисленные кубки и медали едва помещались на паре-тройке выделенных им полок за стеклянными дверьми, часть грамот и вовсе переехала на соседнюю стену. Центральную часть кабинета занимал большой, овальной формы стол, сейчас заставленный какими-то папками, а вообще

предназначенный для самых разных целей: от проведения заседания педсовета и официальных встреч до вызова «на ковёр» провинившихся или наоборот, отличившихся школьников.

К слову, о нём — во главе стола, в большом офисном кресле точно посередине между здоровыми флагштоками с флагами Российской Федерации и города федерального значения Северный Саратов, сидел мужчина середины пятого десятка лет. Несмотря на свой, в общем-то, уже солидный возраст, выглядел он достаточно молодо. Пусть его шевелюру кое-где успела тронуть благородная седина, пусть война оставила на этом загорелом лице пару-тройку морщин, в глазах этого человека по-прежнему играла необыкновенная энергия. Глядя в его широкие, крепкие руки, уверенно державшие как обычный молоток, так и руку какого-нибудь чиновника, не приходилось сомневаться в том, что они заслуженно вот уже пятнадцать лет держат бразды правления школы № 1, а солидная повседневность в одежде с прямоугольными очками на носу делали из Николая Петровича человека с виду строгого, но справедливого.

Увидев перед собой старшеклассника своей вотчины, директор школы № 1 добродушно, будто говорит с родным сыном, воскликнул:

— О, Саша! Привет — проходи,

присаживайся.

Ладонь мужчины указала Александру на стул прямо перед ним. Пройдя через весь кабинет, Саша снял с плеч сумку и уверенно присел на предложенное ему место.

— Вызывали, Николай Петрович? — негромко спросил он.

— Вызывал, Сашка. Вызывал... — задумчиво перелистывая какие-то документы, пробормотал директор.

«И зачем же?» — хотел было спросить двенадцатиклассник, но промолчал.

— Ко мне тут Елена Львовна подходила — поведал ему Николай Петрович, — Сказала, ты чуть не сорвал ей занятие по химии. Не объяснишься?

Недолго думая, Саша принялся объяснять ситуацию:

— Ну начнём с того, что урок я не срывал — спокойно сказал он, — Я просто поправил Елену Львовну в части заданного ей же домашнего задания. И обосновал своё мнение. Разве не в этом состоит задача ученика — высказать своё мнение учителю, если оно отличается от предложенного?

— Ну так-то оно да, — понимающе кивнул директор, — Но как мне сказали, ты вскочил со своего места, самовольно расхаживал по классу, мешал остальным отвечать...

— Во-первых, никому отвечать я не мешал — парировал Александр реплику химички, — Отвечать просто было некому. А во-вторых, я просто сократил время на формальности в виде поднимания руки, встречных вопросов и диалога. Таким образом, я даже сэкономил время от урока. И в-третьих, задача учителя всё таки заключается в изложении верного! — сделал он акцент на последнее слово — материала, а вовсе не в подготовке к экзаменам. А если учитель неправ, не будет ли правильным его поправить?

Тяжело вздохнув, Николай Петрович снял со своего носа очки: очередной разговор со старшеклассником зашёл в тупик, при этом явно не в пользу учителя.

— Эх, Саша, Саша — устало протянул он, — Я понимаю — ты у нас умный...

— Не надо, Николай Петрович — я всего лишь запоминаю школьный материал...

— Так, Киселёв — не спорь! — чуть повысил свой голос директор, но сразу смягчился — Я понимаю, что твои знания обходят школьную программу порядка на два, что тебе уже скучно на уроках, но ты учителей-то пожалей! Ладно класрук, ладно Юрий Николаевич, твой физик, да ладно даже я — мы кое-как привыкли к твоим выходкам. Но Елизавету Львовну-то побереги! Она у нас одна по части химии осталась и заменить её просто

некем — не мучай бедную женщину. А Ольга Николаевна — ты ж её сомневаться во всём заставляешь! Как сейчас помню: на пробном экзамене, к простейшей задаче по генетике привёл целых три решения, из них одно — вообще из вузовской программы! Вот ты выпустишься, а им ещё преподавать. И как им смириться с тем, что какой-то, прости уж за выражение, сопливый юнец утирает им нос в том, чему они учились много лет?

Заново водрузив прямоугольные линзы себе на нос, Николай Петрович вдруг спросил у Саши:

— Ты, кстати, куда поступать собираешься?

Школьник в ответ тяжело вздохнул: надеялся на простой выговор — ага, размечтался!

— Пока не знаю — тихо забормотал он, — Вообще, буду ли... И куда?

— Брось, Саш! Сколько раз тебе говорю: не бойся возможностей — твердил ему Николай Петрович, — С твоими-то способностями, если есть шанс зацепиться где получше, почему бы и нет?

— Николай Петрович, давайте не будем загадывать — с тяжёлым сердцем ответил Саша, — Я рад, что вы меня так высоко оцениваете, но экзамены ещё не прошли. И потом, вы ж знаете, моя мама может просто не потянуть моего переезда...

— Брось ты уже! — махнули ему рукой, — Люди и не такое тянут. А не потянет она —

потянешь ты! И потом, матери они все такие — боятся, что их чадо отберут, вот и держат у сердца, порой во вред. Не ты первый, не ты последний — чего я, не знаю, что ли?

В ответ Саша тяжело опустил голову. Глаза его были полны печали.

— Так вы... за этим меня вызвали? Поговорить хотели? — с трудом сдерживался он.

Тут Николай Петрович спохватился:

— Прости, заговорил тебя совсем! Я чего тебя вообще... Звал...

Задумчиво оборвав предложение, директор школы вдруг встал из-за стола. Довольно забавно было видеть, как мужчина в самом расцвете сил неуклюже роется в каких-то папках в поисках одному ему известной бумаги. Искоса разглядывая его пиджак, Саша отчего-то подумал, что этот пепельно-серый почти такой же, как цвет линолеума в коридоре. Эта странная и немного глупая мысль вызвала у него недюжинное любопытство: может, это не просто совпадение? Да не, бред какой-то!

Вскоре отыскав нужный ему документ, Николай Петрович снова присел на своё место. Саша сразу обратил внимание: бумага, которую держал в руке директор школы, была светло-голубого цвета. Этот с виду обычный факт зрядно удивил его: такие бумаги используют

только в южной части города — откуда она у него?

— Скажи, пожалуйста, Саша — загадочно протянул Николай Петрович, — Ты знаешь... Некую... Рыжову Настасью Анатольевну?

В этот момент у Саши перехватило дыхание, а вслед за ним — чуть не остановилось сердце. Всего за несколько секунд лицо старшеклассника заметно побледнело. Трясущиеся руки судорожно вцепились в край стола, а нижняя челюсть сама собой отвалилась. Ледяная волна ударила в мозг, разорвав мыслительный орган на неспособные рассуждать здраво части — как? Откуда? Опять... она? Этот человек, эта девушка была куда больше, чем просто старая Сашина знакомая, чем просто его друг или даже враг. Когда-то давным-давно они с Настасьей учились в школах по соседству — меньше чем на месяц его младше, школьница носила форму частного лицея № 13, пристроившегося в том самом здании банка на пересечении Мирного переулка и Советской. Фактически их учебные заведения разделяло не больше пятидесяти метров, но по странному стечению обстоятельств познакомились они совсем в другом месте, а именно — в школе спортивно-бального танца неподалёку. Так уж сложилось, что придя одновременно в одну и ту же секцию просто из любопытства, убить появившееся свободное время, и у него, и у неё просто не

нашлось партнёра для этого и их вполне закономерно поставили танцевать вместе. Это оказалось судьбоносным решением: быстрота и отточенность движений баскетболиста идеально гармонировала с её женственной грацией — быстро научившись не стесняться друг друга, парень с девушкой скоро достигли настоящего совершенства в новом для них обоих ремесле. Встречи на танцах помогли Саше найти общий язык с Настасьей и в обычной жизни и уже скоро они стали пересекаться до и после занятий в школе.

Однако кто сказал, что двое молодых людей переходного возраста на этом останутся? Никто ровным счётом так ничего и не понял, но всего через месяц главная звезда «М» класса стал постоянно появляться возле стен своей школы под ручку с обворожительной, огненно-рыжей под стать её фамилии миниатюрной красоткой из соседнего лица. Ещё задолго до раздела Саратова на Северный и Южный школа № 1 и лицей № 13 часто враждовали друг с другом по самым разным поводам, но косые взгляды одноклассников ничуть не пугали ни его, ни её: как это часто бывает в столь юном возрасте, они были необыкновенно счастливой влюблённой парой и не представляли жизни друг без друга. А вскоре их танцевальный дуэт начал добиваться успеха — пара Киселёв-Рыжова стала раз за разом занимать

призовые места в танцевальных конкурсах городского, областного и всероссийского уровня. «Огонь и его кузнец», как прозвали их завистливые соперники, с ходу ворвались на этот Олимп, завоевав по пути сердца судей, вдохновляя себя и других на новые свершения.

Однако незадолго до «Кровавой весны» всё неожиданно изменилось: всего за неделю до начала войны, в тот роковой день Саша со всех ног летел с утра пораньше на метро — хотел как обычно заехать к Настасье перед занятиями, чтобы вместе доехать до школы и заодно (надо же было так случиться!) пригласить её в кино на новый фильм. Подойдя со всей ответственностью к моменту, парень рассчитывал сделать любимой приятный сюрприз, но когда он подошёл к её дому, солидной двухэтажной новостройке на окраине города, на телефон Александру пришло сообщение. От Настасьи:

«Пора расставить все точки над «i» — мне надоела твоя компания: ты просто конченный придурок, которой мне никогда не нравился. Я просто притворялась, чтобы самой научиться танцевать. Можешь забыть обо мне — не твоего уровня птица. Уходи: не хочу тебя более ни видеть, ни знать. Прощай, неудачник!»

Удивлённый, нет — ошарашенный до глубины души, Саша поначалу было решил, что это

какая-то ошибка: что у его Рыжули украли телефон, взломали почту или ещё чего. Иначе как такое вообще возможно: почти полгода вместе, пять месяцев идеальных отношений — и тут на тебе! Всё обман — коварное притворство?! Но попытавшись позвонить ей на домашний телефон, узнать, что же произошло, Александра попросту шесть раз сбросили. А когда тот посмотрел в сторону комнаты Настасьи, то ясно разглядел в окне второго этажа девчачий кулак, показывающий средний палец.

Долгие дни Саша не мог принять, что всё это произошло с ним — подросток просто не мог поверить, что его выкинула, словно надоевшую игрушку, та, кого он искренне любил. Столько времени искал возможности поговорить, выяснить, что стало не так, но всякий раз натыкался на непреодолимую стену: номер телефона и почту Александра девушка внесла в «чёрный список», а попытка встретиться с Настасьей у неё в школе лишь чудом не кончилась дракой с «тринадцатыми». Отвергнутый, никак не понимал, что же происходит: неужто это и вправду случилось? И только спустя пару месяцев после того, как одно-единственное сообщение разделило его жизнь на «до» и «после», совсем как полгода спустя город Саратов, наконец осознал: всё, написанное Настасьей — правда. Всё то время, что

они были знакомы, девчонка скрывала под маской милашки свою истинную, лживую и циничную натуру. И тогда, в то злополучное утро, он впервые увидел её истинную личину: она действительно не хочет его видеть. Эта рыжая никогда его не любила — и не любит.

После этого парень оборвал все связи с Настасьей — пятнадцатилетний мальчуган на собственной шкуре осознал, что никакой взаимности его чувствам не было и нет. Те билеты в кино пришлось попросту выкинуть — бедняге не хотелось даже вспоминать, что когда-то в его жизни присутствовала эта ведьма. Пожалуй, то был редкий случай, когда поговорка о рыжих была правдивой — у Настасьи не было не только души, но и сердца. А после того, как в Саратов вошли войска НАТО, этот дом и эта школа волею судьбы оказались по ту сторону границы. С тех самых пор Саша почти забыл о её существовании, однако теперь, спустя вот уже два года, как они расстались раз и навсегда, услышав до боли знакомые ему инициалы, Александр был поражён до глубины души.

— А... Что... с-с-случилось? — заплетающимся языком спросил он.

— Дело в том, что... Данная особа — выдержал паузу Николай Петрович, — Назначила тебе встречу на Переговорной улице. Сегодня, в 13

часов 5 минут, у двенадцатого окна.

Тут-то подросток окончательно выпал в осадок: «Окно в Америку», улица, ещё недавно носившая имя Сакко и Ванцетти — единственное место во всём Саратове, где разделённые Стеной люди могли абсолютно законно подойти к ней. Где-то год назад в толстенный бетон, отделивший их Северный Саратов от чужого, Южного, были вмурованы огромные, метр на метр, толстые пуленепробиваемые стёкла высокой степени прозрачности. Всего таких «окон» в Стене сделали пятнадцать, на расстоянии где-то десять метров друг от друга. После этого территория Переговорной улицы сразу была оцеплена — отныне на неё можно было попасть только по предъявлению паспорта, если человек жил тут или где-то рядом, или особой карты, выдававшейся только в Саратове. Зато теперь, с этими документами любой мог находиться там свободно — каждый саратовец имел полное право поговорить с человеком по ту сторону Стены, просто назначив ему «встречу у «окна». Родственники, чьи семьи и судьбы разделила новая государственная граница, получили шанс пообщаться друг с другом. Однако воспользоваться этой поистине невероятной возможностью можно было лишь двенадцать раз за весь год — по одному на месяц. Зачем Настасья решила истратить такую

ценность именно на него, после всего, что было, сам Саша не имел ни малейшего понятия. И честно говоря, не хотел даже думать об этом.

— В принципе, в принципе — как бы невзначай, но всё равно навязчиво объяснял ему директор, — Тебе... необязательно идти туда. Нет — конечно, тебе решать: ты парень умный, с потенциалом, с перспективами. Сам знаешь — отсюда людей выпускать не очень любят, но не пустить студента, имеющего место в общежитии другого города, учиться на бюджет даже военные не имеют права. А связи с иностранцами всё-таки могут усложнить данную, кхм, процедуру...

— Николай Петрович, я вас понял — неожиданно перебил его Саша.

Брови мужчины резко поднялись.

— Правда? Рад слышать...

— Но я всё-таки схожу туда.

Николай Петрович искренне удивился.

— Эва как! Есть причина?

— Не знаю... — признался он, — Наверное, просто не хочу, чтобы у неё сгорела встреча. Сами знаете, если не явлюсь туда, встреча всё равно будет считаться состоявшейся и она просто... Потеряет возможность встретиться с кем-нибудь ещё.

Саша был предельно честен с человеком, ставшем ему вторым отцом ещё при жизни первого

— он и в самом деле не знал, не имел ни единой причины, чтобы идти туда. В голове Александра не укладывалось — зачем? Зачем Настасья снова нашла его? Уже больше двух лет прошло и тогда она абсолютно чётко дала понять, что не желает больше с ним пересекаться! Теперь они живут в разных городах и даже странах — с той поры очень многое изменилось. К тому же, вокруг неё всегда крутилось много парней и такая красивая внешне особа просто не могла засидеться в девках. Но если Настасья не хочет снова оживить их отношения, зачем ей видеться с ним? Хочет насыпать соль на рану? Или может, ей что-то от него нужно? Словом, поступок рыжей дьяволицы выглядел по меньшей мере странно и даже глупо, но этим он только провоцировал пойти на её условия.

— Ну... Ну ладно. Хорошо, — слегка неохотно согласился Николай Петрович, — Тогда тебе, я так полагаю, карта пропуска нужна?

— Она со мной — неожиданно ответил Саша. Порывшись в сумке, парень показал небольшую, вроде банковской, алую карточку с шестнадцатизначным индивидуальным номером и надписью латиницей «Kiselev Alexander».

— Ха! Зачем ты её таскаешь?

— Мама просит — понуро ответил подросток, — Говорит, вдруг папа всё-таки вернётся...

— Понятно... — понимающе протянул тот, кто знал о судьбе почти каждого из учеников своей школы — У тебя ведь следующие два урока у меня?

— Сдвоенная алгебра — да.

— Ну, стало быть, тогда тебя с них отпускаю — заявил Николай Петрович, — Иди.

Старшеклассник искренне удивился:

— Да зачем, Николай Пе...

— Иди-иди! — настаивал директор и Сашин учитель математики по совместительству, — За целый год ни одного урока не пропустил — надоел уже! Надо же делать хоть иногда исключение. Только домашнее задание сдай — и чеши отсюда. Давай-давай, топай, Киселёв!

Недолго думая, Саша отдал ему свою домашнюю работу и попрощавшись, удивлённо пошёл в гардероб. Да уж — такого поворота его жизнь давно не делала. Если и был человек, который выходит на улицу только для того, чтобы пойти в школу, ну или на самый крайний случай — в магазин, то это был Киселёв Александр. С тех пор, как появилась Стена, жизнь Саши практически не менялась вот уже как почти полтора года. А тут — на тебе: директор подбивает на прогул! Та, что не желала его больше видеть и знать, неожиданно объявилась в совершенно чужой стране! «А я точно ещё в своей Вселенной?» — подумал

двенадцатиклассник. Хотя если по-честному, шутить сейчас было не то время, да и не то место: под звонкую трель школьного звонка Александр скорее набросил на плечи куртку, нацепил рюкзак и молча вышел из школы.

Выбравшись из-за ограждения через узкую дыру в заборе, Саша поспешил в сторону улицы Горького — там, на пересечении с Сакко и Ванцетти его ждала самая странная, и наверное, самая невозможная встреча в его жизни. В голове всё ещё стояло стойкое непонимание: для чего? Именно тогда, когда он почти забыл о ней, снова напоминать о себе. Эта рыжая ведьма — что ей от него надо? Почему именно он — тот, кто совершенно точно не захочет её видеть? После двух с лишним лет отсутствия — стоит ли вообще заново вспоминать то, что уже не вернёшь? Вопросы в голове её бывшего ухажёра плодили друг друга, как кролики и Саша только и делал, что разбирался в них, на ответы же попросту не было времени. До назначенной встречи у Стены уже оставалось немногим больше тридцати минут, а ему ещё надо было пройти через весь проспект Кирова. Напряжённо думая, а скорее — бессмысленно гадая, чего ожидать от Настасьи, громко хлюпая сапогами по тротуарной плитке, Саша почти бегом пересёк улицу Чапаева.

Яркое полуденное солнце на иссиня-голубом

небосводе вовсю слепило глаза, обжигая своими горячими лучами правую сторону лица двигающегося в сторону Горького школьника. Стайками оккупировавшие чёрные нити проводов, над проспектом о чём-то своём бойко щебетали воробьи. Свежий, не тронутый выхлопами машин ветер приятно освежал мысли, заставляя на некоторое время забыть о цели пешего похода. На окраине пока ещё абсолютно голые, здесь посаженные год назад вместо старых молодые деревца как раз успели дать первые нежно-зелёные листочки — центральные кварталы Северного Саратова уже впустили к себе в гости весну. Сверкающий билбордами, неоновыми вывесками, «саратовский Арбат» был так похож на какое-нибудь Пятое Авеню на Манхеттене: чистенький, без единого пятнышка грязи или снега проспект увлекал за собой, приглашал пройти дальше вглубь. Не по-буднему праздничная и яркая, пешеходная улица как могла привлекала к себе взгляды немногих гуляющих здесь в будний день горожан.

Одновременно с тем глаза резали никем не тронутые, ни от кого не скрытые, наоборот, как бы выставляемые напоказ незаживающие раны, оставленные штурмом города двухлетней давности: почти каждый дом где-нибудь да ощутил на себе огневую мощь войск американцев — точно

изъеденное короедом гнилое дерево, местами штукатурка попросту зияла дырами 223-го НАТО-вского калибра. Большая часть когда-то жилых квартир давно опустела: заколоченные фанерой окна — выеденное яйцо, тонкая белая скорлупка без какого-либо содержимого. Каждый третий дом не имел жильцов вовсе. Здание аптеки на пересечении с Вольской было почти разрушено — из четырёх этажей только один и остался. Практически сокрушив центральный, Фрунзенский район Северного Саратова, «Кровавая весна» оставила после себя стойкое ощущение того, что ходишь по самому настоящему Сталинграду. Такой контраст жизни и смерти на одной улице создавал впечатление города-призрака, не так давно оставленного цивилизацией, и если не знать, что это самое ядро административного центра почти на миллион душ, было бы очень сложно с этим поспорить.

Погрузившись в свои унылые размышления, Саша дошёл до улицы Горького и, даже не оглядевшись по сторонам, свернул направо и вышел прямо на середину проезжей части. По этой дороге, в этом направлении уже давно никто не ездит: просто некуда — впереди улица упирается прямо в Стену. Людям только и остаётся, что использовать опустевшую от пробок улочку как парковку — слева и справа практически вплитык к

домам на тротуаре стройными рядами стояли автомобили. Сухой, потрескавшийся от времени и взрывов снарядов асфальт оставлял на душе ощущение пустыни. То слева, то справа, следы ударов авиации НАТО всё чаще попадались на глаза. По мере приближения к Стене число обитаемых, «живых» квартир становилось всё меньше и меньше — опасность границы отпугивала, давя на подсознание. Приближаясь к разделившей некогда единый город черте, Саша сильно занервничал: что ему там делать? Не зря ли он вообще туда идёт? Может, стоит, пока не поздно, повернуть назад?

Но пройдя мимо улицы имени Железного Феликса, двенадцатиклассник поднял голову и устремил свой взгляд строго вперёд. Там щурящиеся от яркого солнца карие глаза узрели, наверное, самое необычное для местного человека зрелище: здесь, на пересечении Горького с Сакко и Ванцетти, Стена, разделившая Саратов на две половины, уже не выглядела такой устрашающей. Ни контрольно-следовой полосы, ни сетки под напряжением, сигнализации, снайперов — только голый серый бетон, за которым другой город и другая страна. Отсюда, прямо за оградой уже можно было разглядеть эти странные, из ниоткуда возникшие на месте старых двух— или трёхэтажные, разукрашенные в оранжевые,

фиолетовые, голубые и прочие цвета радуги дома — Южный Саратов, перешедший по итогам перемирия Колонии, точно назойливая моль, шутоподобно играл своими красками перед лицами жителей Севера. Всякий, кто хоть раз бывал здесь до войны, сразу замечал: этих зданий на южной стороне улицы прежде никогда не было — почти подчистую разрушенный ударами НАТОвских сил, город по ту сторону границы возродился из пепла ещё до строительства Стены. Северянам оставалось только диву даваться: как они это сделали? Откуда у них такие силы и средства, что теперь тот Саратов выглядит даже лучше, чем его северный сосед? Это казалось невероятным: там, за Стеной, теперь всё совсем иначе — по сути, от прежнего Саратова в южной части осталось только название. И пусть здешние политики все в один голос твердят, что перед ними «ярчайший образец пропаганды проамериканского правительства Азовщины — потёмкинская деревня», что чуть дальше от границы вовсю процветают хаос, нищета и разруха, что людей, бывших граждан России, оказавшихся там, вовсю притесняют, факт оставался фактом — другое государство позаботилось о внешнем виде своей части города. В отличие от его северной территории.

Уже подходя к Стене, Саша увидел, как к какому-то маленькому, наподобие театральной

кассы киоску тянется длинная, почти на всю длину Сакко и Ванцетти очередь — все эти люди стремились назначить встречу хотя бы на сегодня. Переговорная улица, «Окно в Америку», квартал самоубийц — кто как называет это место. И если первые два названия ещё понятны обывателю, то последнее имело, как бы грубо это ни звучало, самый что ни на есть сакральный смысл. Каждый раз, приходя сюда на встречу, люди оставляли здесь частичку себя: знать, что там, за толстым слоем бетона, ещё есть кто-то, кто тебе дорог, но ни уйти, ни уехать туда, и уж тем более — забрать его оттуда ты уже никогда не сможешь, было страшнейшим из испытаний для саратовцев. Почти круглые сутки по обе стороны от Стены сюда выстраивалась такая километровая очередь: люди со всех концов разделённых границей городов стремились назначить сыну, дочери, брату, свату, другу, куму или просто какому-нибудь знакомому встречу здесь, у «окна». Пускай всего на пять минут, пусть их будет разделять толстое пуленепробиваемое стекло, а потом они не смогут видеть и слышать друг друга ещё целый месяц, они встретятся — расскажут друг другу, что у них там происходит, узнают, что было хорошего и плохого, как течёт жизнь по обе стороны Стены. Немыслимая, непостижимая разуму ценность для тех, кто не живёт в Саратове — городе, бесстыдно

разделённом на Северный и Южный.

— Стой!

Откуда ни возмись, в нескольких метрах от границы, возле Саши словно из-под земли вырос мужчина в военной форме. Крепко сложенный, выше Александра больше чем на пол-головы, его строгий, суровый взгляд сам по себе внушал ужас. Глядя в эти жёсткие глаза, Сашу всего передёрнуло, хотя ровным счётом старшекласснику нечего было бояться.

— Вы на Переговорную улицу? — спросил военный.

— Да — кратко ответил ему Саша.

— С какой целью?

— Мне назначена встреча.

— Окно?

— Двенадцатое.

— Время?

— Тринадцать-ноль-пять.

— Имя, назначившего встречу?

Военный снова пристально смерил взглядом молодого человека, от чего ему стало как-то не по себе.

— Настасья.

— Полное имя? — несколько раздражённо повторил он.

— Рыжова Настасья Анатольевна — проскрипел зубами Александр.

— Год рождения?

— Семнадцатый.

— Место рождения?

— Саратов, Заводской район.

По правде говоря, Саше начинал уже надоедать этот допрос с пристрастием. Ну ладно, имя-фамилия, но год рождения-то ему зачем? Они бы ещё кличку собаки попросили назвать! И вообще: Настасья — довольно редкое имя, зачем к нему ещё и фамилия? Одним словом — бюрократия. Во всей своей красе.

Поколебавшись немного, не найдя, видимо, больше поводов прицепиться, мужчина в камуфляже протянул Александру одетую в белую хлопковую перчатку правую руку.

— Вашу карту.

Недолго думая, подросток протянул ему свой пропуск на этот крохотный клочок земли. Взяв карточку, военный достал из кармана прибор, похожий на карт-ридер, как в магазинных кассах. Резко вставив в него кроваво-красный кусок пластика, мужчина принялся набивать что-то своими толстыми пальцами. Задумавшись о том, что будет дальше, Саша подумал: неужели не могли всю эту тягомотную волокиту автоматизировать? С такой концентрацией вояк это место так и будет называться «Окно в Америку»! Совсем ничему их жизнь не учит.

Спустя несколько секунд на торце прибора загорелась зелёная лампочка и цифра: «11». Военный вернул старшекласнику карту, чтобы тот сразу убрал её в рюкзак.

— Следуйте за мной — строго сказал ему мужчина.

Пройдя через рамку металлодетектора, напоследок оглянувшись на длинную очередь, оставшуюся позади, Александр поспешил за этим великаном в цветах хаки. Ходил солдат российской армии быстро, широкими шагами, так что Саше приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от своего спутника. По дороге к окну подросток очень старался не смотреть направо — близость Стены ещё немного пугала. Этот толстый, шершавый слой бетона — так близко к нему больше нигде нельзя подойти. Хотя нет, можно — но всего один раз: как в анекдоте с подзорной трубой, направленной на солнце.

Вскоре военный остановился перед одной из нескольких тесных, сложенных из толстой фанеры кабинок. Из щелей этих глухих фанерных коробок чуть заметно проглядывал тёмный войлок, служивший, вероятно, в качестве звукоизоляции. Снаружи их прямо сквозь Стену тянулись какие-то провода — очевидно, от микрофонов, чтобы люди по обе стороны границы могли друг друга слышать.

— Ждите здесь — сказал он и встал возле двери лицом к границе, спиной к Саше.

— А долго? — не выдержал и спросил Александр.

— Сколько надо, столько и будете ждать — жёстко отрезали ему в ответ.

Не получив ответа, парень украдкой заглянул в свой мобильный — на часах было 13:02. Ещё три минуты, а скорее всего, чуть больше осталось до встречи с нею. Не зная, чем себя на это время занять, Саша снова принялся думать: Настасья — зачем? «Странные эти создания — женщины» — подумал он: а если бы он уехал, как часть одноклассников? Как она тогда бы выкручивалась? Где бы потом искала? Пересечь-то границу России с Азовской Республикой нигде, кроме как в Саратове, невозможно, а дальше границ города её просто не пропустят — нет регистрации! Впрочем, Саша уже устал гадать, зачем только ей понадобился — скоро сам всё узнает.

Внезапно дверь кабинки, возле которой стоял военный, чуть-чуть приоткрылась. Из-за его широченной спины старшеклассник с трудом увидел, что внутри довольно-таки темно — так темно, что не видно даже стоящего там человека.

— Время истекло — выходите! — приказали ему снаружи.

Из переговорной кабины медленно,

прихрамывая, показался дряхлый, сморщенный старик в сильно потрёпанном кителе, болотно-зелёных брюках и головном уборе, отчётливо напоминающих прежнюю военную форму. Судя по погонам и кокарде на его тёмно-зелёной фуражке, служивший когда-то в Вооружённых Силах в звании капитана, грудь мужчины была буквально усыпана орденами. Из-за отблесков солнца Саша не смог разглядеть все его награды, но готов был поклясться, что видел на форме бывшего вояки медали «За оборону Краснодара» и «За оборону Волго-Дона» — сложно в это поверить, но мужчине не было и пятидесяти. Лицо «старика» было всё сплошь изрыто морщинами, под почти бесцветными, блестевшими от слёз глазами отчётливо виднелись синюшные мешки. Сильно израненные руки с трудом держали деревянную, грубую трость — военный, отдавший свои лучшие годы служению Родине, теперь и сам стал её пленником. Незавидная участь того, кто отдал бы жизнь за мирное небо над головой своих потомков. От мысли об этом у Саши в груди что-то кольнуло: да — не заслужил он такого...

Медленно ковыляя на своих скрюченных ногах, мужчина с ощутимым трудом вышел из переговорной кабинки, после чего военный повернулся к следующему на очереди:

— Проходите.

Немного побаиваясь, старшекласник поспешно вошёл внутрь тесной, обитой изнутри несколькими слоями войлока комнаты. Бросив рюкзак на фанерный пол, Саша увидел перед собой матово-чёрную непрозрачную заслонку. Чуть ниже, где-то на уровне пояса из фанеры торчал большой микрофон с динамиком — очевидно, сюда люди должны говорить, чтобы услышать человека по ту сторону. Постояв немного, Саша хотел спросить, что делать дальше, но не успел он обернуться, как в ту же секунду за ним закрыли дверь, оставив подростка наедине с собой.

Несколько секунд Александр стоял в полной темноте, с лёгкой опаской задумываясь: и что — всё? Больше ему ничего не светит, что ли? Но стоило Саше только подумать об этом, как наверху загорелась лампочка, озарив войлочные стены неестественно ярким белым светом. Матовая преграда в считанные мгновения в буквальном смысле растворилась — то, что было принято им за заслонку, оказалось прослойкой электрохромного стекла, скрывавшегося на фоне толстого, отсвечивающего зеленоватым пуленепробиваемого. Удивлённый, Саша посмотрел прямо туда и увидел — по другую сторону кабинки, за Стеной, со стороны Колонии, в паре метров от него стояла невысокая стройная девушка на вид где-то одного с ним возраста. Одетая в школьную униформу,

состоящую из светло-серого женского пиджака, ослепительно белой школьной блузки, ярко-красного шёлкового банта-галстука, юбки чуть выше колена и иссиня-чёрных туфель на небольшом каблуке, выглядела она очень эстетично и красиво. И всё равно — глаза юноши сразу уловили: внешность молодой особы сплошь перекроена. Длинные, почти до пояса, угольно-чёрные волосы незнакомки резко контрастировали с отдельной не тронутой краской огненно-рыжей прядью. В больших ярко-зелёных глазах её ярко сверкали окрашенные в тёмно-карий цвет контактные линзы, а худые, тонкие как соломинки ноги были все исписаны хной. Видя перед собой Александра, неизвестная просто стояла, повесив свой аккуратный носик, и молчала, не зная, что сказать.

С первого взгляда не узнав свою бывшую возлюбленную, парень подошёл вплотную к стеклу и увидел на щеках у неё едва заметные следы веснушек. Правый средний палец девчонки вдруг сверкнул до боли знакомым кольцом. В голове Александра сразу щёлкнуло: то самое кольцо, на том самом пальце — том, что показали ему из окна два года назад. Кошмар, о котором он почти забыл — сомнений не осталось: чуть подросшая за прошедшие два лета, внешне изменившаяся почти до неузнаваемости, Рыжова Настасья собственной

персоной стояла по другую сторону стекла.

Наконец, решившись первой нарушить неловкое молчание, «незнакомка» очень изящно наклонилась к своему микрофону и тихонько произнесла:

— Ну здравствуй.

Услышав на том конце голос бывшей пассии, Саша буквально впал в ступор: парень готов был поклясться, что услышал в интонации собеседницы чистый английский акцент. Этот мягкий, нежный, почти детский голосок когда-то любимой им девушки — что с ним стало? Невозможно было не признать: он помнил Настасью совершенно другой. Прежде эта рыжая никогда не экспериментировала, тем более так сильно, с собственной внешностью — природа наделила девочку редкостной красотой, которую попросту боязно было портить. Теперь же в Настасье не было почти ничего настоящего: волосы крашеные, в глазах линзы, а ноги — все в татуировках, пусть и временных. Говорит — и то с акцентом! Что же это за мода такая? «Колония» — с дрожью в поджилках подумал северянин.

Именно сейчас, в тот самый момент, когда пришло время раз и навсегда расставить всё по своим местам, слова, лестные и не очень, которые вообще можно было отнести в адрес Рыжовой Настасьи, со свистом куда-то вылетели у Александра из головы. Растерянно глотая воздух,

старшеклассник не мог вымолвить ни единого слова. Испуганно оглядываясь по сторонам, глаза Саши уловили в нижнем правом углу стекла таймер, отмерявший время — шестьдесят секунд встречи двух жителей городов, разделённых границей, уже прошли. «Что делать? Что мне делать?» — парень понятия не имел, что сказать той, что когда-то втоптала его в грязь.

Но тут Настасья, слабо улыбнувшись глазами, сказала ему:

— Рада, что ты пришёл...

И у Саши само собой вырвалось:

— А я вот что-то не очень!

Кулаки юноши судорожно сжались, пульс невыносимо больно застучал где-то в висках. Взгляд рыжей ведьмы по ту сторону Стены сразу сник.

— Понимаю. Понимаю, ты злишься...

— Да ни черта ты не понимаешь! — тут же перебил её бывший парень, — Я тоже какое-то время не понимал. А потом понял — понял, кто ты такая и кто ты на самом деле. И что зря я вообще тебя встретил. Зря!

В лице Настасьи промелькнула тень страха:

— Постой, Саш...

— Ну уж нет — сама хотела со мной встретиться, так получай! — бесился он по другую сторону стекла, — Ты просто скажи: как? Как у

тебя вообще хватило совести? После всего, что было? Думала, снова тебя увижу и завизжу от радости — как малолетка, буду прыгать и радоваться, что ты снова нашла меня? Думала, ждаль буду тебя, как верный пёсик, Хатико недоделанный? Или просто захотелось повеселиться? Поиграть с когда-то забытой игрушкой?! Посмотреть, как тот, кому ты вонзила нож в спину, гниёт в четырёх стенах? Порадоваться, что все прошлые козни сошли тебе с рук — ответь, Настя?

— Не называй меня Настя, — тихо попросила его Настасья, — Пожалуйста, Киселёв...

— Ах, мы теперь на фамилии перешли! — снова вспылил Александр, — Ну что же, буду тебя Рыжова называть — тебе, кстати, больше не идёт!

Большие глаза в контактных линзах испуганно вытаращились.

— Послушай, Саш...

— Нет, это ты меня послушай — перебил её человек из другой страны, — Здесь и сейчас. Раз уж ты всё равно притащила меня сюда, я использую оставшиеся минуты по максимуму — чтобы ты наконец узнала, как я тебя ненавижу.

На лице Настасьи появилась жалостливая гримаса.

— Я две недели — две недели пытался поговорить с тобой. Названивал, сообщения слал:

на почту электронную, на телефон — всюду! Даже в школу к тебе припёрся, за что меня там чуть не побили, между прочим. Ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти, чтобы просто понять, почему ты так со мной поступила?

— Я...

— Я же никогда тебе ни в чём не отказывал. Старался, как мог. Делал всё, чтобы ты была счастлива: в кино сходить? Да не вопрос! Помочь с чем-то в школе? Без проблем! Поговорить о наболевшем? Только щёлкни пальцем! Я всегда был рядом. Готов был помочь, уступить в чём-то, надеясь, что я тебе так же нужен, как и ты мне! И этим ты мне отплатила?

— Саш...

— Чего стоило просто поговорить? Сказать, что такого случилось? Признаться во всём с глаза на глаз? Да, тяжело, да, трудно, но я бы понял — понял тебя и постарался исправить то, что смогу, ну а если нет, то хотя бы принять это. Мы бы даже танцевать, может, продолжили бы — пусть и не парой, но всё равно! Тебе же это нравилось, я это знаю — так чего стоило просто признаться? Сказать в лицо: «Пшёл вон! Надоел уже, отброс!»

С каждой фразой Саша всё больше выходил из себя — всё, что накипело, наболело за долгие два года, то, что долгое время держал в себе, разом выплеснулось на девушку по ту сторону Стены. Все

эти годы держал себя в узде, но когда снова увидел эту рыжую ведьму перед собой, просто не смог сдержать эмоции — жгучая, невыносимая ненависть к Настасье перелилась через край. Всё больше повышая голос, старшеклассник уже надрывал голосовые связки, продолжая орать на ту, чьё предательство стало для него началом конца.

— Тебе ведь без разницы, что из-за войны у меня больше нет отца. Что моя сестра, чуть что, замыкается в себе и молчит по нескольку дней. Что моя мать надывается каждый день, просто чтоб с работы не попёрли. Что я сам вряд ли поеду на учёбу туда, куда мечтал, просто потому что не тяну по финансам! Ну как тебе теперь — хорошо, смотрю, живётся в Колонии, предательница!

Настасья тем временем медленно сползала на пол:

— Саша... Пожалуйста...

— У тебя осталось всего полторы минуты — яростно прошипел, глядя на таймер, Саша — И за эти полторы минуты я хочу услышать ответ всего на один-единственный вопрос: зачем ты вообще сюда припёрлась? На кой хрен я тебе спустя два года сдался? Какой колдун дал тебе такую смелость, ведьма? — проорал он последние пару слов так, что чуть не охрип.

На несколько секунд в кабинках по обе стороны Стены наступила гробовая тишина.

Испуганная и шокированная, Настасья окончательно исчезла из поля зрения Саши. В какой-то момент ему показалось, что он слышит тихие всхлипы, но ни на йоту этому не поверил: слишком много он видел и слышал, чтобы теперь снова верить этой грязной лжи. Когда-то отвергнутого, Александра всё ещё разрывало от ненависти и каждый глоток воздуха лишь усиливал эту безумную злость. Сердце колотилось как бешеное, дыхание стало рычащим и непонятно, как парень до сих пор не проломил стекло, чтобы задушить эту мерзавку.

Наконец, где-то спустя пол-минуты гостья из-за Стены снова показалась в окне кабины. На лице Настасьи не было ни слезинки, что окончательно убедило Сашу: она ни капли не раскаивается и не сожалеет. А значит, всё зря — абсолютно все его слова прошли мимо ушей.

— Я... Я просто... — тихо, нерешительно пропищала она.

— Что? Что? — уже не так громко, но всё равно злобно спросил Александр.

— Погоди секунду!

Девушка снова исчезла где-то внизу, но через несколько секунд вновь появилась в его поле зрения — на сей раз Настасья держала в руке маленькую бумажку и перьевую ручку. Короткий взгляд на таймер в углу — ещё сорок секунд.

— Пожалуйста, Саша — южанка усердно принялась что-то строчить на бумаге, — Прошу тебя, умоляю: приходи завтра, в семь часов вечера — вот по этому адресу.

И развернула записку в сторону Саши. Слегка прищурившись, сквозь толстое стекло Александр увидел написанный характерным косым, витиеватым почерком адрес:

«Проспект Кирова, 11, в холле»

Ровно через три секунды сообразив, о каком месте идёт речь, Саша буквально оторопел: да это же... северная часть города! С кем он там должен будет встретиться? Она же не может просто так выйти из-за Стены и поговорить?! Выходит, опять издевается? Дразнит его?

— Нет... — испуганно, в ярости покачал он головой — Нет, кажется, ты не поняла меня.

— Что? — спросила Настасья.

— Это была наша последняя встреча, понятно? — с новой силой завопил Саша, — Всё! Кончилась сказочка! С этого момента знать тебя больше не-же-ла-ю!

Испуганно вытаращив глаза, бывшая его сразу прильнула к стеклу:

— Стой, Саш! Прошу, не уходи!

Но Саша её больше не слушал.

— Прощай! — рывкнул он и с силой ударил ногой по двери изнутри.

Тонкая фанерная створка моментально отворилась, впустив внутрь кабины солнечный свет, материализовавший между ним и Настасьей матовую завесу.

— Стой, стой, Саша!!! Пожалуйста, вернись! — громко вопила она в микрофон, но тот больше её не слышал. Громко захлопнув за собой дверь, Александр со всех ног стремился покинуть Переговорную улицу. Не оглядываясь на кордон из военных, на удивлённые лица таких же, как он, парень, который «так быстро закончил», летел во весь опор, желая быстрее убраться подальше от этого мерзкого места. На что он вообще рассчитывал? Что она будет валяться у него в ногах, просить прощения, начать всё с чистого листа? Нет — даже у Настасьи есть гордость. Так на кой чёрт его сюда понесло? Зачем снова насыпал себе соль на рану? Опять взбудоражил тёмные страницы прошлого? Всё ж и так хорошо было: мама, сестра, школа — что ещё нужно?! Да, могло быть и лучше, но могло быть и хуже: взять хотя бы их старосту — она вообще сиротой осталась! А Лёша — у него старший брат тогда служил в армии, после тех боёв инвалидом стал! «Зря» — подумал Саша и, попытавшись выпустить пар, с силой пнул асфальтную крошку.

В голове у старшекласника никак не утихала бешеная, разъедающая изнутри всё нутро злоба: голова раскалывалась от мысли о том, что эта девка снова нашла его — ведьма, отравившая его жизнь гнетущим одиночеством, вновь встретилась на его пути. Даже просто думать о Настасье теперь было откровенно противно. Со всех ног мчась в сторону проспекта Кирова, Саша не находил себе места: казалось, что во всех бедах, постигших его ещё два года назад, виновата только она. В войне, что случилась всего через неделю после их расставания, в Стене, возникшей посреди города — во всём. Вдыхая свежий воздух проспекта Кирова, слушая омерзительно радостные птичьи трели, Александра понемногу отпускало от гнева. А отбросив весь выплеснувшийся негатив, в мозгу Саши осталась всего одна мысль: поскорее добраться до школы, где его ждёт Ксюша, вернуться домой — и больше никогда, никогда не видеть эту рыжую дуру.

Глава 3

Место встречи изменить нельзя

— Эй! Саша? Саш — прекрати, она уже не шевелится!

— А? Что?

— Я говорю, хватит мучить сосиску — ешь давай.

Очнувшись от минутной задумчивости, Саша вдруг понял, что истыкал вдоль и поперёк вилкой свой полуфабрикат, а перед носом то и дело мелькает в надежде привлечь внимание ладонь матери. Осознав это, подросток хорошенько встряхнул свою сонную голову, отбросив ненужные мысли и неохотно принялся есть гарнир. Вяло пережёвывая недоваренный, местами сухой, рассыпчатый рис, просто чтобы не обижать порой рассеянную маму, Саша уткнулся глазами в стол. После вчерашнего голову ещё жгло непонимание: зачем? Зачем он вообще вчера пошёл на Сакко и Ванцетти? Знал ведь, что ничего хорошего ждать не стоит! Дурак, видимо — совсем не изменился с тех пор...

— Всё нормально? — неожиданно спросила его мама.

Подняв взгляд со стола, на всю щёлкающую маленькими зубками Ксюшу, Саша совершенно невинно произнёс:

— Ну да, а что?

— Сегодня чего-то сам не свой — в голосе женщины слышалось беспокойство.

Мальчуган только отмахнулся.

— Ой, да ну ты — я всегда такой.

— Да не скажи! — отрицательно покачала головой мама, — Обычно тебя не остановишь, когда ешь, а сейчас уткнул глаза в тарелку и застыл.

Смотри — Ксюша уже доела, а ты до сих пор сидишь! А ведь обычно она за тобой не поспевает.

Из чистого любопытства Саша посмотрел — и правда: тарелка сестры была уже почти пустая, при этом он к сосиске так и не притронулся.

— Не вкусно, да? — виновато поджав губы, спросила она.

— Да нет — всё вкусно! Правда — поспешил заверить её старший сын, — Наверное, не голодный просто.

— Что-то случилось?

— Да ничего не случилось, мам! — случайно повысил он голос, но тут же извинился — Прости, просто не выспался.

Нервно сложив руки на груди, женщина глубоко вздохнула. По лицу было прямо-таки видно: материнское чутьё — штука порой неподкупная.

— Положи в холодильник — в обед разогрею — предложил ей Александр.

— Да ты даже не позавтракал нормально — поешь, не спеши!

— Да не надо, мам — сейчас не хочу. Домой приду, доем — хорошо?

Неуверенно качнув головой, хозяйка квартиры забрала у него тарелку.

— Ну хорошо — но чтобы в обед съел! А то пропадёт.

— Ладно-ладно — деланно весело ответил Саша и быстро пошлёпал собираться.

Уже привычными, годами отработанными движениями укладывая к себе в рюкзак планшет, тетрадки, кое-как запихивая ручки и стилус, подросток из Северного Саратова всё ещё думал о вещах, которые никак не мог понять, взять в толк: и что ему делать? Теперь Настасья как южанка в любой момент может назначить ему, северянину, встречу. С другой стороны, зачем ей это? Не похоже, что этой дуре нравится, когда на неё кричат. Может, ожидала чего-то другого? Но откуда этого другого ожидать?! Непонятно — и самое неприятное то, что непонятно, что именно.

Собрав свои вещи, Саша поспешил к сестре помочь ей одеться, но не успел он схватить ручку двери, ведущую в комнату, как Ксюша сама вышла ему навстречу — уже замотанная в куртку и готовая двигаться в путь.

— А я уже всё! — громко пискнула она.

— Эээ... Молодец — удивлённо протянул брат, — Так быстро?

— Ой ты умница — сама собралась! — радостно всплеснула руками подошедшая мама, — А братик твой чего-то тормозит.

— Ага... Старею — выкрутился из ситуации Саша.

В квартире тут же раздался залиvistый смех.

— Старею — ой не могу! — всю смеялась женщина, — Скажешь тоже.

— Ну да — а чего ты ещё хотела? — подхватил он, — К восемнадцати совсем старичком стану. Правда, Ксю?

— Ага! — весело кивнула сестрёнка.

— Так, всё, старичок — собирайся давай, а то опоздаешь ещё.

Заметно оживившись, Саша поспешил одеваться. Наспех нацепив прямо поверх майки утеплённую футболку, старшеклассник пулей умчался за остальной одеждой. Всего за каких-то пять минут оделся более-менее по погоде, намотал сестре на шею шарф, просунул руки в перчатки, взял в одну руку Ксюшу, в другую рюкзак и быстро умчался из квартиры.

— Саш — ключи! — опять напомнила мама.

— Я сегодня поздно — сама откроешь.

Из подъезда Саша вместе с Ксюшей опять поспешили в сторону метро. Сегодня они вышли позднее обычного, но вряд ли это могло служить оправданием очевидному: воздух по сравнению со вчерашним ощутимо прогрелся. От дыхания изо рта почти не парило, щёки не мёрзли и вскоре Саша заметил, как его сестра стянула с лица шарфик. Тонкий, водянистый слой льда приятно похрустывал под ногами. Покрытый хрупким настом, тёмный от грязи и выхлопных газов слой

снега таял буквально на глазах и ноги Саши кое-где уже нащупывали подошвами ботинок дорожное полотно. Вишнёвые кусты возле соседнего дома вынесли поближе к солнцу готовые вот-вот распусться почки. Коты, прежде гревшиеся на своих трубах, вальяжно разминали свои мохнатые лапы и хвост. В воздухе совершенно отчётливо ощущались знакомые, по-настоящему весенние запахи — вслед за центром, окраины Северного Саратова начинали потихоньку оживать от зимнего сна и от мысли об этом на лице Саши заиграла довольная улыбка.

Проходя мимо заброшенных, полупустых домов, Александру, наверное, в сотый, если не в сто первый раз пришло на ум: а ведь когда-то там тоже жили люди. Если подумать — что, если бы они остались? Сейчас им опять толкаться в метро придётся, а ему потом ещё в автобусе — это что же было бы, будь желающих раза в два побольше? Город и так стоит по пару раз в день, метро всё время переполнено — что, если бы они не оставили приграничный Саратов? А ведь когда-то их было вчетверо больше — и ничего, справлялись. Да, с трудом, да, порой с задержками, но транспортная система миллионной агломерации выдерживала этот людской шторм. Отчего же сейчас не может? С «Кровавой весны» ведь почти ничего не изменилось: инфраструктура до сих пор похожа на

лоскут ткани, оторванный от южной части. Что же с ними всеми стало?

— Эй, Саш, ты куда?

Окликнутый Ксюшей, подросток внезапно пришёл в себя — в своих размышлениях Саша прошёл мимо поворота на мост, да ещё и спутницу свою отпустил.

— Прости — сплю на ходу, — хлопнув себя по лбу, школьник поспешил за своей более внимательной сестрёнкой.

Пройдя через очередь к турникету и выйдя на платформу, Саша с Ксюшей через четыре минуты сели, а точнее, встали, а ещё точнее — еле втиснулись в переполненный вагон метро. Руки, ноги, голова — всё смешалось в одной разноцветной каше. Изо всех сил расчищая под ногами пространство для маленькой, беззащитной Ксюни, старший брат её снова предавался своим мыслям. То и дело нечаянно толкая кого-нибудь в борьбе за свободный глоток воздуха, в голове Саши давали ростки довольно тягостные думы: лица людей — до чего они все однотипны. Хмурые, злые, брови у всех насупленные — почему? Почему они такими стали? Что сделало их этими эгоистами, не способными к сочувствию и уважению младших? Нет, всё не так: они всегда такими были — просто скрывали этот очевидный факт ото всех. Дома, на работе, в кровати все они стараются быть

пайньками. Но здесь, в переполненном поезде метро, где властвует анархия случайного порядка, волей-неволей проявляется, выдавливается наружу истинная личина. Личина, которую он когда-то не увидел в ангеле, оказавшемся на поверку дьяволом.... «Зачем? Зачем ты снова напоминаешь о себе? Жила бы себе спокойно в своей Колонии и жила! Так чего сюда пришла? Зачем снова отравляешь мне жизнь?»

— Станция «Стрелка»! Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны.

С облегчением выдохнув, брат и сестра вместе со всеми вышли на конечной станции.

— Сегодня тебя ведь мама забирает? — спросил Саша, выходя на платформу.

— Ага — кивнула ему Ксюша, — Сказала, чтоб ты не задерживался сегодня.

— Да понял, понял я — постараюсь.

Предав сестру подготовительным курсам, Саша как обычно поспешил на свой автобус. Ожидая «сарая» вместе с сотней-другой таких же страждущих добраться до центра, в голове его было всё так же беспокойно: «Кинотеатр «Пионер»? С чего бы ей звать меня в кинотеатр, который уже давно не работает? И ещё время выбрала — семь вечера. Я к трём освобожусь уже! Какого лешего мне ждать её...»

— Эй, парень! Берегись!

— Что? — спросил было Саша, как тут же получил промеж глаз и чуть не упал прямо под колёса — зеркало заворачивавшего на остановку автобуса больно стукнуло его по носу. Морщась, потирая ушибленную переносицу, более-менее очухавшись от столь неожиданного удара, парень со всех ног помчался к дверям, но было уже поздно — в считанные секунды переполнившись, перед Александром уже стояло десятка два таких же не влезających. Злобно плюнув на асфальт, взбесившись на вконец охамевшего водителя, резкими движениями Саша закутался в свою куртку, отошёл от «компенсаторника» и сел на лавочку.

«Да что со мной?» — никак не понимал он, — «Зачем я вообще об этом думаю? На кой чёрт? Что было, то прошло — забудь уже о ней! Сам сказал, что это наша последняя встреча. Всё, конец — больше она к тебе не пристанет! Вообще, на что она рассчитывала, когда звала тебя? Может, этого и хотела — понервничать заставить? Но она вроде что-то мямлила про то, что понимает. Спустя два года таки очухалась... Ну нет — поздно уже пить боржоми. Всё!»

— Эй, Киселёв! Давай сюда!

После скучнейших географии и обществознания заметно подуставший двенадцатый

«М» ждала расслабляющая, позволявшая отдохнуть перед финальным рывком сдвоенная физкультура с «химико-биологами» — последних, кстати, в школе № 1 всегда выпускалось относительно мало, а два года назад и вовсе осталось четыре парня и Алиса, потому занятия у их класса проводили вместе с «физ-матом». Большой, размерами пятнадцать на двадцать пять метров, с очень высоким потолком, занавешенными прочной сеткой зелёными стенами и огромными окнами спортивный зал на третьем этаже, как и остальные помещения школы, был оснащён всем необходимым для проведения занятий, во все времена рассматривавшихся скорее как развлечение, чем школьный предмет. Футбольные ворота, волейбольная сетка, беговая дорожка, стрельбище для всяческой пневматики — всё это спокойно умещалось на относительно скромной для столь многозадачного комплекса площади. Шведская стенка в углу, скамейки передохнуть, баскетбольные кольца, в рваной сетке которых периодически застревали мячи, натянутая поперёк зала волейбольная сетка — то, что надо, чтобы пару раз в неделю оторвать школьников от своих парт и погонять в непогожие дни по тёплому, душному помещению. Впрочем, они были совсем не против размяться: иные, оставив портфели в продуваемой всеми возможными ненастями с улицы раздевалке, сами иногда заглядывали сюда

на перемене или после уроков, на что учителя физкультуры, простые мужики с широкой душой, игнорируя сложившуюся в стране репутацию данной профессии, регулярно устраивали с ними спарринги. Вот и сегодня Сашу вместе с Андреем Сергеевичем, преподавателем их класса, поставили в команду «хим-био» в противовес уже сложившейся шестёрке волейболистов «физ-мата».

Напяливая поверх своей футболки кислотно-оранжевого цвета майку, старшекласник поспешил на площадку. По другую сторону волейбольной сети уже стояли шесть бело-синих фигур во главе с капитаном школьной команды Эдуардовым Пашей. Немного замешкавшись с распределением ролей в команде, Саша упустил из виду момент, как оказался на позиции подающего: делать нечего — первую подачу в игре придётся исполнять ему. Получив из рук физрука лёгкий, почти неощутимый на вес волейбольный мяч, Киселёв пару раз отбил его от добротного дощатого паркета, слегка крутанул в руке, с силой подбросил вверх метра на три и в полёте послал на половину поля противника.

Чиркнув сетку, снаряд аккуратно спланировал на сведённые вместе кулаки Писарева Лёши. Технично приняв этот мяч, одноклассник Саши отправил его Прокофьеву Максиму. Получив пас, парень отразил его так, чтобы он подлетел повыше,

позволяя капитану команды сделать своё чёрное дело. Гроза обороны, основной атакующий физ-мата Эдуардов Павел со звуком, больше похожим на пушечный выстрел, отправил сине-жёлтый мяч обратно с такой силой, что двое парней из «хим-био» даже среагировать не успели, когда тот аккуратно спланировал точно перед линией аута.

Раздался свисток — очко засчитано. Со скамейки раздаётся крик учителя «химико-биологов»:

— Один-ноль!

Уныло топчась на месте, Саша ничуть не обижался на химиков за их нерасторопность — ребята просто ничего не могли сделать: за два года после ухода Киселёва Александра из сборной новая шестёрка «М» класса давно сработалась. Однако как раз способного заменить Сашу по уровню им и не хватало — и когда со стороны «белой» команды в сторону Александра прилетел мяч, тот совершенно без усилий подал его вверх. А Андрей Сергеевич, крепкий мужчина лет тридцати пяти, завершил подачу мощнейшей атакой. Пробив блок из рук «физ-мата», мяч улетает в стену — то есть, в аут.

Свисток.

— Один-один!

Переход — и Саша оказывается на позиции

центрального принимающего. Подавать вышел Косаченко Серёжа — самый хилый и мелкий из химико-биологов, одно его появление на площадке стало возможным только потому, что класс до невозможности мал. Сам по себе парниша неплохой, добрая душа и всё такое, его физические данные оставляли желать лучшего. Как результат — от удара мяч вовсе не перелетает через сетку, вместо этого падая на половине поля «хим-био».

Снова свист.

— Два-один!

Мяч переходит к «физ-мату». На сей раз в роли подающего сам Паша — пиши пропало очкам. Подбросив спортивный снаряд под самый потолок, двухметровый гигант с задатками баскетболиста профессионально послал его по дуге. Пролетев в сантиметре от сетки, мяч по параболе полетел прямо к ногам Александру. В попытке поймать резиновую пулю у самого пола парень еле успел присесть, но случайно приложил силу — в итоге, отскочив от его кулаков в сантиметре от паркета, мяч с размаху летит точно в сетку.

— Три-один!

— Ты чего отбил-то? Подбросить надо было! — раздался в сторону Саши порицающий вопль физрука, — Сколько раз говорил — не бейте с размаху. Не-бей-те!

— Да знаю я, знаю — угрюмо буркнул он в

ответ.

Момент за моментом, атака за атакой, игра переросла в весьма любопытную баталию: шестёрка «физ-мата» против Андрея Сергеевича, Саши и четырёх кегель — «Х» класс порой выдавал шикарные атаки, но делал это криво, вяло и нестабильно. Результат закономерен — счёт 11-7 в пользу соперников за двадцать минут. Взмыленный от противостояния с шестью своими же одноклассниками, Александр вдоволь набегался, напрыгался и наприседался за летающим туда-сюда юрким мячиком. В очередной раз увидев классическую «параболу» от Паши, он еле успевает в горизонтальном положении достать мяч. На сей раз снаряд отлетает так, как надо — перелетая через сеть, в возникшей на секунду неразберихе заветный удар ложится идеально между распределёнными игроками зонами.

Свисток.

— Одиннадцать — восемь!

— Вот так! — силком поставив Сашу на ноги, довольно похлопал его по плечу преподаватель — Видели? Видели, как надо? За мячом тянитесь — не бойтесь, не укусит!

«Ну зачем, зачем он это делает?» — слушая хвалебные оды в свой адрес, Александр стремительно начал краснеть: ему ж просто повезло! Просто удачно мяч прилетел! Стараясь не

озираться по сторонам, горящими от стыда ушами он прямо ощущал, как химико-биологи испепеляют любимчика физрука взглядом.

Однако расслабляться было рано и совершив очередной переход, Саша оказывается на позиции левого блокирующего. Их волейбольный матч против лучшей шестёрки школы шёл уже почти целый урок и к этому времени школьник порядком устал. Играя за пол-команды, Саше не раз приходилось оказываться в самых необычных местах, чтобы просто принять мяч — то там, то здесь, команда «М» класса буквально обстреливали их позиции. Нагонявшись за мячом по полной в попытках успеть везде и всюду, футболка Александра пропотела насквозь. Капли пота текли со лба, скапливаясь на бровях. Оперевшись на полусогнутые колени, чтобы чуть-чуть отдышаться и передохнуть, парень на мгновение задумался: чего это он сегодня так усердствует? Когда он в последний раз так выдыхался? Да только... на танцах!

«Что же... что же с тобой стало?» — в голове Саши снова всплыла Настасья, — «Маму бы свою хоть пожалела — она ж в обморок упадёт, увидев тебя в таком виде! Покрасилась-то зачем? Тебе ж шёл рыжий. А глаза — чем тебе зелёные не угодили? Танцы забросила поди — да наверняка: не пританцовывала, как раньше. И вообще скованная

какая-то. Нет, брат — тут что-то не так: она — скованная? Точно говорю...»

Застыв на месте, совсем уйдя в себя, старшеклассник ещё долго мог бы рассуждать о своей соратнице по прошлому, и, наверное, ещё раз поймать себя на том, что думает о по сей день ненавистной бывшей, если бы внезапно не услышал громкое:

— Саша!!!

Ровно в то же мгновение в правое ухо Александру со всей силы прилетел волейбольный мяч. Сам по себе лёгкий, набравший приличную скорость, отскоком от кого-то снаряд сбивает задумавшегося старшеклассника с ног. Заваливаясь налево, пытаюсь устоять на ногах, Саша рефлексивно выставляет руку вбок, но тут же ударяется запястьем об скамейку. Падая, горе-волейболист с размаху больно бьётся носом об батарею. Раздаётся свисток.

— Двенадцать — восемь!

— Стоп-игра!

— Что случилось?

— Саня!

По спортивному залу прокатилось эхо топота множества ног. Начался форменный хаос: вся скамейка запасных, их одноклассники и ожидающие своей очереди двенадцатиклассницы разом высыпали на площадку — к месту

происшествия тут же бросились все, кто видел, как один из волейболистов упал. В считанные секунды вокруг Саши выросло живое кольцо из насмерть перепуганных одноклассников и учителей. Сорок два глаза испуганно уставились на пострадавшего: а вдруг что-то серьёзное случилось? Что делать? О, Боже: это что... кровь?

Сосчитав все звёздочки в глазах, потихоньку придя в себя, морщась от боли, Александр осторожно ощупал свой нос: так и есть — разбил, но вроде не сломал. Запястье тоже — побаливает, но по ощущениям жив-цел-орёл. Легко отделался — ух! Что за сволочь его так?

— Ты как, нормально? — вдруг спросил его кто-то из толпы.

Тут-то Александр и заметил, что на него тарашится пол-параллели.

— Да вроде бы... — тихо ответил он и ощутил, как по губам потекло что-то горячее.

— Кто-нибудь, позовите врача! — громко гаркнул Андрей Сергеевич.

— Да не надо, я... — крикнув, совсем как старик, горе-спортсмен присел на скамейку — Я в порядке, прабда.

По живому кольцу прошёл вздох облегчения.

— Сходи умойся — быстро сказал учитель, поднимая Сашу на ноги.

— Да я сам... — начал было отнекиваться он,

на что Андрей Сергеевич отрезал:

— Так, не спорь! И чтоб потом сразу в медпункт! Лёш, чего стоишь? Помоги!

Из толпы сразу показалась фигура Лёши Писарева.

— Пошли, Сань — грустно, как если бы тот схлопотал что-нибудь серьёзное, сказал он и бесцеремонно, по-дружески потащил в раздевалку.

Сопrotивляясь, Саша хотел было оттолкнуть приятеля, но едва коснулся Лёшиного плеча, как сразу ухватился за руку: только очнувшись от первого шока, он вспомнил об ушибленном запястье. Место сочленения ладони и остальной руки будто отдавило пудовой гирей. В ответ на приступы тупой, ноющей боли, держась за нос, Киселёв Александр кое-как доковылял до раздевалки. Проблемы надо решать по мере поступления, так что сперва парень принялся отмывать лицо от крови.

— Как тебя вообще угораздило? — удивлялся Лёша.

— Думаешь, я здаю? — гнусаво огрызнулся он, — Задумался пдосто.

Запустив пальцы в ноздри, раненый боец принялся скорее избавляться от последствий столкновения с батареей.

— Да ну? — непонимающе смотрел на него Лёха, — О чём можно думать на физре?

— Тебе-то какое дело? — парень попытался закрыть тему и громко высморкался в чугунную раковину. Аморфная, склизкая субстанция вишнёвого цвета медленно вытекла из Сашиного носа, скатилась по покатой раковине из листового алюминия и, движимая потоками воды, исчезла в сливном отверстии.

— Брось, Сань — никак не успокаивался друг, — Я ж видел. Перед тем, как ты там упал.

— Что видел? — охлаждая в ледяной воде больное запястье, поинтересовался он.

— Да сам на себя не похож! Не, ты конечно, всегда странный был, но сегодня вообще другой. Чёстряслось-то? Выкладывай давай.

Брови Александра задумчиво нахмурились, образовав практически идеальный уголок, вроде тех, что рисуют в смайликах. Несколько секунд непривычную тишину в раздевалке нарушали лишь гомон школьников этажом ниже, журчание ледяной воды в раковине, да неприятное урчание в животе, снова напомнившее о том, что пора бы уже набить чем-нибудь съедобным свой желудок. Причиной возникшего в голове ступора была сцена сегодняшнего утра: надо сказать, в детстве Александр не был капризным ребёнком, а уж теперь, будучи единственным мужчиной в семье, и подавно — не в его правилах не доедать завтрак, и вообще привередничать в еде. Эти слова мамы:

«Сегодня ты чего-то сам не свой...»

И вот — теперь ещё и Лёша заметил. Задумчиво глядя на своего друга, Саша впервые всерьёз задумался. Что-то навело его на единственно разумную теперь мысль: а может, они правы? С тех пор, как он послал Настасью, а именно этим и кончился их разговор, парень никак не мог перестать думать о ней. Встреча, в том самом месте: проспект Кирова, дом 11 — неужели она ещё помнит? Если подумать, за те пять минут у Стены эта девчонка ни разу не попыталась задеть его за живое. Так может, и адрес тот она назвала неспроста? Что это вообще значило?

Выйдя из оцепенения, Саша взглянул на стоящего перед ним в позе завязывающего шнурки перед ответственным матчем Писарева Алексея.

— Лёх, слушай — тихо поинтересовался он, — Можешь мне... Одну услугу оказать?

В глазах Лёши сверкнуло любопытство.

— Зависит от ситуации, — пожал он плечами, — Чем смогу — помогу, ну а ежели нет...

— Можешь прикрыть меня? Перед мамой?

Задержав дыхание, старшеклассник приготовился встретить в ответ непонимание, удивление, любопытство, но никак не эту весёлую дружескую улыбку.

— Да не вопрос, братюнь! — довольно похлопал его Лёша по плечу, — Что сказать?

— Скажи, что переночую у тебя — с облегчением выдохнул Саня, — Празднуем приезд твоего брата из Москвы после лечения.

Глаза Лёхи сразу удивлённо округлились.

— Так он ж никуда не ездил...

— Знаю-знаю, — поспешил он перебить его, — Прост не знаю, что ещё придумать.

— А сам-то куда двинешь?

Раскрыв было рот, чтобы ответить, Саша тут же закрыл его обратно. Точно: почти все его друзья если не в подробностях, то хотя бы в общих деталях знали ту историю с Настасьей — будучи главной школьной знаменитостью, трудно утаить такие вещи в секрете. Именно поэтому рассказывать кому-то о чём-то подобном до поры до времени не стоило. Кто знает, чем это обернётся — может, он опять наступает на те же грабли?

— Надо кое с кем встретиться, — спокойно, даже чересчур ответил бывший парень Настасьи.

Взгляд Лёши говорил сам за себя — кажется, не прокатило.

— Сань, ты меня пугаешь — покачал головой одноклассник.

— А что я такого сказал? — решил он до конца прикидываться ветошью.

— Ты ведь не собираешься сделать какую-нибудь глупость?

Лицо друга выглядело очень озабоченным.

— Не, не — ты чё, сдурел? — сразу сообразив, к чему он клонит, поспешил заверить его Александр, — Просто знакомого встретил, друг детства. Встретиться вот договорились, а живёт далеко — до комендантского не успею вернуться.

— А чего так и не скажешь?

— Долго рассказывать, — махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливого комара, Саша — Если вкратце, мама не очень его любит — с родками его какие-то нелады, папа мой ещё рассказывал. Уж не знаю, в чём там реально дело, и не хочу знать. Прикроешь, а?

Виновато прищурив взгляд, парень не сводил глаз с задумчивой физиономии Лёши. Так противно лгать друзьям, но сейчас была как раз та ситуация, когда наилучший выход — поступиться железными принципами: одно упоминание об этой «ведьме из тринадцатой», как её собственноручно окрестил Саша после расставания, может плохо кончиться. Почти все знают, что Настасья жила в Заводском районе, нынешнем Южном Саратове. А там начнётся: предостережения, недоверие, слезка — не дадут покоя, одним словом.

Лёша тем временем, тяжело вздохнув, выпрямился в вертикальное положение. Рот старшекласника открылся, и...

— С тебя станется, Сань — грозно показали ему пальцем.

В ответ Саша так и засиял.

— Спасибо, брат! Век буду должен.

— Как рука-то?

— Да жить буду — довольно потянулся он и в доказательство своих слов повертел ещё слегка припухшим запястьем — кажется, просто сильный ушиб. А стало быть, поводов слушаться физрука стало на две штуки меньше.

— Ладно, хрен с тобой! — махнул рукой Лёха — Погнали, поедим, перерыв как раз.

— Давай — охотно согласился Александр: судороги пониже диафрагмы совсем уже замучили своего несчастного обладателя. Спешно переодевшись, Саша быстро нацепил на себя повседневное и помчался догонять своих одноклассников в погоне за свежей пиццей.

Гудки — тихие, долгие, доносясь из телефонной трубки, они заставляют нервничать тогда, когда звонок особенно важен. Нервно расхаживая из стороны в сторону по проспекту Кирова, едва не сталкиваясь со случайными прохожими, раскачиваясь на своих ногах как на ходулях, весь на нервах Саша настойчиво вызванивал маму. Уже третий звонок не дошёл до адресата и оттого подросток волновался вдвойне: возьми уже трубку, ну пожалуйста!

Наконец на том конце приятным

женственным голосом раздалось.

— Алло?

— Алло, мам?!

Голос чуть дрогнул, но кажется, она не заметила — или не подала виду.

— Привет, Саш! — раздался на том конце усталый, но всё равно радостный возглас мамы, — Прости, что не брала — с девчонками только перерыв выбили! Сейчас обед только кончился, передохнём немного — а потом посуду мыть, готовить и бежать-бежать-бежать...

— Прости, мам — перебил этот готовый растянуться до ближайшего по времени приёма пищи монолог её сын — Извини, если оторвал.

— Да нет, что ты! — отмахнулась она, попрекая себя, — Звони когда хочешь! Всегда рада слышать, сынуль.

От последних сказанных с какой-то избыточной умильностью слов Сашу всего слегка передёрнуло.

— Так что случилось?

— Слушай, мам — неуверенно кося взгляд, как если бы она стояла сейчас прямо перед ним, говорил старший брат Ксении — Просто хотел спросить: ты не сильно будешь против, если я... сегодня... у Лёши переночую?

Голос на том конце телефонной линии двусмысленно замолчал. Несколько секунд слушая

смешивающуюся с гулом улиц тишину, Саша заметно нервничал: он никогда не просил маму о чём-то подобном, а стало быть, сейчас можно ожидать от неё чего угодно.

— Что-то случилось? — испуганно спросила она.

— Да нет, ничего такого — поспешил заверить её Саша, — Костю, брата Лёши, знаешь?

Мама на том конце задумалась.

— Это который без ноги остался — Писарев, в смысле?

— Да — он сегодня из Москвы после лечения возвращается и Лёша позвал отметить.

— Не слышала, чтобы он куда-то ездил — в голосе мамы слышалось сомнение.

— Да я сам только сегодня узнал. Почему и звоню: в одиннадцать комендантский, а они живут теперь далеко — обратно могу не успеть. Постараюсь, конечно, но не...

— Да ладно тебе, Саш! Если такое дело... Сам-то хочешь сходить?

Сказать, что Саша удивился такой реакции матери — значит, не сказать ничего.

— Не имею ничего против.

— Ну и сходи! В принципе, я и позвонить смогу, если что — совершенно спокойно сказала она, — Только заедь домой, деньги на подарок какой возьми.

Уши Саши мгновенно покраснели.

— Да у меня достато...

— Так, не надо мне! — одёрнула его мать, —

Мне как раз двести тысяч авансом дали, купи что-нибудь хорошее.

— Ну... Ну хорошо, — сгорая от стыда, сказал он, — Тогда я... на метро к вам заеду.

— Хорошо. Слушай, раз тебе всё равно по пути, может, тогда и Ксюшу заберёшь, а? Ну чтоб мне крюк не делать?

— Хорошо, заеду. Не переживай — сглотнул сынуля ком в горле.

— Ты ж моя умница! Ну давай, пока.

— Пока.

Положив мобильный обратно в карман, Саша незамедлительно принялся клянить себя: ну зачем, зачем он ей сказал, что идёт на праздник? Вот, и что ему теперь с деньгами делать? Не выкидывать же в канаву! Вернуть обратно? И что он маме скажет — извини, по дороге передумал? Познавший цену куска хлеба просто не представлял, как поступить: прогулять такую сумму для него было непозволительной роскошью. С учётом нынешнего курса доллара как раз выходил неплохой счёт в кафе, но сразу отбросив мысли о подобном расточительстве, ежась от холода, Саша быстро пошлёпал на остановку автобуса.

Доехав до «Стрелки», старший Киселёв в

буквальном смысле добежал до здания школы — из-за пробки он и так прилично опоздал, а сэкономленные пара-тройка минут уничтожили остатки потреблённых за день калорий. Саша быстро набрал номер младшей сестры:

— Алло-о-о-о? — в трубке раздался противный писклявый голосок.

— Ксюха, топай на выход, я у ворот тебя жду — протараторил он.

— У во-ро-т ждё-о-о-ошь?

Искажённый, в высшей степени противный, растягивающий слова писк Ксюши на том конце просто выворачивал Сашу наизнанку. Да сколько можно играть: с тех пор, как эта мелочь пузатая завела воображаемую подружку, они, то есть она, вечно притворяется Лизой, когда братец звонит ей на мобильный. Омерзительный писк, похожий на передышавшего гелием мультяшного персонажа вместо нормального голоса, уже неделю раздаётся на том конце телефона, и похоже, сестрице это ни капли не надоело.

— Так, Ксю, бегом наружу, а то я тут окоченею! — прикрикнул Саша, чтобы та поскорее прекращала свои игры.

— А э-э-это-о-о не-е-е... Лиза, уйди!

Голос на том конце внезапно снова приобрёл нормальный для шестилетнего ребёнка тембр. Из старшего брата немедленно вырвался пар

облегчения: хвала небесам — в этот раз Ксюша быстро закончила свои кривляния.

— Прости, Саш, это Лиза опять с телефоном играет.

— Чеси на улицу давай, а то без ужина останешься!

— Уже бегу — крикнула Ксю, и не дожидаясь, пока он разозлится ещё больше, повесила трубку.

Радуюсь, что такие простые меры пока действуют на его сестру, Александр принялся прокручивать в голове события сегодняшнего дня: пока, не считая волейбольного мяча и зеркала автобуса, никаких неприятных неожиданностей не прилетало. Обычный человек в таком случае давно бы успокоился, но сейчас Саша был как на иголках: что делать? Ему назначил встречу не у Стены человек с Юга. Кто придёт на неё? И почему её назначила Настасья? Само собой, самой ей сюда не попасть — Стена непроницаема даже для армии НАТО, а уж обычная девушка из Южного Саратова и подавно не сможет. Тогда кто?

— Ты же говорил, что мёрзнешь.

Оглядевшись по сторонам в поисках источника возмущений, Саша никого не заметил, но потом опустил голову вниз и увидел, как его за штанину слабо дёргает Ксюша. Очевидно, в этот раз девочка одевалась быстрее, чем требовалось:

шарф был чересчур туго намотан, так что присев на корточки, Саша первым делом ослабил его.

— Прекращай корчить рожи — заметив, как та ему гримасничает, буркнул старший брат и взяв сестру за руку, потопал в направлении «Стрелки».

— Сегодня же мама меня забирает.

— Меня попросила, — объяснил Саша, — Я и заехал. А ты против?

— Не-а — помотала головой Ксюша.

— Ну вот и славно — ответил он и довольно потрепал девчонке волосы.

Двигаясь вдоль проезжей части, брат с сестрой скорее закрыли нос и рот, когда увидели впереди длинную автоколонну из бензовозов. Грязные, покрытые толстым слоем копоти, автомобили источали столь омерзительный запах пороховых, выхлопных и серных газов, что Саша невольно завидовал людям с напрочь отбитым обонянием. Сопровождаемые военными, оранжевые бочки с топливом на колёсах собрали за собой целый караван автомобилистов, стремящихся объехать пробку вслед за их кортежем, держащихся при этом на почтительном расстоянии от пулемёта а-ля «Максим» на позади идущем бронетранспортёре. Доставляя бензин в несметное число военных частей, разбросанных по всему Северному Саратову, солдаты настолько злили горожан, вынужденных из-за квот экономить

драгоценное топливо, что не желая рисковать, администрация города выделила им охрану, вызвав этим ещё больше ненависти и дурного рода ассоциаций с блокадным Ленинградом. Дебилы, мать их — могли бы хоть машины помыть! Что, сложно? А, не — эт они так маскируются: естественный цвет, ничего не скажешь.

Добравшись до метро, Саша и Ксюша спустились на «Стрелку» и тяжело вздохнули — судя по часам в дальнем портале тоннеля, поезда не было уже пять минут как, в результате платформа была битком. Уже не надеясь попасть в первый приехавший после «технического перерыва» состав Саша вместе с сестрой присели на скамью рядом. Наблюдая, как люди из всех сил пытаются уехать именно сейчас, как пытаются впихнуть невпихуемое, оставалось только диву даваться: куда все так спешат? Всё равно дома их ждут всегда, и если они на пять минут опоздают, хуже точно не будет. Жаль только, мысли старшего брата Ксюши всё равно никто не услышал — еле закрыв двери, протяжно шипя, шестивагонник быстро растворился в тоннелях подземки. Оставалось только надеяться, что следующие за «Стрелкой» станции не настолько забиты, иначе они могут и вовсе не доехать до «Московской».

К счастью, страхи Саши оказались напрасными — следующий поезд приезжает

секунда в секунду с расписанием и они с Ксюшей беспрепятственно добираются до дома. Спускаясь по пешеходному мосту, Саше пришлось чуть сбавить темп — его шестилетняя сестра еле переваливала ногами.

— Устала? — спросил он у Ксюши.

— Угу.

— Давай тогда быстренько пообедаем, и я пойду.

— Куда? — удивилась она.

— Неважно — отмахнулся Александр от этой занозы, — Глупостями не занимайся, пока меня не будет — хорошо?

Сестра его сразу притихла.

— Саш?

Ни о чём не догадываясь, Саша посмотрел на неё: выражение лица ребёнка изображало странную смесь испуга, непонимания и страха — как будто горячо любимый родственник внезапно стал смертельно, неизлечимо болен. Физиономия сестрёнки так искренне удивила старшего брата, что он волей-неволей сменил гнев на милость.

— Брось, Ксю, меня всего день не будет. Поедим сейчас что-нибудь, вещички покидаю — и пойду. А ты пока делай, что хочешь!

Кажется, подействовало — девчонка подозрительно хитро заулыбалась.

— Только квартиру не сжигай.

Ксюша тут же приснула со смеху.

— Да ладно, Ксю — поживёшь без своего сварливого братца один денёк! — посмеивался Саша, — На твоём месте я бы прыгал от радости.

Кажется, именно это Ксюша бы и делала, если бы он шёл не так быстро.

— Саш?

— А?

— А куда мы идём?

— А?

Оглянувшись по сторонам, Саша вдруг понял — он так увлёкся разговором, что чуть не прошёл мимо своего подъезда.

— Блин, прости — засмеялся он, — Ну вот видишь, какой я у тебя уже старый!

Девочка уже хохотала всюю — похоже, перспектива посидеть одной дома больше не пугала Ксюшу. Добравшись до лифта, Александр вызвал кабину, когда младшая вдруг снова спросила его:

— А сам куда пойдёшь?

Тяжело вздохнув, Саша с трудом заставил себя ответить:

— Мама тебе всё в подробностях расскажет. Устал уже объяснять, на тебя сил не хватит — и быстро заскочил в весьма вовремя открывшиеся двери лифта.

Поднявшись в квартиру, сбросив с плеч тяжеленный рюкзак, парень первым делом взглянул

на часы в мобильном. Потёртый сенсорный экран был беспощаден к своему обладателю: придётся сильно поторопиться, чтобы успеть на встречу с доверенным лицом Настасьи. Спешно раздевшись, быстро раздев Ксюшу, Саша кое-как повесил на вешалку их куртки и бегом помчался мимо своей сестры на кухню. Бросая на бегу в микроволновку тарелку с собственным недоеденным завтраком, принялся орудовать сковородой, разбив на ней два яйца — пусть Ксюша яичницу не особо жалует, но это лучше, чем ничего.

Наблюдая, как на тефлоновой поверхности медленно, постепенно белея, приобретает при этом причудливые формы, сворачивается белок, тихонько шипит сковорода, как кухня постепенно наполняется приятным запахом свежеприготовленного обеда на скорую руку, Саша то и дело поглядывал в окно. С утра такое яркое и весёлое, к обеду небо над городом заметно помрачнело: густые, серые, медленно ползущие куда-то на юг тучи заполнили собой всё окружающее пространство, вгоняя в уныние весь Северный Саратов. Холодный, порывистый ветер за окном противно свистел в пластиковых окнах, поднимал высоко в воздух похожие на крохотные шарики пенопласта, которые остаются после того, как окончательно доломаешь коробку из-под какой-нибудь сломанной и выброшенной техники,

частички снежной крупы. Деревья, едва заметно колебавшиеся у самой земли, на шестом этаже угрожающе раскачивались из стороны в сторону. Зима, ещё с утра почти сдавшаяся под напором весны, вдруг передумала и теперь никак не хотела отдавать свои позиции.

Громкий звон микроволновки возвестил о том, что рис с нищевродским подобием мяса разогрелся. Достав из шкафа с посудой две тарелки, переложив в одну свою малоаппетитную пищу, Саша быстро дожарил Ксюхин роскошный обед и выложил его на соседнюю, помыл руки и сел за стол.

— Ксю, ну ты скоро? Я вообще-то есть хочу! — крикнул он.

Стоило помянуть чёрта, так вот он — едва Саша заикнулся о своей проныре-сестрице, как из-за поворота прихожей показалось довольное маленькое личико.

— А я уже тут — пискнула Ксюша.

Подбежав к приготовленной старшим братом яичнице, ребёнок недовольно поморщил нос.

— Давай-давай, нечего нос воротить — быстро перемалывая зубами свой рис, кивнул ей Саша на яичницу — Как там говорится: дают — бери, бьют — беги!

Что верно, то верно — ещё немного поворотив нос для приличия, девчушка тоже

приступила к обеду. Маленькая уютная кухня снова наполнилась звоном вилок да чьим-то аппетитным чавканьем. Спешно проглотив свою порцию, Саша с максимально возможной для тарелки скоростью принялся мыть её.

— Как закончишь, тарелку замочи в раковине — помыв свою посуду, сказал он Ксюше, — Мама потом помоеет.

— Хорофо.

На том и порешили — оставив сестру наедине со своим обедом, Саша быстро побросал в рюкзак некоторые учебники, которые ему понадобятся завтра, оделся, обулся и пулей выскочил из квартиры. Конечно, мама ругаться будет, что он не взял деньги, но сейчас его гораздо больше мучила совесть за лишние расходы. Иначе Саша поступить просто не мог — узнай она, что его снова нашла Настасья, и вынос мозга «из любви к сынульке» был бы обеспечен. Оно ему надо?

Перепрыгивая через лужи, едва слышно скрипя сапогами по свежевыпавшему, ещё не мокрому снегу, Саша изо всех сил старался не думать, что его ждёт, когда он придёт на место встречи. Мысль о том, что тут что-то не так, никак не оставляла его. Зачем, почему, для чего, как — все эти вопросы давно смешались для Александра в одну непролазную кашу, откуда не выбраться, ни разобраться. Стараясь не уходить в бессмысленные

теперь размышления, всё больше ускоряя шаг в желании поскорее пережить ледяную, продувающую насквозь лёгкую весеннюю куртейку стужу вместе с толстовкой, старшеклассник почти вприпрыжку полетел в сторону станции метро. Молча слушая, как тихо колышутся высоченные ветви тополей, как скрипит под ногами свежий снег, как где-то вдалеке оглушительно лают две собаки, становилось гораздо легче дышать. В почти слившемся с облачным небом пастельно-сером дыму заводских труб на горизонте, за паром горячей, местами заиндивевшей теплотрассы, город выглядел самим собой — немного серым, слегка диким, местами грустным и унылым, порой отсталым от жизни, но именно таким всегда и был, и наверное, будет дальше Саратов. По крайней мере, его северная часть.

Правду говоря, много кому было интересно, как теперь выглядит Южный Саратов — не за Стеной у «Окна в Америку», отретушированная штукатурщиками потёмкинская деревня, не показываемые изо дня в день по их дряхлому телевизору трущобы, усердно навязываемые правительством в качестве «примера жизни по ту сторону» и разоблачаемые блогерами раз в неделю как обычное захолустье где-нибудь за Уралом, а таким, каким его видят сами южане. Хороший ли, плохой ли, тесный или просторный, добрый, злой

— для всех северян собрат по ту сторону границы был загадкой, чьи огни порой мешают жителям приграничных домов уснуть, чьи звуки льются даже после наступления комендантского часа, чьи праздники видно издалека по ярким китайским фейерверкам. Вполне возможно, Настасья даже не подозревает, что приобрела и что потеряла, приняв решение остаться в Колонии. Однако чем чаще Саша об этом думал, тем больше понимал, что точно то же самое может сказать и о себе. Обо всех, чьи жизни разделили бетонный вал, контрольно-следовая полоса и колючая проволока.

Быстрым шагом по «Московской», в облаках своих бессмысленных размышлений лицо Саши выражало смесь непонимания и обиды. Ероша на ветру волосы, отряхивая их от снежинок, в ожидании поезда в центр задумчиво пуская комочки пара изо рта, глаза парня тоскливо таранились в наполовину стёршуюся жёлтую разграничительную линию. Прошли уже двадцать восемь часов с момента их с Настасьей встречи, а он только сейчас понял, что впервые за два года общался с человеком из «южного» города. Столько всего мог спросить у неё: сколько стоит у них пицца, когда люди там обычно ложатся спать, какого цвета их зубная паста — что угодно! И что же он сделал? Просто выплеснул свою ненависть на Настасью, но и от этого на душе у Саши не стало

легче. Что ни говори, а эта рыжая для него по-прежнему загадка. Но стоило Александру подумать, кого же он ещё знает с Юга, как на станции плавно остановился шестивагонник в центр.

— Осторожно, двери закрываются!
Следующая станция — «Молодёжная».

Двери с тихим шипением закрывают свою пасть, отрезая Саше путь назад. Усевшись на единственное свободное место в середине вагона, подросток чуть откинул назад голову, прислонившись затылком к прохладному, запотевшему стеклу. Одержимый мыслями, парень томно прикрыл глаза, оставив для зрения узкую щёлочку. Из всех сил стараясь не заснуть, Саша максимально расслабился — в это время в поездах относительно мало людей, оттого и поездка становилась куда более приятней. Однако отключиться от реальности до конца никак не получалось: из всех сил цепляясь краями за всё, за что только можно зацепиться, в голове Саши отчего-то мелькала женская школьная форма из Южного Саратова. Эти тонкие, синтетические блузки, пиджаки, юбки, едва достающие до колена — интересно, а ей самой в этом не холодно? Если подумать, так и ноги можно застудить, а то и чего похуже. Хотя самих девушек там, похоже, это не сильно заботит. А может, у неё всё-таки была

верхняя одежда, а тогда просто решила покрасоваться — сейчас уже не узнать.

И всё же, почему он пошёл на встречу? Ни одной весомой причины Саша найти не мог. В конце концов, их с Настасьей больше ничего не связывает: теперь они свободны как ветер, по разные стороны Стены. Да и зачем ей сводить его с кем-то? Если хочет что-то передать, почему не передаст сама? Поговорить с кем-то, ему незнакомому — дала бы номер. Просто увидеть, что ты не одинок — да он никогда и не был один! Мама, Ксюша, друзья — что ему ещё нужно? А девушка — без неё прожить юноше в расцвете сил сложно, но можно. Может, это всё дурацкий розыгрыш? Просто намёк, что нельзя ему быть таким доверчивым — а он, дурак, опять поверил?

И вдруг у Саши в груди что-то ёкнуло. Схватившись за голову, подросток ошеломлённо вытаращил глаза в пустоту. Больно ударяясь о рёбра, сердце так и норовило выпрыгнуть из груди от ужаса. Трудно было поверить в возможность такого стечения обстоятельств, но к этому всё в конечном счёте и свелось: а если встреча в заброшенном кинотеатре — ловушка? Западня, устроенная Настасьей? Конечно, простому школьнику далеко до политических реалий мира сего, но прожив полтора года в городе на военном положении, все саратовцы сами прекрасно

понимали: война продолжается. Пусть не слышно тех стычек, больше не гремят выстрелы, но их смертоносная аура попросту зашкаливала возле самой границы с Колонией. Поначалу никто не обратил внимания, но через месяц после возведения Стены городские службы начали бить тревогу: из Саратова начали пропадать люди. По одному, по два человека в неделю, редко больше, но факт оставался фактом: население города на самой границе за полгода потеряло без вести почти сотню своих сограждан. Родные, друзья ничего не знают, на работе ничего не слышали — словно испарились. В конце концов выяснилось: почти все исчезнувшие до этого встречались с кем-то в местах, самих по себе не людных, но рядом с которыми каждый день проходят тысячи людей, где так легко затеряться в толпе. А после полиция Северного Саратова объявила: двоих пропавших без вести нашли. На КПП «Чапаев» — со стороны Азовской Республики.

Оказывается, используя их знакомых — граждан Колонии, людей похищали и вывозили в Южный Саратов под видом «дипломатического груза». Опуская чудовищные подробности, северян насильно держали взаперти, в тёмном помещении, в железных клетках и только чудом паре из них удалось оттуда сбежать. После того инцидента между Северным и Южным Саратовом словно

пробежала чёрная кошка: города взаимно обвиняли друг друга в похищении граждан России. Представители Колонии заявляли, что эти «так называемые беглецы» — лишь куклы в руках российского правительства, призванного дискредитировать демократические ценности Азовской Республики. Северяне говорили обратное. Кто прав, кто виноват, Саша наверняка знать не мог, однако был уверен: хотя бы малая часть тех, кто потом вернулся, вполне могли быть похищены таким способом. По крайней мере, выглядело это убедительно: Южный Саратов всегда старался всячески переманить жителей северной части на свою сторону, и хотя по заявлениям властей, у них ничего не получилось, иллюзия бегства из подконтрольной России части Саратова была. В голове Саши всё моментально встало на законные места: заброшенный кинотеатр, выходящий на проспект Кирова, рядом со Стеной, в позднее время суток. Чёрт — всё сходится! Подросток с силой стукнул кулаком по пустому соседнему сиденью — вот значит как! Ты теперь тоже... одна из них? От злости по телу Саши прокатилась мощнейшая волна разрушительной, беспощадной ненависти.

— Станция «Стрелка»! Конечная.

Услышав знакомый текст объявления, Саша мощным рывком выскочил из поезда и уже помчался к составу, идущему обратно, уехать

поскорей домой, к маме, к сестре, к родному дому, но остановившись на пол-пути к шестивагоннику, услышал откуда-то из толпы вопрос:

— Почему?

«Почему? Почему, Сань? Скажи, а!» — несколько раз повторил тот же вопрос голос в его голове, — «Серьёзно, ты до сих пор ненавидишь? Так ненавидишь, что готов списывать на неё все грехи мира? Всерьёз думаешь, что она станет воевать за Колонию просто потому, что бросила тебя? Сань, у тебя паранойя! Может, уже сходишь с ума? Или уже сошёл?»

Замотав головой, как при сильном головокружении, Саша сперва застыл на месте, а затем грузно приземлился на жёсткую скамейку посередине платформы.

«Сам подумай — ну бред же! Конечно, нельзя исключать вероятности, что она теперь завербована, но скажи — какова она, вероятность эта? Тысячная? Миллионная? Ей всего семнадцать, Сань! Очнись уже! Ты просто параноик!» — нашёптывал ему на ухо внутренний некто, — «Так уверен в самом худшем? А где повод? Что же, интересно, таким тебя сделало? Война? Стена? Бедность? Колония? Она? Да хоть тысячи причин придумай, всё равно это неправда. В этом виноват — просто прими это — ты сам!»

«Ты сам! Ты сам...» — пронзительная пустота

в голове Саши эхом отразила последние слова. Хватаясь за голову, парень изо всех сил пытался вытрясти мучительный, режущий слух ответ, но не мог. Одиночка, всегда сторонящийся друзей, сестры, матери, злопамятный пессимист и ворчун, прежний он сейчас, наверное, не узнал бы такого себя. После «Кровавой весны», совсем один, Александр всё время старался забыть ту, прежнюю жизнь. Чтобы не было так больно, чтобы не сломаться, не потерять себя в новом жестоком мире, найти силы протянуть руку помощи — погрязшей в отчаянии матери, слетевшей с катушек сестрёнке, просто пережить все эти неприятные перемены. А со временем затворничество превратилось в привычку — прячась от всех и вся, Саша так старался забыть, каким был, что не понял, как стал совсем другим. Забыв о себе, помог тем, кто так нуждался, давал уверенность, но во всей этой суете не оставил частичку себе самому. Просто бросил на произвол судьбы. Как когда-то бросила его Настасья.

— И чем ты тогда лучше? — тихо прошептал он себе под нос.

Уткнув взгляд в колени, закрыв голову руками, в позе эмбриона сидя на скамье в метро, подросток старался абстрагироваться от всех, остаться наедине с самим собой. Грохот поезда за спиной обдал Сашу знакомым запахом машинного

масла, нестройный гул шагов вокруг нервировал. Абсурдная надежда разобраться в себе прямо здесь и прямо сейчас стала для северянина новой путеводной звездой. Звездой, указывающей точно на юг.

«Попробуй. В конце концов, что ты от этого теряешь?» — продолжал внутренний Саша, — «Если что, мобильник всегда под рукой. Полиция, конечно, не самое лучшее место, но по крайней мере, об этом сразу же узнают. Будь на стрёме и держи хвост по ветру — знай, до границы там ещё сто метров. Кого бы тебе там не привели, это не так опасно, как лезть через Стену за ответом. Давай, вылезай из своей скорлупы — может, получится. А если нет — ну, ты хотя бы попытался».

Выпрямившись, Сашу всего передёрнуло: по затёкшим плечам словно прошёлся разряд молнии. Успокоенный голосом в голове, одинокий школьник сидел на платформе. Никто его не трогал: люди просто проходили мимо. Ну, оно и к лучшему — всё равно от них не получит ответа. Он точно знает: где-то рядом — всего через три остановки. «Вокзал», «Университет», «Кировская»... Чёрт возьми, а ведь раньше было так близко! Это теперь придётся крутиться. Поднявшись, чуть отряхнувшись сзади от слоя пыли, Саша с силой встряхнулся и посмотрел на часы в своём мобильном. Через пару минут как раз должен был

подъехать автобус и надеясь на него успеть, парень со всех ног поспешил покинуть «Стрелку».

Двадцать минут лицезрения антиутопического реализма в тёмно-синих тонах пролетели незаметно — и едва двери автобуса номер 24 открылись на площади Чернышевского, Саша со всех ног поспешил к кинотеатру «Пионер». В городе постепенно смеркалось и последние лучи уже зашедшего за горизонт солнца догорали в вечернем небе. День сменяла ночь, а проспект Кирова никак не прекращал из последних своих сил завлекать к себе гостей. Яркие разноцветные огни Консерватории, оставшиеся ещё с празднования городом Нового года, неплохо дополняли ламповость оранжево-жёлтого свечения окон заведения муз. Красные, жёлтые, белые, зелёные, синие лампочки играли, то загораясь что есть сил, то угасая, как могли поддерживая жизнь засыпающего с наступлением одиннадцати Северного Саратова. Красная, кое-где потрескавшаяся плитка велодорожки, бесхозно протянувшейся через весь проспект, вела несущегося во весь опор Александра мимо удивлённо глядящих вслед прохожих, уличных музыкантов, полицейских, фотографа, едва не зацепившегося за Сашу своей камерой, к кинотеатру «Пионер». Успеть к семи вечера — вот

его цель, а там уже будь что будет.

Краем глаза заглянув в мобильный, парень увидел там 18:57 и, отправив телефон в карман, со всех ног пустился в погоню. Всего три минуты — и он всё узнает. Три минуты — и его больше не будут терзать сомнения. В случае необходимости телефон пошлёт SOS-сигнал ровно через пять секунд после четырёх нажатий кнопки блокировки, и тогда конец всем планам Настасьи и её колониетской банды! Преодолевая один за другим пустующие, выдающие свою смерть отсутствием в окнах хоть какого-то огонька дома, Саша изо всех сил боролся со своим страхом — что его ждёт? И главное, кто? Зачем? Выбиваясь из сил от бега, старшеклассник уже жалел, что не пообедал ранее как следует, но теперь было уже поздно мечтать. Все мысли его вели к «мёртвому» зданию с табличкой «Проспект Кирова, 11».

Наконец-то встретились — после утомительного забега на время Саша снова посмотрел в свой телефон: 18:59 — всё-таки успел! Согнутый пополам в попытках перевести дух от бега, старшеклассник то и дело поднимал глаза на заброшенный кинотеатр. Самый южный в городе, всего на пару десятков метров южнее «Победы», в дни войны из него буквально вытрапливали накрепко засевших там НАТОвцев, оттого ныне кинотеатр представлял собой жалкое зрелище.